

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)

2020. № 4.

Tom 3

Society & Security Insights

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2020. №4
Том 3

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2020

УЧРЕДИТЕЛЕМ ИЗДАНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
Издается в сотрудничестве
с Ассоциацией азиатских университетов,
Евразийским национальным университетом имени Л.Н. Гумилева

Главный редактор журнала

С.Г. Максимова, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, директор Азиатского экспертно-аналитического центра Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Заместитель главного редактора

О.Е. Ноянзина, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Выпускающий редактор

Д.А. Омельченко, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2020

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2020. №4
Vol. 3

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

BULLETIN OF THE ASSOCIATION OF ASIAN UNIVERSITIES

Barnaul

Publishing house
of Altai State
University
2020

THE FOUNDERS OF THE PUBLICATION ARE
Altai State University
In partnership with Association of Asian Universities,
Eurasian National University

Editor-in-chief

Svetlana Gu. Maximova, Dr. Sci. (Sociology), Professor,
Head of Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies,
Director of the Asian Expert-Analytical Center at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Oksana E. Noyanzyna, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University,
Consultant for the Division of Collaboration with Civil Society Institutions of the Department of Internal
Policy at the Altai territory Governor's Office (Barnaul, Russia)

Managing Editor

Daria A. Omelchenko, Cand. Sci. (Sociology),
Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А. Вакру**, PhD, исполнительный директор Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)
- С. Бакли**, PhD, профессор социологии, член исполнительного комитета Центра российских, восточно-европейских и евразийских исследований, Иллинойский университет (Иллинойс, США)
- А.М. Есдаулетова**, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- Н.О. Байгабылов**, PhD по социологии, заведующий кафедрой социологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- О.В. Калдыбаева**, PhD по социологии, доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- И.Н. Молодикова**, кандидат географических наук, научный сотрудник Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия)
- Т.З. Козлова**, доктор социологических наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, Россия)
- Т.Н. Юдина**, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)
- А.Ю. Мягков**, доктор социологических наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет (Иваново, Россия)
- В.В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия)
- Т.М. Дадаева**, доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия)
- О.Т. Лойко**, доктор социологических наук, профессор, Институт социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия)
- С.П. Парамонова**, доктор философских наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия)
- Г.В. Жигунова**, доктор социологических наук, профессор, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)
- Л.А. Осьмук**, доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)
- В.П. Шалаев**, доктор философских наук, профессор, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Россия)
- Е.А. Попов**, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- О.Л. Сытых**, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- М.И. Черепанова**, доктор социологических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- В.А. Должиков**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- В.С. Бойко**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

EDITORIAL BOARD

- Alexandra Vacroux**, PhD, executive director of the Davis Center for Russian and Eurasian Studies at Harvard University (Cambridge, USA)
- Cynthia Buckley**, PhD, Professor of Sociology at the University of Illinois, Urbana-Champaign, Executive Committee member at the Russian, East European, and Eurasian Center (REEEC) at the University of Illinois (Illinois, USA)
- Ardak M. Esdauletova**, Dr. Sci. (History), Professor at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)
- Nurlan O. Baigabylov**, PhD (Sociology), Head of Sociology Department at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)
- Olga V. Kaldybaeva**, PhD (Sociology), Associate Professor at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)
- Irina N. Molodikova**, Cand. Sci. (Geography), Research Fellow at the Central European University (Budapest, Hungary)
- Tatiana Z. Kozlova**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
- Tatiana N. Yudina**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Russian State Social University (Moscow, Russia)
- Alexander Yu. Myagkov**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ivanov State University (Ivanovo, Russia)
- Vera V. Orlova**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia)
- Tatiana M. Dadaeva**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)
- Olga T. Loiko**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Institute of Social-Humanitarian Technologies of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)
- Svetlana P. Paramonova**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Perm State Polytechnic University (Perm, Russia)
- Galina V. Zhigunova**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Murmansk State Arctic University (Murmansk, Russia)
- Ludmila A. Osmuk**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)
- Vladimir P. Shalaev**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)
- Evgeniy A. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)
- Olga L. Sythyk**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)
- Marya I. Cherepanova**, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)
- Vyacheslav A. Dolzhikov**, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)
- Vladimir S. Boiko**, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- М.С. Имомзода** президент Ассоциации азиатских университетов, ректор Таджикского национального университета, доктор философских наук, академик (Душанбе, Таджикистан)
- Е.Б. Сыдыков** ректор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, доктор исторических наук, профессор
- М.М. Абишева** кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- С.В. Землюков** президент Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Барнаул, Россия)
- С.Н. Бочаров** ректор Алтайского государственного университета, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики предпринимательства и маркетинга (Барнаул, Россия)
- Р.И. Райкин** проректор по развитию международной деятельности Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)
- С.И. Межов** доктор экономических наук, директор Международного института экономики, менеджмента и информационных систем, заведующий кафедрой финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

EDITORIAL COUNCIL

Makhmadyusuf S. Imomov President of the Association of Asian Universities, the Rector of the Tajik National University, Dr. Sci. (Phylosophy), Academician (Dushanbe, Tajikistan)

Yerlan B. Sydykov Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Dr. Sci. (History), Professor (Astana, Kazakhstan)

Madina M. Abischeva Cand. Sci. (History), Deputy Dean of the International Relations Faculty at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Sergey V. Zemlyukov Dr. Sci. (Law), President of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Sergey N. Bocharov Dr. Sci. (Economics), Rector of the Altai State University, Head of Department of Business Economics and Marketing (Barnaul, Russia)

Roman I. Raikin Vice-Rector on International Affairs Development of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Stepan I. Mezhev Dr. Sci. (Economics), Director, Head of the Department of Banking and Finance of the International Institute of Economics, Management and Informational Systems (IEMIS) of the Altai State University (Barnaul, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

**БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ
В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА**

**СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ
КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ УСТАНОВОК
МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ.....15**

Р.Б. Шайхисламов, С.Г. Максимова, О.В. Суртаева, Д.А. Омельченко

**АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЕВРОПЕЙСКИХ НЕФТЕГАЗОВЫХ ТНК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....32**

С.М. Нурдавлетова, Ж.И. Жармаханова

**ПРОБЛЕМА НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТНОСТИ
МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ40**

С.В. Мурашева

**ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
И СТАБИЛЬНОСТЬ**

**ЕВРАЗИЙСТВО КАК ОДНА ИЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В XX И XXI ВВ.:
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ
Л.Н. ГУМИЛЕВА И В.В. КОЖИНОВА55**

Е.А. Куликов

**СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА
НАРКОСИТУАЦИИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОСТАТИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ХОДЕ ЕЖЕГОДНОГО МОНИТОРИНГА.....72**

В.Е. Шинкевич, Я.Н. Калинин

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ
В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ В 2014 И 2019 ГГ.85**

А.В. Шарпов

СОЦИАЛЬНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

**ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТОГЕНЕЗ
НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ВО II В. ДО Н.Э. — V В. Н.Э.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ)..... 95**

Н.Н. Серегин, С.С. Матренин

**ТЮРКОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА
В СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСКИХ КООРДИНАТ 110**

А.С. Жанбосинова, Ю.А. Лысенко

**ОРГАНИЗАЦИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕДИКО-ВРАЧЕБНОЙ
ПОМОЩИ КРЕСТЬЯНАМ-ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ АКМОЛИНСКОЙ
И СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ СТЕПНОГО КРАЯ
(80-Е ГГ. XIX — НАЧАЛО XX В.) 121**

А.И. Власова

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ И ЗДОРОВЬЕ

**НОВОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ГАРМОНИЗАЦИЯ ОНЛАЙН- И ОФФЛАЙН-ФОРМАТОВ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ..... 133**

О.В. Кожевина

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ
ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБУЧЕНИИ..... 141**

Н.О. Байгабылов, Б.М. Байгушева, К.М. Байгушева

**ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.
ВЛИЯНИЕ НА ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ШКОЛЬНИКОВ..... 148**

И.Н. Разварина, О.Н. Калачикова

**ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СТУДЕНТАМИ ТЕМЫ
«КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН»
В РАМКАХ УЧЕБНОГО КУРСА «ПРАВОВЕДЕНИЕ»
В ХИМИЧЕСКОМ ВУЗЕ 164**

Н.В. Плаксина, Т.Н. Акулова, Е.В. Смирнова

**ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ И КАЧЕСТВО СНА НАСЕЛЕНИЯ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: КАТЕГОРИИ РИСКА, ФАКТОРЫ
НАРУШЕНИЯ И ВЛИЯНИЕ НА ЗДОРОВЬЕ 173**

А.В. Короленко

**СНИЖЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
КАК КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА: ПУТИ РЕШЕНИЯ..... 195**

Т.Н. Акулова, Н.В. Плаксина, Е.В. Смирнова

**ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 2005–2018 ГГ. 202**

Ю.Е. Шматова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 215

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 219

CONTENTS

SECURITY AND INTEGRATION IN ASIAN REGION

**SOCIAL DISTANCE AS A FACTOR
OF INTER-ETHNIC ATTITUDES FORMATION AMONG
THE YOUTH FROM THE ALTAI REGION15**

R.B. Schaihislamov, S.G. Maximova, O.V. Surtaeva, D.A. Omelchenko

**ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF EUROPEAN OIL
AND GAS TNC IN CENTRAL ASIA31**

S.M. Nurdavletova, Zh.I. Zharmakhanova

**THE PROBLEM OF TENSION AND CONFLICT INTER-ETHNIC
INTERACTION IN TODAY'S WORLD40**

S.V. Murasheva

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

**EURASISM AS ONE OF THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF RUSSIA'S
SECURITY IN THE XX AND XXI CENTURIES:
POLITICAL AND LEGAL VIEWS L.N. GUMILYOV AND V.V. KOZHINOV55**

E.A. Kulikov

**STATE AND DYNAMICS OF DRUG SITUATION IN THE ALTAI TERRITORY
BY THE RESULTS OF SOCIO-STATISTICAL RESEARCH DURING THE
ANNUAL MONITORING72**

V.E. Shinkevich, Ya.N. Kalinichenko

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ELECTORAL ACTIVITY OF YOUTH IN
THE ALTAI REPUBLIC IN 2014 AND 201984**

A.V. Sharapov

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

**ETHNOSOCIAL SYSTEM AND POLITOGENESIS
OF ALTAI POPULATION IN II CENTURY BC — V CENTURY AD
(BASED ON MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES)96**

N.N. Seregin, S.S. Matrenin

**TURKOLOGY OF KAZAKHSTAN
IN THE SYSTEM OF EURASIAN COORDINATES..... 110**

A.S. Zhanbosinova1, Yu.A. Lysenko2

**ORGANIZATION AND PROVISION OF MEDICAL AND MEDICAL
ASSISTANCE TO PEASANTS-MIGRANTS OF AKMOLINSKII AND
SEMIPALATINSKII REGIONS OF THE STEPPE TERRITORY
(80 YEARS OF THE XIX — EARLY XX CENTURY) 122**

A.I. Vlasova

SOCIAL SECURITY, EDUCATION AND HEALTH

**NEW HIGHER EDUCATION:
HARMONIZING ON-LINE AND OFF-LINE FORMATS
IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES..... 133**

O.V. Kozhevina

**SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE USE
OF AUGMENTED REALITY TECHNOLOGY IN EDUCATION..... 141**

N.O. Baigabylov, B.M. Baigusheva, K.M. Baigusheva

**INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES.
INFLUENCE ON KNOWLEDGE PROCESSES
FOR SCHOOLCHILDREN 148**

I.N. Razvarina, O.N. Kalachikova

**FEATURES OF STUDYING THEME «CORRUPTION AS A SOCIAL
PHENOMENON» IN THE FRAMEWORK OF THE TRAINING COURSE
«JURISPRUDENCE» IN CHEMICAL UNIVERSITY 163**

N.V. Plaksina, T.N. Akulova, E.V. Smirnova

**DURATION AND QUALITY OF SLEEP OF THE VOLOGDA OBLAST
POPULATION: RISK CATEGORIES, FACTORS OF DISTURBANCE AND
IMPACT ON HEALTH 172**

A.V. Korolenko

**REDUCING THE PHYSICAL ACTIVITY OF THE POPULATION
AS A COMPLEX PROBLEM: WAYS OF SOLUTION..... 194**

T.N. Akulova, N.V. Plaksina, E.V. Smirnova

**POSITIVE AND NEGATIVE TRENDS IN THE SPHERE
OF PUBLIC MENTAL HEALTH OF THE POPULATION
OF RUSSIA IN THE YEARS 2005–2018 201**

Yu.E. Shmatova

ABOUT AUTHORS..... 217
RULES FOR AUTHORS 221

БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

SECURITY AND INTEGRATION IN ASIAN REGION

УДК 316.347

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ¹

**Р.Б. Шайхисламов¹, С.Г. Максимова²,
О.В. Суртаева², Д.А. Омельченко²**

*¹Башкирский государственный университет, Уфа, Россия,
²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: rafaelbadretdinovich@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru,
bubuka_s@mail.ru, daria.omelchenko@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-01

Поскольку величина социальной дистанции взаимосвязана с межэтническими установками, существует потребность в социологическом анализе этих феноменов, особенно их проявлений в молодежной среде. В 2020 г. в Алтайском крае было проведено социологическое исследование методом анкетного опроса (n=507), в качестве респондентов выступали молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет. В статье приведены результаты исследования, освещающие взаимосвязь межэтнических установок молодежи Алтайского края и размер социальной дистанции с разными этническими группами. Выявлено, что большая социальная дистанция формирует позитивный контекст межэтнических отношений, однако может приводить к размыванию и спутанности этнической идентичности у молодежи. Полученные результаты могут быть

¹ Публикация подготовлена по проекту «Молодежь в межэтнических коммуникациях: интолерантность, толерантность, диалог» (научный руководитель Р.Б. Шайхисламов, д-р соц. наук, проф.) в рамках программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020–2022 гг.

использованы как основа для разработки стратегий формирования позитивной этнической идентичности у молодежи, а также обоснования реализации мер молодежной политики Российской Федерации.

Ключевые слова: межэтнические отношения, межэтнические установки, социальная дистанция, этническая толерантность, социальная толерантность, тип этнической идентичности, этнонигилизм, этническая индифферентность, этноэгоизм, этноизоляция, этнофанатизм, позитивная этническая идентичность

SOCIAL DISTANCE AS A FACTOR OF INTER-ETHNIC ATTITUDES FORMATION AMONG THE YOUTH FROM THE ALTAI REGION

R.B. Schaihislamov¹, S.G. Maximova²,
O.V. Surtaeva², D.A. Omelchenko²

1Bashkir State University, Ufa, Russia,

2Altai State University, Barnaul, Russia,

*e-mail: rafaelbadretdinovich@mail.ru, svet-maximova@yandex.ru,
bubuka_s@mail.ru, daria.omelchenko@mail.ru*

Social distance is closely interlinked with inter-ethnic attitudes, and there is a need in a sociological analysis of these phenomena, especially among young people, more vulnerable to the risks of ethnic intolerance and xenophobia. In 2020 in the Altai region a sociological survey was conducted among the young people from 14 to 35 years old (n=507). The article presents its results, revealing the interrelation between inter-ethnic attitudes and social distance with different ethnic groups. It was found that a little distance forms positive context of inter-ethnic relations but can lead to erosion and confusion of ethnic identity among youth. The results obtained can be used as a basis for elaboration of strategies guiding positive ethnic identity formation and grounds for measures of youth policy in the Russian Federation.

Keywords: *inter-ethnic relations, inter-ethnic attitudes, social distance, ethnic tolerance, social tolerance, type of ethnic identity, ethno-nihilism, ethnic indifference, ethnic egoism, ethnic isolationism, ethnic fanaticism, positive ethnic identity*

Введение

Исследовательский интерес к изучению межэтнических отношений не иссякает в течение многих десятилетий, эта тема актуальна и в настоящее время (Горбунова, Максимова и Попова, 2018; Омельченко и др., 2017; Черепанова и др., 2018; Шахова, 2019; Шахова и Максимова, 2019). Много внимания уделяют исследователи и изучению межэтнических отношений в молодежной среде, особенно молодежи национальных республик (Паштова и Древа, 2020; Воронцов, 2020; Маздогова,

2019; Монгуш и Сарыглар, 2019). Следует отметить парадоксальность состояния современных межэтнических отношений: с одной стороны, активно развиваются процессы глобализации и интеграции всего мира, однако, с другой стороны, этнические и национальные группы по-прежнему стараются сохранить свои этнокультурные особенности и передать их следующим поколениям. Такие разнонаправленные тенденции могут сопровождаться ростом межэтнической напряженности.

Кратко охарактеризуем понятия основных феноменов, исследуемых в нашей статье. Под социальной дистанцией мы, вслед за Э. Богардусом (1967), будем понимать размещение социальных групп и отдельных людей в общественном пространстве, характеризующееся степенью их отчужденности или близости между собой. Следует отметить, что в представленной работе мы рассматриваем только социальную дистанцию между представителями разных этнических групп, не касаясь других типов социальных общностей.

Под категорией «толерантность», прежде всего в социологическом контексте, мы будем иметь в виду ценности и установки, направленные на кооперацию и позитивную интеракцию с другими культурными формами. При этом как отдельные подкатегории толерантности мы, вслед за Г.У. Солдатовой с соавторами (2018), будем выделять этническую толерантность, социальную толерантность и толерантность как черту личности, что позволит более дифференцированно оценить взаимосвязь кооперационных установок молодежи и степень ее социальной отчужденности или близости.

Этническая идентичность будет пониматься нами как континуум, на котором располагаются разные типы этнической идентичности. На одном из полюсов континуума находятся варианты гипoidентичности (этнонигилизм и этническая индифферентность), когда можно наблюдать негативизм в отношении собственной этнической группы. В центре располагается нормальная этническая идентичность (ее еще называют позитивной), формирование которой наиболее предпочтительно в современном полиэтничном социуме. Другой полюс континуума представлен разными вариантами гиперидентичности (этноэгоизм, этноизоляция и этнофанатизм), когда можно наблюдать негативизм в отношении этнических групп, к которым сам индивид не принадлежит (Солдатова и др., 2018).

В рамках нашего исследования мы рассматриваем величину социальной дистанции как значимый предиктор формирования разных типов этнической идентичности, степени развития уровня толерантности и восприятия межнациональных отношений в регионе.

Методы исследования

Целью настоящей статьи выступает анализ взаимосвязи межэтнических установок молодежи Алтайского края и устанавливаемым молодежью размером социальной дистанции с разными этническими группами. Эмпирической базой статьи служат данные социологического исследования состояния межэтнических отношений в молодежной среде, проведенного в 2020 г. в Алтайском крае. Основной метод сбора первичной социологической информации — анкетный опрос в форме стандартизованного интервью по месту жительства респондентов.

В качестве респондентов выступали молодые люди в возрасте от 14 до 35 лет, проживающие на территории Алтайского края в городских (70%) и сельских (30%) поселениях. Общий объем выборки составил 507 человек. В исследовании использовалась многоступенчатая выборка с использованием квотного отбора, котируемые признаки — пол, возраст, тип населенного пункта. Соотношение квот определялось с учетом актуальных данных Федеральной службы государственной статистики о численности населения в возрасте 15–75 лет в российских регионах, а также данных о соотношении городского и сельского населения.

Типология респондентов по степени выраженности социальной дистанции в отношении разных этнических групп была построена на основе оценок молодежью по модифицированной методике «Шкала социальной дистанции» Э. Богардуса (Bogardus, 1925; 1967) представителей 13 этнических групп: белорусов, казахов, русских, татар, украинцев, узбеков, народов Северного Кавказа в РФ, китайцев, таджиков, народов Закавказья, немцев, алтайцев и армян. В рамках этой методики респонденту предлагалось оценить степень возможности и желательности принятия представителя каждой из указанных выше этнических групп в качестве близкого родственника (1 балл), друга (2 балла), соседа (3 балла), коллеги по работе или учебе (4 балла), жителя своего села, города (5 баллов), жителя своего региона (6 баллов), гражданина России (7 баллов). Если респондент не хотел бы общаться, видеть в своей стране представителя оцениваемого этноса, ему присваивалось 8 баллов. Таким образом, чем выше показатель по представленной шкале, тем большая социальная дистанция фиксируется между респондентом и оцениваемым им представителем того или иного этноса.

Для выявления типа этнической идентичности была использована методика Г.У. Солдатовой «Типы этнической идентичности» (Солдатова, 1998), позволяющая провести экспресс-диагностику выраженности этнического самосознания у респондентов. Методика включает в себя шесть шкал, соответствующих следующим типам этнической идентичности: этнофанатизм, этноизоляционизм, этноэгоизм, норма, этническая индифферентность и этнонигилизм. В результате применения методики респондент получает определенное количество баллов в диапазоне от 0 до 20 по всем указанным выше шкалам, при этом можно судить о выраженности каждого типа этнической идентичности у респондента и, сравнивая результаты по всем шкалам, определить доминирующий тип этнической идентичности у респондента. По словам Г.У. Солдатовой, этнофанатизм, этноизоляционизм и этноэгоизм — это варианты гиперболизированной этнической идентичности, которая в межэтническом взаимодействии может проявляться в разных вариантах этнической нетерпимости. Этнонигилизм и этническая индифферентность располагаются на противоположном полюсе континуума этнических идентичностей и выражаются в отрицании или размывании этничности. Нормой в полиэтничном обществе, по мнению автора методики, будет выступать позитивная этническая идентичность, когда положительное отношение к своему народу сочетается с положительным отношением к другим народам.

Для анализа уровня толерантности молодежи Алтайского края применялся экспресс-опросник Г.У. Солдатовой «Индекс толерантности» (Солдатова, 2008),

позволяющий оценить как общий уровень толерантности по шкале в диапазоне от 22 до 132 баллов, так и парциальные аспекты толерантности: этническую толерантность (по шкале от 7 до 42 баллов), социальную толерантность (по шкале от 8 до 48 баллов) и толерантность как черту личности (по шкале от 7 до 42 баллов).

Для анализа оценок молодежью межэтнических отношений в регионе в целом был использован ряд характеристик, выраженность которых в Алтайском крае необходимо было оценить по десятибалльной шкале, где 1 — наименее выражено, а 10 — наиболее выражено. Приведем перечень характеристик, подлежащих оценке: «Дружеские отношения между представителями разных национальностей», «Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей», «Помощь друг другу в затруднительных ситуациях вне зависимости от национальной принадлежности», «Недружелюбные или враждебные высказывания о людях другой национальности», «Конкуренция в бизнесе, в служебной карьере по национальному признаку», «Оскорбления по национальному признаку», «Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)», «Осуждение, порицание межнациональных браков».

Обработка количественных данных проводилась с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics 22.0. Оценка одномерных распределений переменных происходила с использованием методов частотного анализа для номинальных и порядковых переменных, количественные переменные оценивались при помощи методов разведочного анализа, оценки описательных статистик. Для построения типологии респондентов по выраженности социальной дистанции применялся двухэтапный кластерный анализ. Для сравнительной оценки степени влияния величины социальной дистанции на межэтнические установки молодежи применялся однофакторный дисперсионный анализ с использованием апостериорного теста Дункана в случае однородности дисперсий в подгруппах и тесты Уэлча и Брауна-Форсайта с использованием апостериорного теста Тамхейна в случае неоднородности дисперсий. Однородность дисперсий оценивалась при помощи теста Ливиня.

Результаты

Обратимся к результатам анализа межэтнических установок молодежи Алтайского края и размера социальной дистанции с разными этническими группами по общей выборке. Как видно из данных, представленных на рисунке 1, наибольшую социальную близость молодежь Алтайского края проявляет по отношению к представителям русского этноса: среднее значение в данном случае составило 2,44 балла, а медианное — 1 из 8 возможных. Это можно объяснить тем, что в исследовании принимала участие молодежь, в подавляющем большинстве случаев относящая себя только к русскому этносу (91,5%). А если учитывать тех, кто причисляет себя к нескольким этносам, среди которых есть и русский (3,6%), то мы увидим, что 95,1% молодежи Алтайского края в той или иной степени ассоциируют себя с русскими, что, естественно, влияет на степень их близости к обсуждаемой этнической группе.

Чуть менее социально близкими этносами для молодежи Алтайского края оказались белорусы (среднее значение — 2,93, медиана — 2), казахи (среднее значение — 3,34, медиана — 2) и украинцы (среднее значение — 3,35, медиана — 2). В случае украинцев и белорусов это объясняется их культурной близостью к населению России в целом и Алтайского края в частности, а в случае казахов — их «физической» близостью, поскольку Алтайский край граничит с Казахстаном. Социальные связи, образовавшиеся в процессе постоянного взаимодействия с представителями казахского этноса, формируют у молодежи Алтайского края высокий уровень принятия казахов как представителей социально близкого этноса.

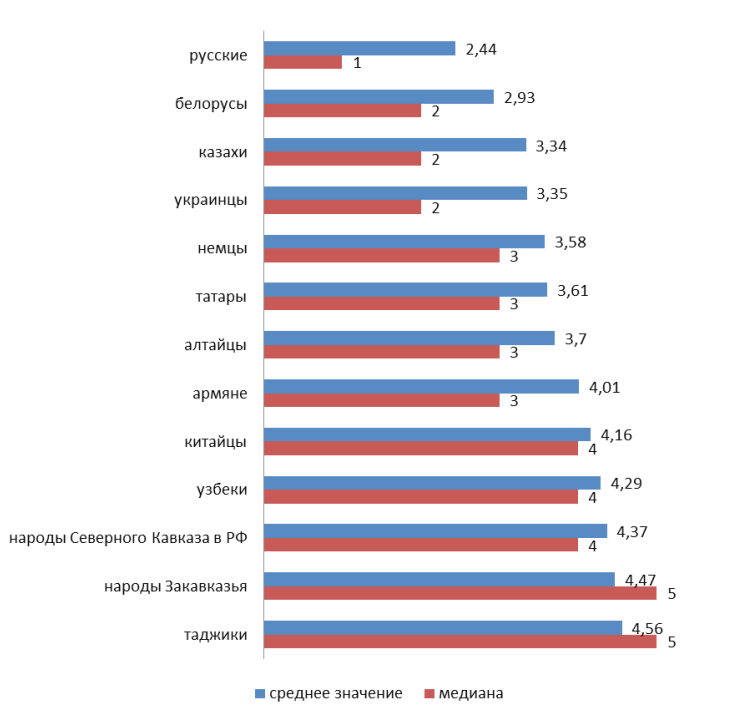

Рисунок 1 — Усредненные индексы социальной дистанции и ее медианные значения у молодежи Алтайского края, баллов.

Достаточно близки молодежи Алтайского края немцы (среднее значение — 3,58, медиана — 3), татары (среднее значение — 3,61, медиана — 3), алтайцы (среднее значение — 3,70, медиана — 3) и армяне (среднее значение — 4,01, медиана — 3). Чуть более настороженно молодые люди относятся к китайцам (среднее значение — 4,16, медиана — 4), узбекам (среднее значение — 4,29, медиана — 4) и народам Северного Кавказа, проживающим в России (среднее значение — 4,37, медиана — 4). Что интересно, российские «кавказцы» в восприятии респондентов оказались даже более далекими для них, чем народы, представляющие другие государства (китайцы, узбеки).

Наконец, наибольшая социальная дистанция зафиксирована между молодежью Алтайского края и народами Закавказья (среднее значение — 4,47, медиана — 5) и таджиками (среднее значение — 4,56, медиана — 5). Нельзя сказать, что эти народы вызывают у молодежи Алтайского края очень сильное отторжение, поскольку большинство опрошенных не возражает против их проживания в России. Вместе с тем 12,3% респондентов отметили, что не хотели бы общаться и видеть в своей стране таджиков, а 10,1% — представителей народов Закавказья, что может выступать потенциальным фактором социальной напряженности в регионе.

Обратимся к анализу типов этнической идентичности, сформированных у молодежи Алтайского края. Как видно из данных, представленных на рисунке 2, подавляющее большинство молодежи Алтайского края (74%) демонстрирует нормальную этническую идентичность, или, как ее еще называют, позитивную этническую идентичность, когда положительное отношение к своему этносу сопровождается таким же отношением и к другим этносам. Вместе с тем каждый шестой молодой человек в Алтайском крае (15,6%) демонстрирует этническую индифферентность, сопровождающуюся «размыванием» этнической идентичности, ее неопределенностью или неактуальностью. Это может быть связано с тем, что в молодом возрасте процесс формирования идентичности в целом и этнической идентичности в частности еще не завершен, и этническая индифферентность может быть лишь этапом на пути к обретению идентичности.

Рисунок 2 — Типы этнической идентичности молодежи Алтайского края, %.

Следует отметить, что 4,1% молодежи Алтайского края демонстрируют этноэгоизм, который является «мягкой» формой гиперидентичности, предполагающей некоторую напряженность во взаимодействии с представителями других этнических групп. Крайнюю степень гиперидентичности — этнофанатизм — демонстрирует лишь 2,6% молодежи Алтайского края, готовой ради этнических интересов идти на любые действия, вплоть до нарушения прав человека. Другая крайность — этнонигилизм — зафиксирована у 2,2% молодежи Алтайского края и выражается

в отказе от этничности и поиске устойчивой социально-психологической ниши для себя по другим критериям. Наконец, этноизоляционизм, выражающийся в убеждении, что этнос, к которому принадлежит респондент, обладает качествами, превосходящими другие этносы, в связи с чем необходимо «замкнуться» внутри своего этноса, демонстрирует лишь 1,6% молодежи Алтайского края.

Рассмотрим уровень выраженности толерантности у молодежи Алтайского края. Как видно из данных, представленных на рисунке 3, подавляющее большинство молодежи Алтайского края характеризуется средним уровнем толерантности как в целом (85,7%), так и в этнической (67,7%), социальной (79,7%) и личностной (73,1%) сферах.

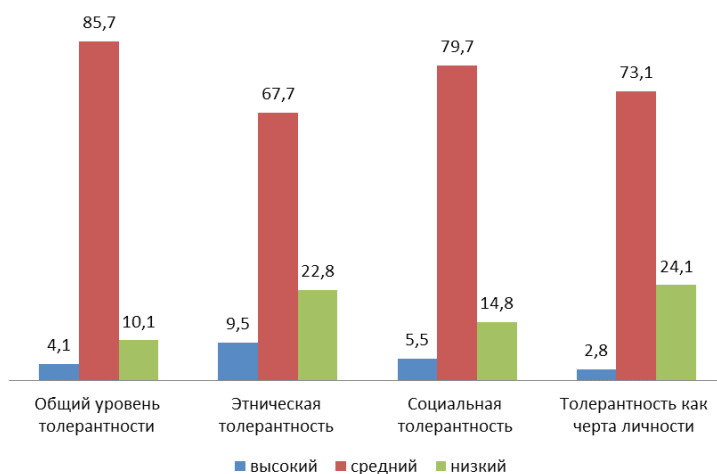

Рисунок 3 — Уровни выраженности толерантности молодежи Алтайского края, %.

Обращает на себя внимание тот факт, что именно в сфере межэтнических отношений зафиксирована наибольшая доля респондентов с высоким уровнем толерантности (9,5%). Наибольшая доля респондентов с низким уровнем толерантности (24,1%) отмечается в личностной сфере, которая содержит черты, установки и убеждения, в значительной степени определяющие отношение человека к окружающему миру.

Для анализа взаимосвязи межэтнических установок молодежи Алтайского края и устанавливаемого молодежью размера социальной дистанции с разными этническими группами была разработана типология респондентов по выраженности социальной дистанции. В результате двухэтапного кластерного анализа была получена модель хорошего качества (среднее силуэтной меры составило 0,6). В качестве предикторов в кластерном анализе выступали оценки молодежью Алтайского края степени близости с представителями 13 этнических групп, перечисленных выше. В результате проведенного кластерного анализа было получено три кластера.

Первый кластер, размером 213 наблюдений (44,5% от всей выборки), включал в себя респондентов, демонстрирующих наиболее высокий уровень социальной

близости по отношению ко всем предложенным для оценки этносам (средние значения: таджики 2,28; народы Закавказья 2,21; узбеки 2,12; народы Северного Кавказа 2,20; белорусы 1,64; татары 1,93; казахи 1,84; китайцы 2,16; армяне 2,05; русские 1,46; алтайцы 1,94; украинцы 1,79; немцы 2,01). Очевидно, что этот кластер включает в себя наименее дистанцирующихся от разных этносов представителей молодежи Алтайского края.

Второй кластер, размером 186 наблюдений (38,8% от всей выборки), включал в себя респондентов, которые демонстрировали средний уровень социальной близости по отношению ко всем предложенным для оценки этносам (средние значения: таджики 6,12; народы Закавказья 6,02; узбеки 5,61; народы Северного Кавказа 5,77; белорусы 2,76; татары 4,09; казахи 3,58; китайцы 5,24; армяне 4,98; русские 1,91; алтайцы 4,40; украинцы 3,58; немцы 4,04). Следовательно, этот кластер объединяет людей, для которых характерен средний уровень социальной дистанции.

Третий кластер, размером 80 наблюдений (16,7% от всей выборки), включал в себя респондентов, которые демонстрировали наиболее выраженную социальную дистанцию по отношению ко всем предложенным для оценки этносам (средние значения: таджики 6,99; народы Закавказья 6,88; узбеки 6,96; народы Северного Кавказа 6,90; белорусы 6,74; татары 6,95; казахи 6,79; китайцы 7,0; армяне 6,98; русские 6,24; алтайцы 6,75; украинцы 6,98; немцы 6,68). Этот кластер объединяет людей, для которых характерна выраженная социальная дистанция во взаимодействии с другими этносами.

Полученная типология респондентов была использована в качестве фактора в однофакторном дисперсионном анализе и тестах Уэлча и Брауна — Форсайта, а в качестве зависимых переменных были использованы уровни выраженности каждого из перечисленных выше типов этнической идентичности, уровни выраженности толерантности (общий уровень и парциальные уровни) и оценки выраженности характеристик межэтнических отношений в Алтайском крае.

Следует отметить, что по всем зависимым переменным, включенным как в однофакторный дисперсионный анализ, так и в тесты Уэлча и Брауна — Форсайта, были получены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$), характер которых был проанализирован при помощи апостериорного теста Дункана в случае однородности дисперсий в подгруппах и апостериорного теста Тамхейна в случае неоднородности дисперсий.

Неоднородность дисперсий была зафиксирована при помощи теста Ливиня ($p \leq 0,05$) для следующих зависимых переменных: шкалы опросника «Типы этнической идентичности» (этническая индифферентность и этноизоляция), шкала опросника «Индекс толерантности» (этническая толерантность) и три шкалы для оценки молодежью межэтнических отношений в регионе в целом («Конкуренция в бизнесе, в служебной карьере по национальному признаку», «Хулиганские действия на межнациональной основе, физическое насилие (избиение, драки)», «Осуждение, порицание межнациональных браков»). Для этих показателей будут приводиться результаты апостериорного теста Тамхейна, для всех остальных — Дункана.

Рассмотрим различия в уровнях выраженности разных форм этнической идентичности у молодежи Алтайского края в зависимости от величины социальной дистанции. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения в которых по шкале «Этнонигилизм» для разных социальных дистанций значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие малую (среднее значение 4,11) и большую (среднее значение 3,76) социальные дистанции, во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие среднюю социальную дистанцию (среднее значение 5,27).

Это означает, что молодежь, демонстрирующая среднюю степень социальной дистанции, сильнее стремится к отрицанию этничности, отходу от своей этнической группы, чем молодежь, демонстрирующая «крайние» варианты выраженности социальной дистанции. Это может быть связано с тем, что большая социальная дистанция предполагает обособление от других этносов и предпочтение этим другим своего, а малая социальная дистанция, напротив, может предполагать «растворение» собственной этнической идентичности в других.

В результате проведения теста Тамхейна для средних значений по шкале «Этническая индифферентность» для разных социальных дистанций были выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 11,42) и большую (среднее значение 9,88) социальные дистанции. В данном случае мы фиксируем, что выраженность этнической индифферентности значимо выше в подгруппе молодежи, демонстрирующей малую социальную дистанцию, поскольку восприятие представителей других этносов как близких, по видимому, ведет к некоторому «размыванию» собственной идентичности.

По результатам Теста Дункана выявлены три подгруппы, значимо различающиеся ($p \leq 0,05$) по средним значениям выраженности нормальной этнической идентичности у молодежи Алтайского края, в зависимости от социальной дистанции.

В первую подгруппу попали респонденты с большой социальной дистанцией (среднее значение 13,74), во вторую — респонденты со средней социальной дистанцией (среднее значение 15,10), а в третью группу — респонденты с малой социальной дистанцией (среднее значение 15,97).

Это свидетельствует о том, что чем меньше демонстрируемая респондентом социальная дистанция, тем сильнее у него выражена позитивная этническая идентичность, характеризующаяся благоприятным отношением как к своему этносу, так и к представителям других этносов.

Проанализируем средние значения, полученные по шкале «Этноэгоизм», в зависимости от выраженности социальной дистанции. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы по шкале «Этноэгоизм», средние значения в которых значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие малую (среднее значение 5,51) и большую (среднее значение 5,80) социальные дистанции, во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие среднюю социальную дистанцию (среднее значение 7,25).

Такая картина свидетельствует о том, что у молодежи, демонстрирующей среднюю степень социальной дистанции, сильнее выражены этноэгоистические

тенденции, чем у молодежи, демонстрирующей малый и большой уровни выраженности социальной дистанции.

Возможно, при большой социальной дистанции этноэгоизм развивается по сценарию стремления решения проблем своего народа за счет других народов, а при малой социальной дистанции — по сценарию стремления воспринимать мир через призму конструкта «мой этнос», без попыток встать на место «другого». Тем не менее оба варианта взаимодействия с этническими группами являются этноэгоистическими.

В результате проведения теста Тамхейна были выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) в средних значениях по шкале этноизоляционизма между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 4,98) и среднюю (среднее значение 6,19) социальные дистанции. Можно сказать, что этноизоляционистские тенденции, характеризующиеся убеждением превосходства своего этноса над другими и стремлением «замкнуться» внутри него, сильнее проявляются у молодежи со средним уровнем выраженности социальной дистанции, по сравнению с молодежью с низкой выраженностью социальной дистанции. Большая социальная дистанция в данном случае не выступает фактором развития этноизоляционистских настроений.

Перейдем к анализу различий в уровне выраженности этнофанатизма в зависимости от уровня выраженности социальной дистанции у молодежи Алтайского края. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения в которых значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие малую (среднее значение 6,29) и большую (среднее значение 6,02) социальные дистанции, во вторую — респонденты, демонстрировавшие среднюю социальную дистанцию (среднее значение 7,49).

В подгруппе со средней выраженностью социальной дистанции этнофанатические тенденции значимо выше, чем в двух других, что можно объяснить следующим: малая социальная дистанция нивелирует проявление этнофанатических тенденций, поскольку молодежь этой подгруппы не стремится к обособлению от этносов, к которым принадлежит, и толерантно воспринимает имеющиеся различия.

С другой стороны, демонстрация большой социальной дистанции предполагает, что молодые люди стремятся не бороться за превосходство своего этноса любой ценой, а скорее обособиться и не взаимодействовать с представителями «чужих» этносов.

Проанализируем различия в уровнях выраженности разных форм толерантности и интолерантности у молодежи Алтайского края в зависимости от величины социальной дистанции. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения по уровню толерантности в которых значимо отличаются. В первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие среднюю (среднее значение 80,90) и большую (среднее значение 82,26) социальные дистанции, во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие малую социальную дистанцию (среднее значение 87,48).

Это говорит о том, что выраженность социальной дистанции действительно оказывает значимое влияние на уровень толерантности молодежи Алтайского края

таким образом, что у респондентов, демонстрирующих малую социальную дистанцию, общая толерантность значимо выше, чем у остальных.

В результате проведения теста Тамхейна были выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) в средних значениях по шкале этнической толерантности между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 29,07) и среднюю (среднее значение 25,86) социальные дистанции. Респонденты, демонстрирующие большую социальную дистанцию, значимо не отличаются от остальных в выраженности этнической толерантности. Полученные данные свидетельствуют о том, что уровень выраженности социальной дистанции оказывает влияние на выраженность этнической толерантности таким образом, что респонденты с малой социальной дистанцией более толерантны в сфере межэтнических отношений, чем респонденты со средней социальной дистанцией.

По результатам теста Дункана, респонденты распределились на три подгруппы по шкале «Этническая толерантность». В первую подгруппу попали респонденты с большой социальной дистанцией (среднее значение 25,29), во вторую — респонденты со средней социальной дистанцией (среднее значение 26,73), а в третью — респонденты с малой социальной дистанцией (среднее значение 28,45). Это свидетельствует о том, что чем меньше демонстрируемая респондентом социальная дистанция, тем сильнее у него выражена социальная толерантность.

По результатам теста Дункана, респонденты распределились на две подгруппы по шкале «Толерантность как черта личности»: в первую попали респонденты, демонстрировавшие среднюю (среднее значение 28,35) и большую (среднее значение 29,36) социальную дистанцию, во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие большую (среднее значение 29,36) и малую социальную дистанцию (среднее значение 29,97). В данном случае можно предположить, что выраженность демонстрируемой респондентом социальной дистанции не оказывает влияния на толерантность как личностную черту, ведь, несмотря на высокий уровень значимости различий, сами средние значения отличаются настолько мало, что напрашивается вывод: толерантность как черта личности формируется и развивается вне зависимости от демонстрируемой респондентом величины социальной дистанции.

Обратимся к анализу оценок молодежью «климата» межэтнических отношений в регионе в целом. Проанализируем, как молодежь Алтайского края воспринимает степень выраженности дружеских отношений между представителями разных национальностей в Алтайском крае. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения в которых значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие среднюю (среднее значение 6,50) и большую (среднее значение 6,59) социальную дистанцию, во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие малую социальную дистанцию (среднее значение 7,20). Другими словами, молодежь, демонстрирующая малую социальную дистанцию по отношению к разным этническим группам, значимо выше оценивает выраженность дружеских отношений в Алтайском крае между представителями разных этносов, чем остальные подгруппы респондентов.

Оценка выраженности параметра «Уважение к обычаям, традициям и языку иных национальностей» в зависимости от величины социальной дистанции. В данном случае тест Дункана объединил все показатели в одну подгруппу, однако нельзя не отметить, что наиболее высокая оценка выраженности уважения к обычаям, традициям и языку представителей иных национальностей в Алтайском крае (среднее значение 6,94) вновь принадлежит респондентам с небольшой социальной дистанцией.

Далее молодым людям было предложено оценить, насколько выражена помощь друг другу в трудных ситуациях несмотря на этническую принадлежность. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения в которых значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие среднюю (среднее значение 6,83) и большую (среднее значение 6,75) социальные дистанции, во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие малую социальную дистанцию (среднее значение 7,33). Вновь мы видим, что респонденты, демонстрирующие малую социальную дистанцию, значимо выше оценивают проявления взаимопомощи вне зависимости от национальной принадлежности в Алтайском крае, по сравнению с респондентами, демонстрирующими остальные уровни социальной дистанции.

Рассмотрим, как респонденты с разными уровнями выраженности социальной дистанции воспринимают наличие в Алтайском крае недружелюбных или враждебных высказываний о людях другой национальности. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения в которых значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстрировавшие малую социальную дистанцию (среднее значение 4,72), во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие среднюю (среднее значение 5,39) и большую (среднее значение 5,91) социальные дистанции. Это показывает, что респонденты с малой социальной дистанцией значимо ниже оценивают выраженность враждебных и недружелюбных высказываний о представителях других этносов в Алтайском крае, чем респонденты со средней и большой социальными дистанциями.

Проанализируем оценки наличия конкуренции в бизнесе или карьере по этническому признаку в регионе. В результате проведения теста Тамхеина были выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 4,58) и большую (среднее значение 5,62) социальные дистанции. Это показывает, что респонденты, демонстрирующие малую социальную дистанцию, более позитивно оценивают ситуацию межэтнической конкуренции в бизнесе и карьере, складывающуюся в Алтайском крае, полагая, что ее не так много. В то время как респонденты, характеризующиеся большой социальной дистанцией, полагают, что в Алтайском крае разные этносы достаточно сильно конкурируют между собой в бизнесе и карьере.

Интересно проанализировать мнения респондентов относительно выраженности оскорблений по национальному признаку в Алтайском крае. В результате проведения теста Дункана было выделено две подгруппы, средние значения в которых значимо отличаются: в первую подгруппу попали респонденты, демонстриро-

вавшие малую социальную дистанцию (среднее значение 4,23), во вторую группу — респонденты, демонстрировавшие среднюю (среднее значение 5,08) и большую (среднее значение 5,47) социальные дистанции. Это свидетельствует о том, что респонденты с малой социальной дистанцией значимо ниже оценивают вероятность столкнуться с оскорблениями по национальному признаку в Алтайском крае, чем респонденты со средней и большой социальными дистанциями.

Похожая картина наблюдается и в отношении вероятности проявления хулиганских действий и физического насилия на межнациональной почве в Алтайском крае. В результате проведения теста Тамхейна были выявлены значимые различия ($p \leq 0,05$) между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 3,80) и большую (среднее значение 5,30) социальные дистанции, а также между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 3,80) и среднюю (среднее значение 4,56) социальные дистанции. Результаты исследования свидетельствуют о том, что чем больше социальная дистанция, тем выше молодежь оценивает вероятность проявления хулиганских действий и физического насилия на межнациональной основе в Алтайском крае.

И наконец обратимся к анализу оценок молодыми людьми уровня выраженности в Алтайском крае осуждения межнациональных браков. В этом случае в результате проведения теста Тамхейна были обнаружены значимые различия ($p \leq 0,05$) между всеми подгруппами молодежи, принимавшей участие в исследовании. Так, первая пара различий была обнаружена между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 3,59) и среднюю (среднее значение 4,28) социальные дистанции. Вторая пара различий — между подгруппами молодежи, демонстрирующей среднюю (среднее значение 4,28) и большую (среднее значение 5,45) социальные дистанции. Третья пара различий была обнаружена между подгруппами молодежи, демонстрирующей малую (среднее значение 3,59) и большую (среднее значение 5,45) социальные дистанции. Можно отметить, что чем меньше величина социальной дистанции, тем меньше, по мнению респондентов, выражено осуждение и порицание межнациональных браков в Алтайском крае, и наоборот.

Обсуждение и заключение

Таким образом, проанализировав взаимосвязь межэтнических установок и размера социальной дистанции у молодежи Алтайского края, можно сделать следующие выводы. Наиболее социально близкими себе молодежь Алтайского края считает славянские этносы (русских, белорусов и украинцев), что объясняется культурной близостью этих этносов к молодежи Алтайского края, а также казахов, что объясняется, вероятно, их географической близостью. Наименее социально близкими молодежи Алтайского края представляются народы Закавказья и таджики, что создает потенциал для межэтнической напряженности. Преобладающий тип этнической идентичности у молодежи Алтайского края — позитивная идентичность, которая для полиэтничного региона считается нормой. Молодежь Алтайского края преимущественно демонстрирует средний уровень толерантности, при этом наиболее высока выраженность этнической толерантности, а наименее — личностной.

Величина социальной дистанции выступает важным фактором формирования этнической идентичности молодежи Алтайского края: так, риск формирования этнонигилизма выше для молодежи со средней степенью социальной дистанции, этническая индифферентность скорее сформируется у молодых людей с небольшим расстоянием социальной дистанции. Риск формирования этноэгоизма, этноизоляционизма и этнофанатизма также возрастает при демонстрации молодежью средней социальной дистанции. Но в целом чем меньше демонстрируемая респондентом социальная дистанция, тем сильнее вероятность того, что у него будет высоко выражена позитивная этническая идентичность.

Выраженность социальной дистанции оказывает значимое влияние и на уровень толерантности молодежи Алтайского края. Так, демонстрация малой социальной дистанции респондентами характеризуется и более высоким уровнем общей, этнической социальной толерантности.

Выраженность социальной дистанции оказывает влияние и на восприятие молодежью «климата» межэтнических отношений в Алтайском крае. Так, молодежь, характеризующаяся небольшой социальной дистанцией, воспринимает межэтнические отношения в Алтайском крае более позитивно, чем молодежь, характеризующаяся средней и большой социальной дистанцией.

В целом можно сделать вывод, что чем меньше величина социальной дистанции, тем ниже риск возникновения межэтнических конфликтов в регионе, но выше риск «размывания» этнической идентичности молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Воронцов В.С. Межнациональная ситуация в Удмуртии в представлениях учащейся и студенческой молодежи. Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья, 2020, 1 (8), 87–99.

Горбунова А.А., Максимова С.Г., Попова А.И. Модель этнической идентичности населения приграничных регионов России. *Society and Security Insights*. 2018, 1 (2), 40–53.

Маздогова З.З. Межнациональная (межэтническая) толерантность как важный фактор согласия и мира на Северном Кавказе (на примере КБР). *Социально-политические науки*, 2019, No. 4, 19–22.

Монгуш А.А., Сарыглар С.А. Молодежь о межэтнических отношениях в Республике Тыва (по материалам социологического исследования). *Миссия конфессий*, 2019, 6 (41), 814–818.

Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Черепанова М.И. Состояние сферы межнациональных отношений в Алтайском крае. *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2017, 6 (152), 189–194.

Паштова С.Б. и Дреева С.В. Особенности этнической идентичности молодежи осетинской, чеченской и кабардинской этнических групп, проживающих за пределами своих республик. В кн.: *Психология XXI века: актуальные вызовы и достижения:*

Сборник статей участников международной научной конференции молодых ученых. СПб., 2020. С. 548–560.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Кулеш Е.В., Тихомиров М.Ю. Этносоциальные и личностные предикторы направленности межкультурной коммуникации у жителей российских городов с различным этническим составом населения. Психологические исследования, 2018, 11 (62), 8.

Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю., Кравцова О.А. Психодиагностика толерантности личности. М.: Смысл, 2008.

Черепанова М.И., Горбунова А.А., Неваева Д.А., Сарыглар С.А. Миграционные процессы в Алтайском крае: прогноз межнациональной напряженности. В кн.: Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии». Отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2018. С. 227–231.

Шахова Е.В. Особенности проявления межэтнического взаимодействия в Алтайском крае (по результатам социологического исследования). Социодинамика, 2019, No. 7, 1–9.

Шахова Е.В., Максимова С.Г. Межэтническое взаимодействие и социальная интеграция населения как взаимосвязанные процессы (по результатам социологического исследования в Алтайском крае). Социодинамика, 2019, No. 8, 1–12.

Bogardus E.S. Forty-year racial distance study. Los Angeles, 1967.

Bogardus E.S. Measuring social distance. Journal of Applied Sociology. 1925. No. 9, 299–308.

REFERENCES

Voroncov, V.S. (2020). Mezhnacional'naya situaciya v Udmurtii v predstavleniyah uchashchejsya i studencheskoj molodezhi [The interethnic situation in Udmurtia in representations of schoolchildren and student youth]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region], 1 (8), 87–99.

Gorbunova, A.A., Maximova, S.G., Popova, A.I. (2018). Model' etnicheskoj identichnosti naseleniya prigranichnyh regionov Rossii [The model of ethnic identity of population from border regions of Russia]. *Society and Security Insights*, 1 (2), 40–53.

Mazdogova, Z.Z. (2019). Mezhnacional'naya (mezhetnicheskaya) tolerantnost' kak vazhnyj faktor soglasiya i mira na Severnom Kavkaze (na primere KBR) [Interethnic (interethnic) tolerance as an important factor of harmony and peace in the North Caucasus (on the example of the KBR)]. *Social'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], no. 4, 19–22.

Mongush, A.A., Saryglar, S.A. (2019). Molodezh' o mezhetnicheskih otnosheniyah v Respublike Tyva (po materialam sociologicheskogo issledovaniya) [Youth about interethnic relations in the Republic of Tyva (based on the materials of a sociological study)]. *Missija konfessij* [Mission of confessions], 6 (41), 814–818.

- Omel'chenko, D.A., Maximova, S.G., Noyanzina, O.E., Cherepanova, M.I. (2017). Sostoyanie sfery mezhnacional'nyh otnoshenij v Altajskom krae [The state of the sphere of interethnic relations in the Altai Territory]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Altai State Agrarian University], 6 (152), 189–194.
- Pashtova, S.B., Dreeva, S.V. (2020). Osobennosti etnicheskoy identichnosti molodezhi osetinskoj, chechenskoj i kabardinskoj etnicheskikh grupp, prozhivayushhij za predelami svoih respublik. In: *Psihologiya XXI veka: aktual'nye vyzovy i dostizheniya: Sbornik statej uchastnikov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh* (pp. 548–560). Sankt-Peterburg.
- Soldatova, G.U. (1998). *Psihologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of inter-ethnic tension]. Moscow: Smysl.
- Soldatova, G.U., Chigar'kova, S.V., Kulesh, E.V., Tihomirov, M.Ju. (2018). Etnosocial'nye i lichnostnye prediktory napravlenosti mezhkul'turnoj kommunikacii u zhitelej rossijskih gorodov s razlichnym etnicheskim sostavom naseleniya [Ethnosocial and personal predictors of the direction of intercultural communication among residents of Russian cities with different ethnic composition of the population]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychologic research], 11 (62), 8.
- Soldatova, G.U., Shajgerova, L.A., Prokof'eva, T.Ju., Kravcova, O.A. (2008). *Psihodiagnostika tolerantnosti lichnosti* [Psychodiagnostics of personality tolerance]. Moscow: Smysl.
- Cherepanova, M.I., Gorbunova, A.A., Nevaeva, D.A., Saryglar, S.A. (2018). Migracionnye processy v Altajskom krae: prognoz mezhnacional'noj napryazhennosti [Migration Processes in Altai Territory: Forecast of Interethnic Tensions]. In: *Materialy VIII mezhdunarodnoj sociologicheskoy Grushinskoj konferencii «Sociolog 2.0: transformaciya professii»* [Materials of the VIII international sociological Grushinsky conference «Sociologist 2.0: transformation of the profession»]. (pp. 227–231). Moscow: VCIOM.
- Shahova, E.V. (2019). Osobennosti proyavleniya mezhetnicheskogo vzaimodejstviya v Altajskom krae (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya) [Features of the manifestation of interethnic interaction in the Altai Territory (based on the results of a sociological study)]. *Sociodynamics*, No. 7, 1–9.
- Shahova, E.V., Maximova, S.G. (2019). Mezhetnicheskoe vzaimodejstvie i social'naya integraciya naseleniya kak vzaimosvyazannye processy (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya v Altajskom krae) [Interethnic interaction and social integration of the population as interrelated processes (based on the results of sociological research in the Altai Territory)]. *Sociodynamics*, No. 8, 1–12.
- Bogardus, E.S. (1967). *Forty-year racial distance study*. Los Angeles.
- Bogardus, E.S. (1925). Measuring social distance. *Journal of Applied Sociology*, No. 9, 299–308.

УДК 339,5 (73:510)

ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF EUROPEAN OIL AND GAS TNC IN CENTRAL ASIA

S.M. Nurdavletova, Zh.I. Zharmakhanova

*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan
e-mail: saniyanm83@mail.ru, zhansaule94@bk.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-02

The article discusses aspects of cooperation in the oil sector of multinational companies representing the interests of European Union countries. In the context of the economic crisis, the impossibility of OPEC + to regulate oil prices and the volume of its production, it is difficult to make forecasts of further economic cooperation. The coronavirus pandemic has shown that, contrary to the interests of globalization, national economies must remain self-sufficient. In our opinion, in the future, the legal regime for the presence of multinational companies in the interests of national economies will be revised.

The Energy Charter of 1991, depriving the Central Asian countries of the right to judicial protection, the oil economic crisis will lead to a severe crisis in the oil sector. The geopolitical confrontation between Russia and the United Arab Emirates against the United States creates a new balance of forces that will affect the development of the Central Asian direction of the European Union's foreign policy as the basis for energy security.

Keywords: *multinational companies, European Union, Central Asia, analysis, economy, crisis, legal regulation*

АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКИХ НЕФТЕГАЗОВЫХ ТНК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С.М. Нурдавлетова, Ж.И. Жармаханова

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан,
e-mail: saniyanm83@mail.ru, zhansaule94@bk.ru*

Рассматриваются аспекты сотрудничества в нефтедобывающем секторе транснациональных компаний, представляющих интересы стран Европейского Союза. В условиях экономического кризиса и невозможности ОПЕК+ урегулировать цены на нефть и объемы ее добычи, сложно делать прогнозы дальнейшего экономического сотрудничества. Пандемия коронавируса показала, что вопреки глобализации национальные экономики должны оставаться самодостаточными. По нашему мнению, в перспективе будет пересмотрен правовой режим присутствия транснациональных компаний в мире в инте-

ресах национальных экономик. Энергетическая хартия 1991 г. лишает страны Центральной Азии права на судебную защиту, нефтяной экономической кризис приведет к тяжелому кризису в нефтяной сфере. Геополитическое противостояние России с Арабскими Эмиратами против США создает новый баланс сил, который будет влиять на развитие центральноазиатского направления внешней политики Европейского Союза в области энергетической безопасности.

Ключевые слова: транснациональные компании, Европейский Союз, Центральная Азия, экономика, кризис, правовое регулирование, энергетическое сотрудничество

The relevance of the research topic lies in the need to analyze the interaction of European transnational companies in the Central Asian region. It is necessary to determine the position of the effectiveness of economic cooperation, in the conditions of oil wars, as well as the prospects for development or economic crisis. The entire system of the oil market, which has existed since the formation of OPEC since 1960, which allows exporting countries to control oil prices, including regimes for limiting its production, turned out to be unable to fully control prices. Such a shock state in the oil market as the state on April 20, 2020, when 1 barrel of WTI crude oil cost minus \$ 37.63, has never happened in history. Perhaps this is due to the COVID-19 coronavirus pandemic, which hit all countries, led to rigid self-isolation and a crisis in the economy of the whole world.

Due to the decrease in demand caused by the pandemic, and consequently the surplus of oil, there is a stagnation of “black gold” in storage facilities. According to the US Energy Information Administration (EIA), as of April 10, storage facilities at America’s largest oil hub in Cushing, Oklahoma, were 72% full (Manukov, 2020). In addition, there is a possibility that this is collusion of individual oil companies. For example, D. Medvedev, Deputy Chairman of the Russian Security Council, believes that everything that we observe in relation to oil futures contracts is very reminiscent of a cartel conspiracy. In his opinion, the situation requires “the most careful analysis, since it undermines the recovery of the world economy” (Vedomosti, 2002).

The aim of the study is to determine the degree of influence of the current economic situation in the oil market on the dynamics of relations between transnational corporations of the European Union countries in Central Asia in the oil and gas sector, more precisely, how the current stagnation will affect European transnational companies in the Central Asian region.

The hypothesis of this study, which requires proof, is to determine the preservation of the positions of European transnational companies engaged in the development of oil and gas in Central Asia during the period of oversaturation of the oil market.

The main thesis to be defended is the provision that European multinational companies operating in Central Asia will be interested in preserving their assets in the first place, and not in preserving the economic stability of the countries in which they are located, which will lead to changes in legislation in relation to them. , that is, the legal regime of the

presence of transnational companies in the world will be revised in the interests of national economies.

Activities of European TNCs in Central Asia. According to the definition of G.M. Velyaminov, transnational companies (TNCs) are a set of various independent organizations united by one economic goal, located in different countries and controlled from a single center (Velyaminov, 2004).

Central Asia plays a critical role in the global energy security system, because it possesses huge reserves of oil and gas, and because most of its resources are available for development by foreign companies (Roberts, 2020).

In Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan produce 11% of all oil and 15% of gas in Eurasia. Kazakhstan occupies a leading position in the extraction of crude oil, $\frac{3}{4}$ of which it exports. Uzbekistan is the leader in natural gas production. Turkmenistan extracts more gas by 7-10% than Uzbekistan, and sends up to 80% for export, the share of Uzbek gas exports from the volume is 20% (CAA, 2020).

Such an important energy resource could not be ignored by foreign companies; not only national companies of the region's countries are involved in the production and transportation of hydrocarbons here, but also transnational companies from the USA, Russia, EU countries, China, India, and the Middle East.

The volume of production can be judged only by one fact, in Kazakhstan TNK, in 2018 alone, they produced 90, 360 million tons of oil (Report of Kazakhstan's Institute of oil and gas, 2019).

Considering the analysis of proven and proven oil and gas reserves, as well as commissioned and existing oil pipelines, Central Asia is an important segment of the world energy system. The main consumers of Central Asian oil and gas are the EU and China.

The development of trade relations and the saturation of the EU market is due to the fact that the main source of oil for Europe is the reserves of the North Sea, oil consumption is growing, and its reserves are decreasing, this niche may well be occupied by oil from the Caspian region.

That is why, in our opinion, European multinational companies are present in the Central Asian region. Energy security is the most important factor in existence.

European TNCs operate in the region, such as Shell (Great Britain, the Netherlands), Total (France), British Petroleum (Great Britain), Eni (Italy). It should be noted that in addition to these companies, Chevron, Exxon Mobil (USA), Gazprom and national companies of Kazakhstan, Turkmenistan and Uzbekistan also operate.

European oil companies entered the market at a time when the economies of the post-Soviet states were in difficult conditions. The urgent need for investment at that time forced the signing of international treaties. All potential risks were assumed by the host countries, and investors received preferences.

It should be noted that the legal regulation of the relationship of European transnational companies in the Central Asian region is quite specific. First, attention should be paid to the essence of the Energy Charter, adopted at the Hague Conference on December 17, 1991. The content of the charter determined the prospects for investment relations. In fact, given the norms of international law, based on the principles of precedent, this rule

must be followed, and restitution in this case is not possible. Under the charter, tariffs and charges will be reduced and will be zero when non-WTO member countries join the World Trade Organization. The host countries were given the opportunity to build transport lines for hydrocarbons but did not have the right to judicial protection and had to modify their national legislation in accordance with the ECT (Suleimenov, Papanasopulo, 2011).

Having received legal guarantees of positive participation, TNCs began to penetrate the investment market of Kazakhstan. The EU has launched a Green Paper “A European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy”. Exhausting their ecology and diversifying the economy, they orient it, first of all, to the management of oil production in third countries (Makenova, 2018).

There are many reasons why it was the Caspian oil that became the object of the EU's economic interests. Firstly, these are the terms of the Energy Charter Treaty; secondly, Kazakhstan, as the main oil supplier, does not have any potential crises in the oil sector, similar to relations between Russia and Ukraine, and of course, a decrease in dependence on Russia.

A new stage in the legal regulation of oil production by European TNCs began in 2007. The Council of the European Union signed the document “European Union and Central Asia: a strategy for the sake of common partnership”. The document covers issues of creating an infrastructure for the oil market, information exchange, scientific cooperation and environmental issues.

Now, the European transnational companies Agip, Eni, Shell and the French company Total operate in the region. Let us take a closer look at the presence of European TNCs in Central Asia.

Royal Dutch Shell's interests in the Karachaganak block form a 29.25% stake, production per day is 393,000 barrels. The Kashagan project is owned by Shell for 16% - 370 thousand barrels. Its subsidiary Pearls PSC, where Shell owns 56% of the shares, is developing the Khazar and Auezov fields in the Caspian Sea. The company also has 7.43% in the Caspian oil pipeline connecting the Black Sea and the Caspian Sea. Eni S.p.A is a large Italian oil exploration company. It operates in more than 80 countries around the world. Operating profit was € 2.567 billion (Makenova, 2018: 474).

British Petroleum is the second TNC in Europe to transport oil. In 2009, BP announced its withdrawal from the oil market of Kazakhstan, selling its assets to other actors in the oil sector. Probably, the major focus of the company was placed on the production of shale oil in the United States and Mexico.

TOTAL is a French multinational company, which is the fourth in the ranking of oil sales, engaged in the development of oil fields. It entered the Central Asian market in 1993, owns 16% of assets for the development of the Kashagan field. After the acquisition of Engie, Total became the second largest company in the world, with a 10% global mining market share (Total-Kazakhstan, 2020).

In Uzbekistan, focused mainly on cooperation with Russia, Japan, Malaysia, South Africa and the European vector represented by Gas Project Development Central Asia AG (Switzerland).

In Turkmenistan, which is one of the largest owners of gas reserves, Gas Project Development Central Asia AG (Switzerland) offered its financial assistance in the con-

struction of the Trans-Caspian gas pipeline under the Caspian Sea, however, the terms of participation do not suit the Turkmen side, therefore the terms of the contract are still on development stage.

Each of the presented oil producing companies serves not only, exclusively, economic interests, but also acts as an actor in the security of their national economies, performing the functions of ensuring the filling of the domestic oil and gas market from Central Asia:

1. European multinational corporations are reducing the use of oil reserves in the North Sea, which in the future will provide a reserve of hydrocarbons.
2. Reduce the degree of environmental pollution in the European region, thereby helping to improve the quality of life of the population and exempting TNCs from high European taxes on the environment.
3. Develop the infrastructure for oil production in Central Asian countries, contributing to the development of economies.
4. Invest in research and development of alternative energy sources, as they realize the non-renewability of hydrocarbons.
5. Serving economic interests, European transnational companies form a system of more simplified interaction than the functioning of national companies, in which the efficiency of asset management and the development of relations is politicized and directly dependent on long-term commitments made under government agreements.

Developing risk factors in its strategic plans, no European oil company could expect such crisis phenomena that cannot be explained either by the Kondratyev Cycles or by economic theories. The impossibility or strategic reluctance of Saudi Arabia and Russia to return the economic world parity in oil prices is a factor of raw material oversaturation, which is changing the system of world geoeconomics, where the United States is suffering a clear economic defeat.

It turned out that external and internal factors of contradictions between oil exporting countries form the impossibility of agreeing on production volumes and pricing policy. On the one hand, it looks like the consequences of a pandemic, where energy consumers, having reduced capacity, provoked a surplus in the market and, naturally, following the law of supply and demand, a price reduction. On the other hand, this fact has shown that oil is not such an expensive resource, and so rare, since exporting countries are ready to sell it much less. It turns out that the oligopolistic conspiracy did not take place, there was an overproduction of goods (oil) and a recession began, leading to a crisis in the industry, and in national economies. The inability to find sales markets will lead to the need to mothball the fields, which requires significant costs that companies will not be ready to make. The result of this situation may be, in our opinion, either an attempt to regain control over the market within the framework of OPEC ++, or hyperinflation of national currencies, a global economic crisis, which, taking into account the technology of modern production, will become more tangible than the crisis of 1929.

Despite the declared possible controllability of oil production processes by countries within the framework of OPEC ++, one should not lose sight of a significant factor: oil is produced by oil, mainly multinational companies, which receive their profits from sales, invest them in the development of oil infrastructure and pay taxes to states territory of which they are located.

It is extremely difficult to understand the true volumes of damage to the economy because the contracts concluded between the government and TNCs are classified information (Echonews, 2018).

We can only focus on the volume of extracted raw materials, while, without knowing the terms of contracts, it will be impossible to calculate the net profit for deductions to the budget.

The difficulty in regulating relations with transnational companies is that they have neither a financial nor a legal center, but they can manage financial flows.

Among the multinational companies that are actively involved in the development of oil in the Caspian zone of the Central Asian countries, they represent the interests of the United States, China, the EU and other geopolitical centers. In particular, this interest is not exclusively of an oil nature.

It can be concluded that despite the crisis in the economy, TNCs, including European ones, operating in Central Asia, will retain their presence, since the crisis is a phenomenon that is always passing, and it will be more difficult to enter the oil market later. Likewise, the European presence in the region weakens Russia's position in matters of influence on foreign energy policy. It is clear from the text of the Energy Charter that the national economies of the Central Asian countries will suffer losses that cannot even be partially compensated, since these are the conditions of the Charter. The severity of the economic consequences, independent overcoming of the crisis, through the use of internal reserves, after the end of the crisis will lead to a revision of the provisions of the Charter and a change in energy positions (Zonn, Zhiltcov, 2008).

The creation of an alternative to the dollar for mutual settlements between countries is acquiring a new urgency.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Добыча и производство энергии в Центральной Азии. 2020. URL: https://caa-network.org/archives/11257?__cf_chl_jschl_tk_ (дата обращения: 22.04.2020).

Макенова А.Б. Республика Казахстан и Европейский Союз: характер и особенности энергетического сотрудничества. Постсоветские исследования, 2018, 1 (5), 472–481.

Мануков С. У беспрецедентного обвала нефти есть простое объяснение. 2020. URL: <https://expert.ru/2020/04/21/neft/> (дата обращения: 21.04.2020).

Медведев назвал картельный сговор возможной причиной отрицательных цен на нефть. 2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/04/21/828539-medvedev> (дата обращения: 21.04.2020).

Отчет по анализу отрасли, контракт KZSJ-1.1/CS-20-CQS Разработка профессиональных стандартов и отраслевых рамой квалификаций по направлению «Разведка и добыча нефти и газа» и «Транспортировка и хранение нефти и газа». АО «Казахский институт нефти и газа» 2019. URL: <http://www.king.kz/backend/web/images/menu/> (дата обращения: 21.04.2020).

Робертс Д. Борьба за ресурсы Центральной Азии. 2020. URL: https://www.bbc.com/russian/business/2010/06/100603_central_asia_resources (дата обращения: 22.04.2020).

Сулейменов М.К., Папанасопуло Г.А., Холланд У. Влияние договора к энергетической хартии на законодательство Казахстана. Частное право Республики Казахстан: история и современность. 2011. Т. 7. URL: <http://zangerlf.com/ru/publications/216> (дата обращения: 22.04.2020).

Транснациональные корпорации добыли 90,360 млн тонн нефти в Казахстане за 2018 год. URL: <https://ehonews.kz/transnatsionalnye-korporatsii-dobyli-90-360-mln-tonn-nefti-v-kazahstane-za-2018-god/> (дата обращения: 24.04.2020).

Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс. М.: Волтерс Клувер, 2004.

Жильцов С.С., Зонн И.С. Каспийский регион: география, экономика, политика, сотрудничество. М.: Эдель, 2008.

Total-Kazakhstan 2020. URL: <https://hipo.kz/companies/total-e-p-kazakhstan/> (дата обращения: 24.04.2020).

REFERENCES

Dobycha i proizvodstvo energii v Central'noj Azii. (2020). [Extraction and production of energy in Central Asia]. Available at: https://caa-network.org/archives/11257?__cf_chl_jschl_tk_ (accessed 22 April 2020).

Makenova, A.B. (2018). Respublika Kazahstan i Evropejskij Soyuz: karakter i osobennosti energeticheskogo sotrudnichestva [The Republic of Kazakhstan and the European Union: the nature and characteristics of energy cooperation]. *Postsovetskie issledovaniya*, 1(5), 472–481.

Manukov, S. (2020). *U besprecedentnogo obvala nefti est' prostye ob'yasneniya* [The unprecedented oil crash has a simple explanation]. Available at: <https://expert.ru/2020/04/21/neft/> (accessed 21 April 2020).

Medvedev nazval kartelnyj sgovor vozmozhnoj prichinoy otricatel'nyh cen na neft'. (2020). [Medvedev called cartel collusion a possible reason for negative oil prices] Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/04/21/828539-medvedev> (accessed 21 April 2020).

Otchet po analizu otrasli, Kontrakt KZSJ-1.1/CS-20-CQS Razrabotka professionalnyh standartov i otraslevyih ramok kvalifikacij po napravleniyu «Razvedka i dobycha nefti I gaza» i «Transportirovka i hranenie nefti I gaza» [Industry analysis report, contract KZSJ-1.1 / CS-20-CQS Development of professional standards and industry qualifications framework in the field of «Exploration and production of oil and gas» and «Transportation and storage of oil and gas».] (2019). АО «Kazakh Institute of Oil and Gas». Available at: <http://www.king.kz/backend/web/images/menu/> (accessed 21 April 2020).

Roberts, D. (2020). *Bor'ba za resursy Central'noj Azii* [Struggle for resources of Central Asia]. Available at: https://www.bbc.com/russian/business/2010/06/100603_central_asia_resources (accessed 22 April 2020).

Sulejmenov, M.K., Papanasopulo, G.A., Holland, U. (2011). Vliyanie Dogovora k Energeticheskoy hartii na zakonodatelstvo Kazahstana [Impact of the Energy Charter Treaty on Kazakh Legislation]. In: *Chastnoe pravo Respubliki Kazahstan: istoriya i sovremennost'*

[Private law of the Republic of Kazakhstan: history and modernity], Vol. 7. Available at: <http://zangerlf.com/ru/publications/216> (accessed 22 April 2020).

Transnacionalnye korporacii dobyli 90,360 mln tonn nefti v Kazahstane za 2018 god (2019). [Transnational corporations produced 90.360 million tons of oil in Kazakhstan in 2018]. Available at: <https://ehonews.kz/transnatsionalnye-korporatsii-dobyli-90-360-mln-tonn-nefti-v-kazahstane-za-2018-god/> (accessed 21 April 2020).

Vel'yaminov, G.M. (2004). *Mezhdunarodnoe ekonomicheskoe pravo i process* [International economic law and process]. Moscow: Wolters Kluwer.

Zhil'cov, S.S., Zonn, I.S. (2008). *Kaspijskij region: geografiya, ekonomika, politika, sotrudnichestvo* [Caspian region: geography, economics, politics, cooperation]. Moscow: Edel.

Total-Kazakhstan (2020). Available at: <https://hipo.kz/companies/total-e-p-kazakhstan/> (accessed 24 April 2020).

УДК 316.485

ПРОБЛЕМА НАПРЯЖЕННОСТИ И КОНФЛИКТНОСТИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

С.В. Мурашева

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия,
e-mail: murashova.svet@yandex.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-03

Актуальность проблемы изучения напряженности и конфликтности межэтнического взаимодействия в современном мире обусловлена преобладанием в обществе негативного мнения и стереотипных установок о лицах, принадлежащих к отличным от русского этносам, стремительно растущим отчуждением наций, несправедливостью административно-территориальной иерархии народов, фактами этнофобии и ксенофобии. Этнический компонент становится ключевым и решающим в общественно-политической жизни нашей страны и обуславливает возникновение межэтнической напряженности и конфликтов.

На современном этапе развития общественных отношений появилась острая потребность в разработке и последующем внедрении в практику системы предупреждения и урегулирования межэтнических конфликтов, которая опиралась бы на Концепцию государственной национальной политики. В качестве приоритетного направления в ней должна быть обозначена консолидация общества для решения общенациональных проблем. В силу данных обстоятельств исследование напряженности и конфликтности межэтнического взаимодействия имеет концептуальное и практическое значение, привлекает пристальное внимание исследователей из различных областей научных знаний и побуждает их разрабатывать и внедрять в практику эффективные способы предупреждения и урегулирования конфликтов данного типа.

Целью статьи явилось представление результатов исследования напряженности и конфликтности межэтнического взаимодействия в современном мире. Важное место уделено влиянию межэтнических конфликтов на развитие общественных отношений. Научная новизна предложенных в статье положений заключается в изучении особенностей межэтнического взаимодействия и конфликтов. Практическая значимость заключается в возможности использования выводов статьи для разработки программ по предупреждению и урегулированию межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: *межэтническое взаимодействие, межэтнические конфликты, принимающее общество, феномен этнического возрождения, миграционные процессы*

THE PROBLEM OF TENSION AND CONFLICT INTER-ETHNIC INTERACTION IN TODAY'S WORLD

S.V. Murasheva

*Oryol state university of I.S. Turgenev, Oryol, Russia, e-mail:
murashova.svet@yandex.ru*

The urgency of the problem of studying the tension and conflict of interethnic interaction in the modern world is caused by the prevalence of negative opinions and stereotypical attitudes in society about persons belonging to ethnic groups different from Russian, the rapidly growing alienation of nations, the injustice of the administrative and territorial hierarchy of peoples, facts of ethnophobia and xenophobia. The ethnic component is becoming key and decisive in the social and political life of our country and causes inter-ethnic tensions and conflicts. At the current stage of development of social relations, there is an urgent need to develop and further introduce a system of prevention and resolution of inter-ethnic conflicts, which would be based on the Concept of State National Policy. Consolidation of society in order to solve national problems should be identified as a priority in the Concept of State National Policy. Due to these circumstances, research into the tensions and conflicts of inter-ethnic interaction has conceptual and practical significance, attracts the close attention of researchers from various fields of scientific knowledge and encourages them to develop and implement effective ways of preventing and settling conflicts of this type.

The aim of the article was to present the results of the study of interethnic tensions and conflicts in the modern world. An important place is given to the impact of interethnic conflicts on the development of social relations. The scientific novelty of the provisions proposed in the article is the study of the peculiarities of interethnic interaction and conflicts. Practical importance lies in the possibility of using the findings of the article to develop programmes for preventing and settling inter-ethnic conflicts.

Keywords: *inter-ethnic interaction, inter-ethnic conflicts, the host society, the phenomenon of ethnic revival, migration processes*

Введение

Человечество на современном этапе представляет собой достаточно сложную систему, включающую в себя несколько тысяч различного рода этнических общностей. Основными тенденциями развития общества является поликультурность и, как следствие, взаимовлияние культур. Активно применяемый в настоящее время межкультурный подход проявляется прежде всего в уважении, понимании и правильной оценке национального многообразия, отказе от изоляции и дискриминации, формировании солидарности и взаимной поддержки между членами межэтнических сообществ.

В то же время в мире наметилось усиление неравенства между индивидами и государствами, этносами и народами, обостряются социальные противоречия. В некоторых регионах нашей страны все чаще возникает этническая напряженность, заметны проявления ксенофобии и национализма, влекущие за собой различного рода столкновения между коренным населением и этническими меньшинствами (Бедрик, 2011).

С каждым днем принимающее общество все в большей степени осознает возникающие угрозы, связанные с приездом мигрантов. К ним относят изменение этнического баланса не в пользу принимающего государства, появление возможности развертывания конфликтов из-за непредсказуемого поведения мигрантов и др. Вследствие этого возникают этническая напряженность и нестабильность российского общества, находящие отражение в крайних формах противоборства — конфликтах.

Методология и результаты исследования

Межэтническая напряженность и конфликты порождаются не самим фактом существования этносов, а рядом условий и обстоятельств, в которых они живут и развиваются. Это прежде всего преобладание негативного мнения, стереотипных установок о лицах, принадлежащих к отличным от русского этносам, стремительно растущее отчуждение народов, этнофобии и ксенофобии как следствия исторических причин, несправедливость административно-территориальной иерархии народов и др. (Савельев, 2011)

Для изучения особенностей напряженности и конфликтности межэтнического взаимодействия нами было проведено анкетирование в рамках работы лаборатории миграционных и межэтнических конфликтов Учебно-научно-практического центра разрешения конфликтов, функционирующего в Орловском государственном университете имени И.С. Тургенева. В исследовании приняли участие 60 человек. Возрастной контингент опрошиваемых — от 20 до 50 лет; 47% респондентов являлись русскими, а остальные в равных долях представлены другими национальностями, такими как узбеки, таджики, азербайджанцы, украинцы, белорусы, дагестанцы, чуваша, башкиры и др.

Респондентам был задан вопрос: «При знакомстве с другим человеком для Вас важна его национальная и этническая принадлежность?» Были получены следующие ответы: «нет, не важна» ответили 56% опрошенных; «не очень важна, но лучше если он (она) будет одной со мной национальности, этнической принадлежности» отметили 32% респондентов; «да, очень важна» подчеркнули 12% анкетированных.

Для большинства участников анкетирования национальность в общении с другими людьми играет не самую важную роль, что свидетельствует об их толерантном отношении к оппонентам.

Участникам опроса также предлагалось указать свое отношение к представителям другой национальности. Относятся к ним нейтрально 60% опрошенных, воспринимают их доброжелательно — 36%, негативно — 4%. При уточнении факторов, которые повлияли на формирование отношения к оппонентам, наибольшее

количество голосов (72%) набрал вариант «повлияло собственное мнение, которое сложилось на основе жизненного опыта», вариант «мнение сформировалось под влиянием общественности, СМИ» выбрали 10% респондентов. Остальные опрошенные (8%) указали разные варианты: «под воздействием первоначально полученной информации от оппонента», «под влиянием внешнего облика человека, в том числе стиля одежды», «отношение определялось поступками оппонента». Результаты указывают на то, что большинство респондентов не подвергаются влиянию общественного мнения, предрассудков и стереотипов и предпочитают формировать свое мнение на основе личного опыта.

На вопрос «Сталкивались ли Вы с конфликтными ситуациями, где были бы задействованы лица другой национальности, этнической принадлежности?» ответ «да» выбрали 64% опрашиваемых, «нет» — 36% респондентов. Несмотря на то, что большей части анкетированных в общении не важна национальная принадлежность оппонентов, в конфликтных ситуациях с представителями другой национальности участвовало большинство респондентов.

В рамках исследования у респондентов выяснялось, случались ли конфликты между людьми разных национальностей за последний год в населенном пункте, где они проживают. На этот вопрос затруднились ответить 52%, ответ «да» выбрали 24%, ответ «нет» — 24%. Создается впечатление, что половина опрашиваемых или не осведомлены о ситуации в своем регионе, или не интересуются темой, касающейся межэтнической напряженности и конфликтогенной активности. Треть респондентов проживает в регионах, где практически не наблюдается конфликтов между представителями разных национальностей (башкиры, чувашаи и др.), а остальные — в регионах, где происходят подобные конфликты.

Среди причин возникающих межэтнических конфликтов респондентами были указаны такие как: «предоставление недостоверной информации», «недопонимание», «агрессия и неуважение со стороны представителя другой национальности», «расхождение во взглядах», «недопустимое поведение», «особенности темперамента оппонента», «намеренное провоцирование столкновения». Все причины указывают на проявление агрессии к самим респондентам. Возможными причинами такого поведения могут быть необразованность, невоспитанность, ответная реакция на поведение других, различия в культурных и духовных ценностях, менталитете и т.д. В большинстве случаев эти причины характеризуют личностные особенности субъектов конфликта и не имеют отношения к национальной специфике.

Респондентам задали вопрос: «Замечали ли Вы негативное отношение к себе со стороны представителей другой национальности?», 68% выбрали ответ «нет», 24% — «иногда», 4% — «да, очень часто».

Большинство опрошенных (80%) уважают культурные и религиозные традиции других народов. С формулировкой ответа затруднились 20%. Они не смогли выразить свое отношение к специфике представителей другой национальности. В большинстве случаев проявление терпимого отношения со стороны разных этносов к культуре друг друга свидетельствует о желании развиваться, взаимодействовать и узнавать историю, образ жизни и обычаи других народов.

В рамках исследования респондентов попросили выразить свое отношение к идее проведения мероприятий, направленных на национальное сплочение, встреч между представителями разных национальностей с целью знакомства с их традициями, обычаями, культурой и т.д. Эту идею поддержали 80% опрошенных, 20% отметили, что «другим этносам могут быть неинтересны наши традиции», «абсолютно нормально, что все люди разные, и не нужно делать их одинаковыми, лучше провести работу, касающуюся воспитания людей другой национальности».

На вопрос «Хотели бы Вы улучшить отношения с представителями другой национальности?» 60% респондентов ответили «да», 20% — «нет» и 20% выбрали вариант «затрудняюсь ответить».

Затем респондентам предлагалось задуматься над вопросом: «Существует ли проблема взаимоотношений представителей разных национальностей только в нашей стране или касается всех государств?» Большинство опрошенных (68%) ответили «нет, эта проблема актуальна для многих стран», 24% респондентов считает, что «в нашей стране эта проблема стоит наиболее остро». 4% анкетированных подчеркнули, что «проблема взаимоотношений представителей разных национальностей существует только в нашей стране», 4% опрошенных считает, что «есть другие страны, где эта проблема стоит наиболее остро».

Для снижения межэтнической напряженности, предупреждения конфликтов и налаживания конструктивного взаимодействия в современном обществе, по мнению респондентов, необходимо: «формировать толерантность с детства, не только к другим национальностям, но и ко всему, что отличается по каким-либо критериям»; «не поддавать под влияние стереотипов и предрассудков в отношении людей, с которыми лично не знакомы»; «создавать совместные проекты»; «знакомить с особенностями культуры и традициями других народов»; «на законодательном уровне регулировать взаимоотношения различных наций»; «проводить мероприятия по сплочению людей».

Проведенное исследование показало, что большинство людей заинтересованы в том, чтобы всеми способами снижать напряженность, возникающую в процессе социального взаимодействия, предупреждать и конструктивно урегулировать межэтнические конфликты, развиваться и знакомиться с особенностями культур других народов, осуществлять национальное воспитание. Необходимо также дополнить нормативно-правовую базу государства, регулиующую права и обязанности граждан из других стран.

Роль межэтнических конфликтов в развитии общественных отношений

Межэтническая напряженность и конфликтность, вызванные процессами стандартизации и унификации образа жизни людей, ростом их национального самосознания, имеют различные проявления в зависимости от социокультурного типа конкретного общества. Так, например, в экономически развитом обществе, отличающемся стабильностью и достаточно высоким уровнем культуры межнационального общения, противоречия на межэтнической почве проявляются преимущественно в политической сфере. В свою очередь, в менее благополучных и, следовательно, менее стабильных обществах эти противоречия, помимо политической,

возникают и в других сферах, а именно экономической, социальной, культурной и духовной (Васильев, 2002).

Воздействие межэтнического конфликта имеет комплексный характер и может проявляться сразу в нескольких сферах общественной жизни. Как правило, результаты этого можно проследить в становлении новых и демонтаже старых социально-политических, социально-экономических и иных общественных институтов, а также в ряде случаев в образовании новых государств на карте мира (Кубякин, 2005).

Существующая на протяжении последней четверти века относительно стабильная геополитическая картина мира в течение последних нескольких лет изменилась под воздействием факторов, внесших в нее заметные коррективы. К таким факторам можно отнести быстрое нарастание нестабильности в ряде регионов, противоречий и конфликтного потенциала в общественных отношениях, а также непрекращающуюся борьбу за ресурсы и влияние между различными странами, конфессиями, этническими группами, политическими партиями и иными силами.

В научной литературе выделяется несколько процессов, определяющих геополитический климат и общий облик мира:

1. Появление у ряда государств тревог и волнений по поводу состояния собственной внутренней и внешней безопасности. Это проявляется в естественном стремлении всех государств избежать вмешательства в свои внутренние дела, политической и территориальной дезинтеграции и сохранить себя в существующих национальных границах. Примечательно, что некоторые из стран вполне допускают пересмотр государственных границ соседей в свою пользу под предлогом «восстановления исторической справедливости» (Восточная Европа, Балканы, Ближний Восток, Азиатско-Тихоокеанский регион). Это обусловлено положениями Ялтинской системы послевоенного устройства мира, разрушением биполярной системы, ослаблением системы международной безопасности и нарастанием в ряде регионов внутривнутриполитической нестабильности.
2. Регистрация сепаратистских настроений и процессов в ряде регионов. Обострившиеся межэтнические отношения, острые межконфессиональные споры и противоречия, новые, зачастую негативные, экономические реалии, появление политических элит и амбициозных лидеров, использующих броские лозунги и националистические призывы, — все это выступает в качестве питательной среды для межэтнических противоречий и нарастания сепаратизма.
3. Возникновение угрозы международного терроризма. Терроризм стал негласно рассматриваться и использоваться рядом государств как некий инструмент их военной политики и стратегии. К тому же терроризм стал формировать собственные армии, оснащенные современной тяжелой военной техникой, а некоторые крупные террористические организации стремятся стать самостоятельными игроками на мировой арене. Динамика событий последних лет говорит о существовании угрозы развязывания силами международного терроризма и его вдохновителями новых крупномасштабных вооруженных конфликтов и войн в различных регионах.

4. Перемещение больших масс людей из одних регионов мира (бедных, нестабильных) в другие (социально благополучные, развитые и стабильные). Можно говорить о процессе «обратной колонизации», при котором население бывших колоний требует у бывших колонизаторов предоставления ему равных прав и возможностей, которых они были лишены в период западного колониального господства. Манипуляции миграционными процессами стали своеобразным инструментом геополитики ряда великих мировых держав. Миграционные волны с течением времени размывают границы общественно-политической стабильности многих европейских государств, изменяя их как внешне, так и внутренне. Это, в свою очередь, создает предпосылки к возникновению новых геополитических реальностей и новых угроз.
5. Ведение информационных войн. Они используются как серьезный инструмент внутренней и внешней политики крупных развитых государств. Например, применение государствами специальных информационных технологий как во внутриполитической борьбе, так и при решении ряда внешнеполитических задач (Евстигнеев, 2015).

Последствия межэтнических конфликтов

Существенное влияние межэтнические конфликты оказывают на психологию людей. Они могут приводить не только к возникновению неприязни между представителями разных этносов в межэтническом общении, но и проявляться в виде различных форм национализма (Бородкин, 1989).

Говоря о демографических последствиях межэтнических конфликтов, следует отметить, что они оказывают существенное влияние на различные сферы жизни общества и могут стать причиной или предпосылкой новой волны напряженности.

В современной научной литературе выделяют следующие негативные последствия межэтнических конфликтов:

- 1) человеческие жертвы. Например, около миллиона человек на территории бывшего СССР составляет число погибших / пропавших без вести в ходе различных межэтнических столкновений/конфликтов/войн (чеченских войн, конфликта в Приднестровье, грузино-абхазского конфликта, карабахского конфликта и др.);
- 2) массовые перемещения населения и сдвиги в расселении. Зачастую массовая миграция из районов повышенной конфликтности стимулирует проявление негативных тенденций в межэтнических отношениях, когда новая этническая конфигурация в районах скопления мигрантов приводит к конкуренции разных этносов в сфере занятости, проживания, а также общения. Это может приводить к появлению шовинистических настроений, созданию групп/организаций/партий националистической направленности. Стоит отметить, что вынужденные переселенцы сталкиваются с невозможностью реализации в полном объеме своих потребностей и интересов, теряют свой прежний статус, что создает предпосылки для формирования негативного отношения к новому социальному окружению;
- 3) изменение демографического поведения и состава населения. Возрастающее чувство неуверенности, «шаткости» своего положения, которое характерно для населения в зонах повышенной напряженности и конфликтов, приводит к отсрочке

заклучения браков, отказу от рождения детей или к откладыванию их появления, разрыву или ослаблению семейных связей — все это негативно сказывается на показателях рождаемости и брачности (Джунусов, 2002).

4) Миграции, характерные для конфликтного периода, существенно изменяют половозрастной состав населения. Так, например, места постоянного проживания покидают в первую очередь женщины с детьми и престарелые. Примечательно, что именно эти наиболее незащищенные категории населения в последнюю очередь возвращаются в места постоянного проживания (Кубякин, 2005).

На современном этапе развития отношений межэтнические конфликты выступают в качестве фактора, формирующего новые типы межэтнического взаимодействия, которые исключают крайние, насильственные способы разрешения возникающих противоречий.

Методы предупреждения межэтнических конфликтов

На современном этапе развития общества оформилась потребность в разработке и последующем внедрении в практику системы предупреждения и урегулирования межэтнических конфликтов, которая бы опиралась на Концепцию государственной национальной политики Российской Федерации. В качестве приоритетной задачи в ней должна быть обозначена консолидация общества для решения общенациональных проблем и вызовов.

По мнению исследователей, на первый план в последние годы выходят политические и исследовательские направления, касающиеся следующих вопросов: изучения проблемы локальных межэтнических конфликтов; анализа текущего состояния и основных тенденций этнополитических процессов на микроуровне (Вишнякова, 2002).

Советский и российский политолог В.С. Зорин убежден, что игнорирование проблемы локальных межэтнических конфликтов может привести к возникновению стабильных очагов социальной напряженности и конфликтности. Исследователь акцентирует внимание на том, что анализ специфики межэтнических отношений на микроуровне и выявление роли этнических меньшинств в формировании этнополитической ситуации в районах и населенных пунктах необходимы (Зорин, 2002).

Российский конфликтолог Е.И. Степанов убежден в том, что межэтнические конфликты «не только продолжают притягивать к себе пристальное внимание, но и все больше требуют организованных и целенаправленных усилий, способных обеспечить выработку и реализацию эффективных мер по их урегулированию или предотвращению» (Степанов, 1998).

Межэтнические конфликты непосредственно воздействуют на состояние систем макро- и мезоуровней, т.е. на этнополитические процессы на уровне субъекта Федерации и на общегосударственном уровне. В некоторых случаях они могут приводить к их качественному преобразованию: к изменению политико-правового статуса субъекта; распаду государства или выходу отдельных территорий из состава государства.

По мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, любой конфликт легче предупредить, чем преодолевать, когда он уже разгорелся. Предви-

деть возникновение локальных межэтнических конфликтов — значит иметь возможность своевременно предпринять меры по предупреждению или скорейшему, с наименьшими потерями, урегулированию. Поэтому меры по предупреждению локальных межэтнических конфликтов должны быть заложены в основе осознанной политики государства.

Предупреждение локального межэтнического конфликта, по мнению исследователя В.П. Пугачева, представляет собой «действия, исключающие зарождение конфликтной ситуации или же предполагающие устранение причин, источников конфликта, разрядку конфликтной напряженности, предотвращение формирования конфликтного создания, кризиса и конфликтных действий». Поскольку межэтнические столкновения легко эскалируются и имеют тенденцию становиться затяжными, наиболее эффективна та работа, которая проводится на латентной стадии. Такая деятельность требует наличия в регионах/районах специалистов, имеющих полномочия и опыт работы в данной сфере. Они должны понимать, что межэтнические столкновения обусловлены как объективными, так и субъективными факторами (Иванов, 1993).

Большинство современных конфликтологов-практиков убеждены, что предупреждение или урегулирование того или иного конфликта представляется невозможным без предварительного сбора эмпирического материала, анализа развертывания и протекания конфликтных ситуаций, характеристики и оценки их типа, остроты, стадии, особенностей взаимодействия конфликтующих сил (отдельных индивидов, групп). По отношению к локальным межэтническим конфликтам следование данным курсом позволяет в режиме реального времени проверять истинность исследовательских гипотез и оценивать эффективность выдвигаемых прогнозов (Лурье, 2010).

Для предупреждения локальных конфликтов на этнической почве необходимо:

- 1) стабилизировать и увеличить число старожильческого населения за счет улучшения демографической и социальной политики, целью которой было бы стимулирование рождаемости и снижение смертности населения;
- 2) снизить объем миграционного оттока постоянного населения;
- 3) оптимизировать внешние миграционные потоки по количественным и качественным параметрам (легальная миграция в объемах, отвечающих потребностям конкретных регионов; приоритет миграционной политики для российских соотечественников);
- 4) проводить политику, направленную на интеграцию мигрантов и местного населения;
- 5) организовывать и проводить просветительскую и разъяснительную работу среди населения по ослаблению националистических и шовинистских настроений и их криминальных проявлений;
- 6) применять правовые меры воздействия по предупреждению ксенофобии и др. (Мурашева, 2015)

Установление сотрудничества между федеральными, областными, местными органами власти и этническими общественными объединениями (диаспорами) об-

ластного уровня — это наиболее действенный метод предупреждения возникновения локальных межэтнических конфликтов.

Для раннего предупреждения локальных межэтнических конфликтов необходимо владеть следующей информацией:

- 1) статистическими данными о социально-экономической, демографической, миграционной и криминогенной ситуации в регионе/районе в динамике за последние 5 лет;
- 2) нормативно-правовыми документами региональных органов власти (администраций, прокуратуры, органов внутренних дел и др.) по проблемам миграции и межэтнических отношений;
- 3) документацией этнических общественных объединений (уставами, планами работы, заявлениями, обращениями);
- 4) материалами местных СМИ (радио, телевидения, районных/областных печатных и электронных газет, наглядной агитации, интернет-порталов) по этнической тематике;
- 5) результатами социологического мониторинга, посвященного межэтническим отношениям, а именно социологическими опросами, данными фокус-групп;
- 6) экспертными оценками динамики уровня напряженности и конфликтности региона/района (Кубякин, 2005).

По мнению многих исследователей, занимающихся изучением межэтнических конфликтов, их предупреждение должно осуществляться на двух уровнях — общесоциальном и психологическом.

На общесоциальном уровне предупреждение межэтнических конфликтов включает в себя:

- 1) последовательное осуществление экономической, социальной и культурной политики в интересах всех этнических групп региона;
- 2) повышение толерантности и культурного уровня граждан;
- 3) укрепление верховенства права;
- 4) активное взаимодействие с лидерами этнических диаспор;
- 5) тщательная работа со СМИ, а именно мониторинг и проверка опубликованной информации;
- 6) последовательная реализация социальных программ, направленных на реализацию интересов той или иной этнической группы и т.д. (Грачев, 2018).

На этом уровне крайне важно работать над укреплением доверия, совершить пересмотр ценностей в сторону повышения уважения к правам и свободам личности и осуществлять борьбу с насилием и нетерпимостью.

Предупреждение межэтнических конфликтов на психологическом уровне включает в себя:

- 1) поддержку и последующее воздействие контрпарты, способных блокировать первоначальные агрессивные намерения и установки конфликтующих сторон;
- 2) осуществление работы по изменению индивидуального отношения к проблемной ситуации и поведения в ней;
- 3) влияние на статус и поведение оппонентов в том или ином конфликте (Мукомель, 2014).

Так, в целях содействия укреплению общественного согласия, гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, предотвращения возникновения межэтнических конфликтов власти Орловской области инициировали создание координационного совета по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Губернаторе Орловской области¹.

Основными задачами данной структуры являются:

- 1) мониторинг и анализ процессов в сфере межконфессиональных и межнациональных отношений, подготовка предложений по взаимодействию с религиозными и национальными организациями Орловской области;
- 2) координация деятельности органов исполнительной государственной власти, органов местного самоуправления, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, предприятий, учреждений и общественных организаций Орловской области по реализации государственной национальной политики, а также политики государства в сфере совести и религиозных объединений;
- 3) выявление причин и источников потенциальных межнациональных конфликтов, выработка предложений по их нейтрализации;
- 4) разработка рекомендаций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений на территории Орловской области;
- 5) поддержка и развитие межнационального и межконфессионального диалога, формирование уважительных и конструктивных взаимоотношений между представителями различных национальностей и вероисповеданий².
- 6) Всесторонний практико-ориентированный прогностический анализ в сфере межэтнических отношений позволит местным властям осуществлять своевременную выработку и принятие соответствующих управленческих решений. Приоритетами в данном случае являются социально-политическое партнерство заинтересованных участников, этнокультурный и межконфессиональный диалог, степень продуктивности которого во многом зависит от этноконфессионального состава региона.

Вопрос укрепления полиэтничной российской идентичности на территории Орловской области в контексте проблемы обеспечения этнокультурного единства и сотрудничества может быть решен исключительно путем повышения общекультурного уровня населения региона.

Особое значение для повышения эффективности государственной национальной и конфессиональной политики в сфере предупреждения возникновения межэтнических конфликтов, реализуемой на территории Орловской области, могут иметь соответствующие региональные целевые программы по поддержке этнокультурных общностей на территории области. Целесообразно также создание

¹ О Стратегии государственной национальной политики Орловской области на период до 2025 года: Указ Губернатора Орловской области от 18.11.2014 № 438 (с изм. на 08.02.2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/411712831> (дата обращения: 28.10.2020).

² О создании координационного совета по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Губернаторе Орловской области: Указ Губернатора Орловской области от 23.10.2014 № 390 (с изм. на 22.06.2020), URL: <http://docs.cntd.ru/document/423813481> (дата обращения: 26.10.2020).

центров этнических культур, домов дружбы народов, клубов интернациональной дружбы в учебных учреждениях, основанных на положениях и не противоречащих «Стратегии государственной национальной политики Орловской области на период до 2025 года»¹.

На данный момент на территории Орловской области зарегистрированы три национально-культурные автономии и девять общественных организаций, представляющих интересы других этнических групп. Тесное сотрудничество данных организаций с органами государственной власти региона позволит наладить конструктивный диалог между представителями разных этносов и предупредит возникновение межэтнических конфликтов и столкновений на территории Орловской области.

На уровне межличностных отношений для профилактики межэтнических конфликтов, можно использовать такие формы работы, как тренинги, дебаты (дискуссии), круглые столы, фестивали и др.

Проведение тренингов и дискуссий способствует развитию таких качеств, как терпимость и уважение к участникам. Задачи этих форм работы заключаются в следующем:

- 1) ознакомление участников с понятиями толерантности, критериями и функциями толерантности;
- 2) осознание причин и последствий проблем, возникающих в результате взаимодействия человека с представителями других культур;
- 3) учет последствий нетерпимости между народами и культурами;
- 4) развитие навыков и установок, необходимых для успешного взаимодействия с представителями различных культур;
- 5) поддержание позитивной самооценки и позитивной этнической идентификации среди участников;
- 6) поощрение уважения к истории, языку, традициям и религии других народов и т.д. (Мурашева, 2019)

В межэтнических конфликтах присутствует не только неадекватное отражение действительности, но и элементы иррационального, стихийного поворота событий. Поэтому необходимым условием предупреждения межэтнических конфликтов должен быть учет состояния массового сознания, существующих представлений о проблемах в сфере межэтнических отношений, реальных ожиданий масс, их ориентации на традиции и правила поведения.

Выводы

Таким образом, предотвращение межэтнических конфликтов является жизненно важным условием существования любого многонационального общества. Противоречивые межэтнические отношения, характер и тенденции их развития всегда негативно влияют на основные процессы социально-экономического, культурного и политического развития любого государства. Они не только задержива-

¹ О Стратегии государственной национальной политики Орловской области...

ют общественное развитие, но и могут менять его направление, создавать новые негативные тенденции, т.е. закладывать фундамент для конфликтов у будущих поколений.

Межэтническая напряженность и конфликты порождаются не самим фактом существования этносов, а рядом условий и обстоятельств, в которых они живут и развиваются. Это прежде всего преобладание негативного мнения, стереотипных установок о лицах, принадлежащих к отличным от русского этносам, стремительно растущее отчуждение народов, этнофобии и ксенофобии как следствия исторических причин, несправедливость административно-территориальной иерархии народов и др. Поэтому в качестве приоритетной задачи в Концепции государственной национальной политики Российской Федерации должна быть обозначена консолидация общества для решения общенациональных проблем и вызовов.

Установление сотрудничества между федеральными, областными, местными органами власти и этническими общественными объединениями (диаспорами) областного уровня — это наиболее действенный метод предупреждения возникновения локальных межэтнических конфликтов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бедрик А.В. Этнические риски адаптации мигрантов в современном российском обществе. Известия Южного федерального университета. Педагогические науки, 2011, No. 1, 143–148.

Бородкин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание: конфликт! Новосибирск: Наука, 1989.

Бузовский И. Социальная напряженность и тревожность в контексте диагностики общественных конфликтов. Социология: теория, методы, маркетинг, 2008, No. 3, 169–176.

Васильев Н.Н. Тренинг преодоления конфликтов: управление эмоциями, стратегии поведения в конфликте, уверенное поведение на переговорах. СПб.: Речь, 2002.

Вишнякова Н.Ф. Конфликтология: учебное пособие для слушателей системы повышения квалификации работников образования. Минск: Университетское, 2002.

Грачев А.В., Овчинникова Т.М. Структурная модель межэтнического конфликта: проблема формализации. Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2018, 1(18), 56–59.

Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология: учебное пособие для студентов университетов и педагогических вузов. Ростов-на-Дону: ЦББВ, 2000.

Джунусов М.С. О мере своеобразия национальных культур, 2002, 125–128, URL: <http://ecsosman.hse.ru/data/053/913/1217/015.JOUNOUSSOV.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).

Зорин В. Российская Федерация: проблемы формирования культуры межнационального общения. В кн.: Формирование культуры межнационального общения на Дону: Опыт и проблемы. Ростов-на-Дону, 2002. С. 56–59.

Иванов В. Межнациональная напряженность в региональном аспекте. Социологические исследования, 1993, No. 7, 120–124.

Кубякин Е.О. Социально-структурные предпосылки межэтнической напряженности: дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2005.

Мурашева С.В. Проблемы организации бесконфликтной межличностной коммуникации в поликультурной образовательной среде вуза. В кн.: Шаг в науку: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Махачкала: Алеф, 2019. С. 631–636.

Мурашева С.В. Этноконфликтология (теоретико-методологические аспекты): учебное пособие. Орел: ОГУ, 2015.

Савельев А. Этнополитика: От теории к практике. Вестник аналитика, 2011, No. 6, 5–12.

Степанов Е. Социальные и межнациональные конфликты. Проблемы экспертного мониторинга. Национальная электронная библиотека, 1998.

REFERENCES

Bedrik, A.V. (2011). Etnicheskie riski adaptacii migrantov v sovremennom rossijskom obshchestve [Ethnic risks of migrants' adaptation in contemporary Russian society]. *Izvestiya yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki* [News bulletin of southern Federal University. Pedagogical science], No. 1, 143–148.

Borodkin, F.M., Koryak, N.M. (1989). *Vnimanie: konflikt!* [Attention: conflict!]. Novosibirsk: Nauka.

Buzovskij, I. (2008). Social'naya napryazhennost' i trevozhnost' v kontekste diagnostiki obshchestvennykh konfliktov [Social tension and anxiety in the context of diagnostic of societal conflicts]. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology : theory, methods, marketing], No. 3, 169–176.

Vasil'ev, N.N. (2002). *Trening preodoleniya konfliktov: upravlenie emociyami, strategii povedeniya v konflikte, uverennoe povedenie na peregovorah* [Conflict overcoming training: emotion management, conflict strategies, confident negotiation]. SPb.: Rech'.

Vishnyakova, N.F. (2002). *Konfliktologiya: uchebnoe posobie dlya slushatelej sistemy povysheniya kvalifikacii rabotnikov obrazovaniya* [Conflictology: a textbook for students of the system of advanced training of educational workers]. Minsk: Universitetskoe.

Grachev, A.V., Ovchinnikova, T.M. (2018). Strukturnaya model' mezhetnicheskogo konflikta: problema formalizacii [Structural model of interethnic conflict: the problem of formalization]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities research], 1(18), 56–59.

Denisova, G.S., Radovel', M.R. (2000). *Etnosociologiya: uchebnoe posobie dlya studentov universitetov i pedagogicheskikh vuzov* [Ethnosociology: a textbook for university students and pedagogical universities]. Rostov-na-Donu: CVVR.

Dzhunusov, M.S. (2002). *O mere svoeobraziya nacional'nyh kul'tur* [About the measure

of the originality of national cultures], 125–128. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/053/913/1217/015.JOUNOUSSOV.pdf> (data obrashcheniya: 29.10.2020).

Zorin, V. (2002). Rossijskaya Federaciya: problemy formirovaniya kul'tury mezhnacional'nogo obshcheniya [Russian Federation: problems of forming a culture of interethnic communication]. In: *Formirovanie kul'tury mezhnacional'nogo obshcheniya na Donu: Opyt i problem* [Formation of a culture of interethnic communication in the Don: Experience and problems] (pp. 56–59). Rostov-na-Donu.

Ivanov, V. (1993). Mezhnacional'naya napryazhennost' v regional'nom aspekte [Interethnic tensions in the regional aspect]. *Sociologicheskie issledovaniya*, No. 7, 120–124.

Kubyakin, E.O. (2005). *Social'no-strukturnye predposylki mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Socio-structural prerequisites for interethnic tension] (PhD Thesis). Novocherkassk.

Murasheva, S.V. (2019). Problemy organizacii beskonfliktnoj mezhlichnostnoj kommunikacii v polikul'turnoj obrazovatel'noj srede vuza [Problems of the organization of conflict-free interpersonal communication in the multicultural educational environment of the university]. In: *Shag v nauku: sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Step into Science: Collection of Materials of the II International Scientific and Practical Conference]. Mahachkala: Alef. pp. 631–636.

Murasheva, S.V. (2015). *Etnokonfliktologiya (teoretiko-metodologicheskie aspekty): uchebnoe posobie* [Ethno-conflictology (theoretical and methodological aspects): textbook]. Orel: OGU.

Savel'ev, A. (2011). Etnopolitika: Ot teorii k praktike [Ethnopolitics: From Theory to Practice]. *Vestnik analitika*, No. 6, 5–12.

Stepanov, E. (1998). *Social'nye i mezhnacional'nye konflikty. Problemy ekspertnogo monitoringa. Nacional'naya elektronnyaya biblioteka* [Social and interethnic conflicts. Expert monitoring problems. National Electronic Library].

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

УДК 340.12

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ОДНА ИЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В XX И XXI ВВ.: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ Л.Н. ГУМИЛЕВА И В.В. КОЖИНОВА¹

Е.А. Куликов

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: kulikoveg@yandex.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-04

Нестабильность обстановки на евразийском пространстве, возобновившиеся конфликты в Закавказье, политические события в Белоруссии и отдельных городах России, с одной стороны, и продолжающиеся развиваться на постсоветском пространстве интеграционные процессы между близкими по исторической памяти и национально-культурным ценностям государствами и народами — с другой, определяют актуальность вопроса об идеологической безопасности России, а также об идеологическом обеспечении названных интеграционных процессов. Политико-правовое учение евразийства обосновывает неизбежность общей судьбы народов, населяющих терри-

¹ Исследование выполнено при поддержке фонда грантов Президента РФ для молодых российских ученых — кандидатов наук. Проект № МК-483.2020.6 «Евразийская альтернатива государственно-правового развития России: генезис, содержание, современное прочтение».

торию бывшей Российской империи и СССР, определяет основания для мирного сосуществования этих народов, а также их взаимодействия, с различных сторон и позиций. В настоящей статье исследуются политико-правовые взгляды поздних представителей евразийства — Л.Н. Гумилева и В.В. Кожинова. Используется метод работы с первоисточниками, сравнительный метод, исторический метод, отчасти метод восхождения от конкретного к абстрактному. Делается вывод о том, что названные мыслители разрабатывают в своих трудах цивилизационный подход к истории, обществу, государству, а также определяют идеологические основания народного единства на территории России-Евразии. Стоит отметить, что, несмотря на обширную библиографию исследований евразийства в правовой науке, труды В.В. Кожинова и Л.Н. Гумилева крайне редко затронуты вниманием ученых. Между тем Л.Н. Гумилев вывел цивилизационный подход на уровень научной теории этногенеза, подробно разработал понятие пассионарности, а В.В. Кожинов является крупнейшим историком России XX в. и предлагает взвешенный и разумный подход к данному периоду развития нашей страны.

Ключевые слова: евразийство, идеологическая безопасность, пассионарность, этногенез, цивилизационный подход, культурная обусловленность, идентичность

EURASISM AS ONE OF THE IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF RUSSIA'S SECURITY IN THE XX AND XXI CENTURIES: POLITICAL AND LEGAL VIEWS L.N. GUMILYOV AND V.V. KOZHINOV

E.A. Kulikov

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: kulikoveg@yandex.ru*

The instability of the situation in the Eurasian space, renewed conflicts in the Transcaucasus, political events in Belarus and individual cities of Russia, on the one hand, and the ongoing integration processes in the post-Soviet space between states and peoples that are close in historical memory and national-cultural values, on the other, — determine the relevance of the issue of the ideological security of Russia, as well as the ideological support of these integration processes. The political and legal doctrine of Eurasianism substantiates the inevitability of the common fate of the peoples inhabiting the territory of the former Russian Empire and the USSR, determines the grounds for the peaceful coexistence of these peoples, as well as their interaction, from various sides and positions. This article examines the political and legal views of the later representatives of Eurasianism — L.N. Gumilyov and V.V. Kozhinov. The method of working with primary sources, the comparative method, the historical method, partly the method of ascent from the concrete to

the abstract is used. It is concluded that the named thinkers develop in their works a civilizational approach to history, society, the state, and also determine the ideological foundations of national unity on the territory of Russia-Eurasia. It should be noted that despite the extensive bibliography of studies of Eurasianism in legal science, the works of V.V. Kozhinov and L.N. Gumilyov are rarely touched upon by scientists. Meanwhile, L.N. Gumilev brought the civilizational approach to the level of the scientific theory of ethnogenesis, developed in detail the concept of passionarity, and V.V. Kozhinov is the largest Russian historian of the XX century and offers a balanced and reasonable approach to this period of development of our country.

Key words: *Eurasianism, ideological security, passionarity, ethnogenesis, civilizational approach, cultural conditioning, identity*

Введение

Взгляды представителей учения евразийства как в целом (Иванов, 2007), так и отдельных мыслителей (Борщ, 2015), довольно обстоятельно изучены в рамках истории политических и правовых учений. Однако до сих пор не изучены многие аспекты «классического» евразийства, тем более белым пятном практически остается «неоевразийство», которое на самом деле представляет собой не перерождение или модификацию евразийства, а продолжение и развитие его идей в несколько более поздний период, практически в наши дни. Не изучены, например, совершенно у юристов взгляды В.В. Кожинова, или Л.Н. Гумилева, лишь отчасти рассматриваются труды А.С. Панарина. Между тем именно эти мыслители высказывают идеи, что называется, «на злобу дня», которые легко можно воспринимать и интерпретировать ввиду их временной близости, речь идет практически об одном поколении (период 90-х гг. XX в. и 2000-х гг. — XXI в.). Сказанное обуславливает актуальность обращения к трудам названных учеников евразийства, в том числе в свете идеологической безопасности России в начале нового столетия.

Политико-правовое учение евразийства необходимо рассматривать на сегодняшний день с учетом двоякого рода обстоятельств. Во-первых, если вести речь о классическом евразийстве (Назмутдинов, 2017: 66–108), о трудах таких мыслителей, как Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Г.В. Вернадский и Н.Н. Алексеев, то это явление истории политико-правовой мысли, занимавшее определенный отрезок ее развития в 1920–1930-х гг. и прекратившее в целом свое существование к началу Второй мировой войны. После же войны представители классического евразийства, ее пережившие, уже не составляли единого движения. Однако, во-вторых, классическое евразийство имело своих учеников и последователей, прежде всего в лице Л.Н. Гумилева, В.В. Кожинова, Ю.Н. Рериха, А.С. Панарина и некоторых других мыслителей второй половины XX в., некоторые из них дожили до начала 2000-х гг. Последователи «классического» евразийства развивают многие идеи своих учителей (как это будет показано в настоящем исследовании), а в некоторых вопросах идут гораздо дальше, поскольку рассматривают не только постреволюционную Советскую Россию, но и СССР послевоенных лет и даже позд-

несоветский период, время перестройки и крушения советской системы. В этой части евразийство уже нельзя трактовать исключительно как историческое явление, это вполне живое и действующее учение, во многом актуальное для современных российских реалий, в частности интеграционных процессов на постсоветском пространстве (Назмутдинов, 2017: 8).

Поскольку в лице учеников и последователей «классического» евразийства мы наблюдаем современное направление политико-правовой мысли, то в их трудах мы можем найти высказывания и мысли, имеющие отношение к идеологическим основаниям национальной безопасности России на современном этапе ее развития. Вот, например, А.С. Панарин в работе «Православная цивилизация в глобальном мире» пишет: «Вопрос о цивилизационной идентичности России, о ее праве быть не похожей на Запад, иметь собственное призвание, судьбу и традицию на наших глазах превращается в вопрос о нашем праве на существование вообще, о национальном бытии как таковом» (Панарин, 2014: 42). Исходя из этого любая политико-правовая доктрина, аргументирующая российскую самобытность, уникальность исторического пути России, выступает одним из оснований идеологического фундамента национальной безопасности. В этом смысле, а также в свете принятых в 2020 г. поправок (можно сказать даже, новой редакции) в Конституцию РФ особую важность приобретает вопрос восприятия, интерпретации и преподнесения истории России, в особенности истории XX в. Немалый вклад в адекватное восприятие этой истории, во взвешенное и уважительное ее понимание внесли ученики и последователи «классического» евразийства Л.Н. Гумилев и В.В. Кожинов, о которых речь пойдет далее. Нужно также упомянуть о еще одном выдающемся исследователе новейшей истории России — С.Г. Кара-Мурзе, который, не будучи евразийцем, так сказать, «официально», по многим вопросам высказывал созвучные, в частности с В.В. Кожиновым, идеи, всегда уважительно отзываясь об этом мыслителе. Учитывая весьма своеобразный характер работ С.Г. Кара-Мурзы, часть которых направлена как раз на обеспечение идеологической безопасности (Кара-Мурза, 2012: 216–254), можно с уверенностью сказать, что и труды В.В. Кожинова напрямую касаются этих вопросов. Евразийство второй половины XX — начала XXI в. и не могло, будучи глубоко патриотической в тесном смысле слова концепцией, не затрагивать вопросов национальной безопасности на уровне идеологии.

Евразийство Л.Н. Гумилева

Среди учеников «классического» евразийства есть очень примечательная фигура — Л.Н. Гумилев, исследователь кочевых народов Евразии, их взаимоотношений с Русью, истории России, этногенеза, развития этносов, автор термина «пассионарность» и др. Если среди историков, этнографов, географов и философов фигура Л.Н. Гумилева весьма заметна, то в правоведении, в его историко-юридическом сегменте она практически не исследовалась, как и В.В. Кожинов, А.С. Панарин, Ю.Н. Рерих и другие поздние евразийцы. Между тем, изучая труды мыслителя, можно обнаружить и политико-правовые мотивы, особенно в работах, попавших в недавно вышедший сборник «Все нам завещана Россия» (Гумилев, 2012: 137–170). Л.Н. Гумилев не мог не коснуться государственно-правовых вопросов устройства России:

«Знаю одно и скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» (Гумилев, 2012: 326). Именно такую фразу сказал в завершение одного из интервью в 1992 г. Л.Н. Гумилев. Необходимо согласиться с данным высказыванием. Третий путь, путь евразийский, тяготеющий к Востоку, и по сей день вызывает непонимание и пренебрежительное отношение у западников-либералов, и откровенное неприятие у неотрадиционалистов, неоконсерваторов, неославянофилов. К сожалению, аргументированное и исторически обоснованное, но при этом не вписывающееся в привычные рамки мировоззрение всегда пугает и инстинктивно отталкивает. Но только этот путь этнографического и культурного синтеза с уважением права каждой культуры на собственное развитие выступает альтернативой традиционным «западническому» и «почвенническому» направлениям политико-правовой мысли.

Цельной и обособленной от других трудов политико-правовой концепции мы у Л.Н. Гумилева не найдем, он и сам во многих своих выступлениях и интервью говорил не раз, что не является политиком и не может компетентно ответить на тот или иной политический вопрос. Но его теория этногенеза, изыскания по этнографии в целом вполне могут выступить важнейшим инструментом по выстраиванию государственно-правового регулирования межнациональных отношений, в особенности в России, где такая разнообразная этническая карта. В частности, она может стать основой для научного познания межнациональных отношений, определения основных направлений развития толерантности, противодействия идеологии экстремизма, сепаратистским настроениям, воспитания в духе супернационального всеединства, мирного сосуществования различных этносов на одной территории, взаимодействие и взаимопомощь которых имеет глубокие исторические корни.

Прежде всего, теория этногенеза, разработанная Л.Н. Гумилевым, обосновывает необходимость признания абсолютной самобытности каждого этноса, и вытекающего отсюда права на самостоятельное культурное развитие. Н.А. Бердяев говорил, что царство Кесаря заканчивается там, где начинается граница духовного мира человека (Бердяев, 2006: 54), Н.Н. Алексеев предостерегал от идеологического (даже под фасадом традиционной религии России) диктата (Алексеев, 2003: 85), Л.Н. Гумилев указывает на то, что крайне неправильно одному народу навязывать образ жизни, характерный для другого народа, и уж тем более нельзя сюда примешивать государство и право с их механизмами принуждения и угнетения. Россия потому и стояла несколько сотен лет как многонациональное государство практически без этнических конфликтов, что русский этнос не пытался русифицировать другие этносы, что не пытался их «просвещать».

Вторая важная мысль, красной нитью идущая через труды Л.Н. Гумилева, — это недопущение унижения какого-либо этноса по вымышленным или надуманным историческим фактам, недопущение обвинения и дискредитации этого этноса. Межэтнические конфликты будут всегда, главное, чтобы из этого не вытекала, говоря современным языком, «экстремистская программа», т.е. разжигание ненависти по отношению к тому или иному этносу. Вслед за классическими евразийцами

Л.Н. Гумилев утверждает, что у России всегда было много врагов, но она умела находить и друзей, оказывавших ей неоценимую помощь.

В-третьих, иногда — неявно, иногда — вполне открыто Л.Н. Гумилев выступает противником западничества. В работе «От Руси к России» (Гумилев, 2012), содержащей оригинальную философию истории, он постоянно акцентирует внимание на неудачах западнической партии, когда последняя приходила к власти, на откровенно игнорирующей национальные интересы политике такой партии, следствием чего являлось и неприятие такой политики народом. Первым западником выступал, по мнению Л.Н. Гумилева, Великий киевский князь Святополк Владимирович, брат Ярослава Мудрого, который прибегал к помощи поляков, его линию продолжал Изяслав Ярославович, и ни тот ни другой не пользовались популярностью в народе за «склонность к латинству», т.е. к католичеству. Отсюда следует вполне закономерный вывод: противодействие западничества и почвенничества носит в России исторически обусловленный характер и восходит еще ко времени Киевской Руси. Наряду с ними в тот период имелась еще и провизантийская партия, которая после окончательного поражения западничества в Киевской Руси заняла его место.

Четвертая характерная черта взглядов Л.Н. Гумилева наиболее очевидна — он является мыслителем евразийского направления, причем с акцентом на «азиатство», на исключительно восточный вектор и ориентиры правовой политики. Сам характер большинства его конкретно-исторических трудов говорит об этом: значительная их часть посвящена восточным народам — народам Великой степи и их взаимоотношениям с Русью. Надо сказать, что эта точка зрения находит понимание и среди современных правоведов. Так, Т.В. Кашанина, исследуя особенности возникновения российского государства, практически следует логике Л.Н. Гумилева, не считая, вслед за ним, что Московское государство выступало преемником Киевского, соглашаясь с его позицией о полной гибели государственности Киевской Руси, подчеркивает также значительное влияние на формировавшуюся Московскую Русь монгольского фактора (Кашанина, 2009).

В-пятых, Л.Н. Гумилев взвешенно относится к православию как идейной силе, выступавшей единственным связующим средством жителей распавшейся после увядания пассионарности Киевской Руси и ставшей новой объединяющей силой на стадии становления Руси Московской. Именно православие, а не этническая принадлежность, стало тем критерием, который отграничивал «своих» от «чужих» на стадии становления нового суперэтноса. Этим позиция Гумилева сближается и с позицией Н.Н. Алексева, который, поднимая и обосновывая концепт евразийского синтеза, активно опирается на христианское православное учение, особенно при построении своей философии права (Алексеев, 1999: 100–104). Развивая изображение становления новой Руси, Л.Н. Гумилев отмечает также, что православие в традиции исихазма (далеко не самой, конечно, положительной) выступило в роли ключевого фактора в становлении национального самосознания и стимулировало пассионарность.

Связано с теорией пассионарности и предлагаемое Л.Н. Гумилевым решение вопроса о том, почему же именно Москва стала объединительным центром новой

Руси-России. Наряду с религиозным фактором гибкая и терпимая политика московских князей, в частности Ивана Калиты, привлекала пассионариев из разных сопредельных государств. Благоприятная среда Московского княжества стала прибежищем для субъектов, пополнивших ряды «служилых людей», составивших основную опору князей этого княжества.

Этот анализ эволюции русского государства в двух его последовательных формах («суперэтносах») Л.Н. Гумилев осуществляет с помощью разработанной им теории пассионарности. «Пассионарность — это стремление действовать без всякой видимой цели или с целью иллюзорной. Иногда эта иллюзорная цель оказывается полезной, но чаще бесполезной, но пассионарий не может не действовать. Это касается не только одного человека, но группы людей» (Гумилев, 2010: 11). Получается, что пассионарность — это явление метафизического характера, имеющее, однако, вполне физические, осязаемые последствия. Об этом также свидетельствует пояснение Л.Н. Гумилева относительно такого выявленного им феномена, как «пассионарный толчок». «Собственно говоря, пассионарный толчок — это появление в определенном регионе какого-то количества пассионариев, то есть людей, стремящихся сделать больше, чем нужно для поддержания жизни своей и своего потомства. Причем им безразлично, принесет это пользу или вред. Они хотят действовать, то есть у них есть избыток энергии» (Гумилев, 2010: 16).

Думается, что концепция Л.Н. Гумилева имеет все основания считаться еще одним вариантом цивилизационного подхода к типологии государств и обществ по ряду вполне веских причин. Первая причина — опять же от противного: Л.Н. Гумилев во главу угла при типологии ставит не экономику, а ряд других факторов, как правило, культурологического содержания. Этнос — это не социальный феномен, по мнению мыслителя, а элемент биоорганического мира планеты (биосферы Земли), он представляет собой коллектив индивидов, противопоставляющих себя другим индивидам по принципу «мы — они». Причем критериями для этого противопоставления выступают различные факторы: общность языка, культуры, религии, государственной принадлежности и т.п. Вторая причина не менее важна: Л.Н. Гумилев выделяет в развитии любого этноса ряд фаз (шесть), старт которым дает пассионарный космический толчок: 1) фаза подъема, которая наступает после пассионарного толчка и характеризуется резким увеличением числа пассионариев, ростом всех видов деятельности, борьбой с соседями за место под солнцем; 2) акматическая фаза, когда пассионарное напряжение наивысшее, а пассионарии стремятся к максимальному самовыражению, пассионарии сталкиваются друг с другом, конфликты, обостряясь, выливаются в вооруженное противоборство, в результате чего происходит огромное рассеяние энергии и вместе с тем взаимное истребление пассионариев, ведущее к «выбросу» лишней пассионарности и восстановлению в обществе видимого равновесия; 3) фаза надлома, когда количество пассионариев резко сокращается при одновременном увеличении пассивной части населения (мещан — субпассионариев, это Л.Н. Гумилев очень наглядно показывает на примере периода так называемой феодальной раздробленности в Киевской Руси, и именно на этой стадии, по мнению Льва Гумилева, находилась Россия конца XX в.);

4) инерционная фаза, когда напряжение продолжает падать, но уже не скачками, а плавным образом, этнос в этот период пребывает в мирном развитии, происходит укрепление государственной власти и основных социальных институтов; 5) фаза обскурации, при которой пассионарное напряжение возвращается на первоначальный уровень, в этносе преобладают субпассионарии, постепенно разлагающие общество: узаконивается коррупция, распространяется преступность, армия теряет боеспособность; 6) мемориальная фаза, когда от бывшего величия остаются только воспоминания (Гумилев, 2010: 99–103).

Главное значение этой конструкции заключается в том, что она может объяснить, описать те процессы в государственной организации, которые происходят с тем или иным этносом. Объясняют они, например, почему так мало общего у государственного устройства исторически близких образований — Киевской Руси и Московской Руси-России. Применимы они и к другим этносам. Итак, подчеркнем альтернативный характер евразийской концепции Л.Н. Гумилева, в чем он является последователем своих учителей П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского, а если говорить шире — то и Н.Н. Алексеева и Н.С. Трубецкого. Евразийство — поворот лицом к своей собственной уникальной и неповторимой истории — поворот, подробно подкрепленный историко-географическими, этнографическими и культурными изысканиями, который может выступить серьезной альтернативой либерально-глобалистической модели миропереустройства. Евразийство не просто само по себе противостоит «атлантизму», оно описывает совершенно иной тип устройства, ориентированный не на морской фактор, не на водные, а на сухопутные пути сообщения, что подробно описывается, например, П.Н. Савицким (Савицкий, 2016: 166–193). И в этом смысле оно выступает реальной основой построения собственной национально-культурной идентичности России. Вклад Л.Н. Гумилева состоит в том, что он не просто опирается на цивилизационный подход, а подкрепляет его обстоятельным этнографическим материалом, а также создает полноценную теорию этногенеза. Изучение же этногенеза позволит снять многие межэтнические противоречия, приводящие к конфликтам, и развить атмосферу сотрудничества и взаимной терпимости.

Россия как цивилизация и культура в воззрениях В.В. Кожина

Л.Н. Гумилев в минимальной степени касается политических вопросов, обходит вниманием он и историю России XX в., высказываясь по поводу возможных проходимых ею фаз лишь отчасти в отдельных выступлениях. Между тем именно этот век следует считать переломным для истории России и ее современного развития. И именно новейшая история России в силу ее относительно недавнего характера крайне сложна для изучения и интерпретации. Трудно найти среди трудов историков России XX в. более взвешенного и сдержанного, но вместе с тем адекватного и объективного взгляда на революцию 1917 г. и советский строй, чем демонстрирует в фундаментальной работе «Россия. Век XX» ученик и последователь классического евразийства В.В. Кожин. Для его исследования, как и для работы С.Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация», характерно не просто описание исторических фактов того или иного периода, а имплементация автобиографических сведений, которыми автор подтверждает те или иные суждения.

Вот, например, как В.В. Кожин описывает 1930-е гг. (по сути своей — уникальная фиксация собственных личных наблюдений, поскольку он был очевидцем этих событий): «Многие противники той смены курса, которая свершалась с середины 1930-х, начиная с высланного из СССР Троцкого — не без оснований, квалифицировали ее как „контрреволюцию“ или „реставрацию“. И, скорее, осуществленное в 1935 году восстановление дореволюционных — „царских“ — воинских званий нельзя понять иначе. Вот, казалось бы, мелочь, но, если вдуматься, многозначительная. В том же 1935 году было официально утверждено „восстановление“ рождественских (хотя они назывались теперь „новогодними“) елок. Ясно помню, с каким восторгом я участвовал в наряжении елки сохраненными бабушкой дореволюционными украшениями — в том числе религиозного характера (правда, вернувшийся вечером с работы отец снял их с елки). С середины 1930-х годов было осуществлено немало вполне позитивных изменений в жизни страны — начиная от положения крестьян (в частности, „реабилитации“ большинства „кулаков“) и кончая восстановлением доброго имени великих исторических деятелей России (особенно далекого прошлого), которых ранее, в сущности, проклинали. С восхищением смотрел я вместе с преобладающим большинством населения страны появившиеся одна за другой киноэпопеи об Александре Невском, Минине и Пожарском, Петре I, Суворове...» (Кожин, 2011: 23). Здесь наглядно можно проследить, как опирается В.В. Кожин на евразийский методологический подход к отечественной истории — подход взвешенных оценок и разумных суждений, выявления многозначности и многослойности исторических процессов. Констатирует мыслитель и особенности хода русской революции, которая в 1930-е гг. сходит на нет, и в преддверии надвигающейся великой войны, и в целом, в силу естественно-исторических процессов. Описываемый В.В. Кожин поворот во внутренней политике СССР, проявившийся в том числе в таких, на первый взгляд, незначительных деталях, свидетельствует о том внимании, которое уделялось идеологической, духовной безопасности страны (наряду с военной — начиналось перевооружение РККА, обновление командного состава, устранение наиболее «отличившихся» в эпоху революционного террора и т.п.) в преддверии Второй мировой войны.

А вот не менее любопытное обобщение В.В. Кожина относительно «дворовой» жизни дома, где он вырос. «Во дворе жили очень разные люди: старый большевик-инвалид Ягунов, на его окне красной краской было написано „Интернационал“ и „СССР“, вдова царского генерала, железнодорожный машинист, носивший почетный значок, и известный всем как вор Витька Волков, побывавший в тюрьме. Тем не менее, все были свои. Большевик не обличал генеральшу, а вор крал в других дворах. И каждый готов был посылно помочь соседям. Словом, существовал определенный лад и уют общей жизни, что, без сомнения, благотворно влияло на детей. Ныне живущие в отдельных квартирах москвичи (и не только москвичи. — Е.К.) подчас почти ничего не знают даже о своих соседях по лестничной площадке. Я вовсе не имею намерения как-то идеализировать дворовой мир 1930-х годов; хотя бы тот факт, что жизнь шла на виду у всех, что не каждому было по душе — особенно людям с развитым личностным сознанием. И едва ли теперешние москви-

чи — в том числе и я сам! — пожелали бы вернуться в тот давний мир. Но все же была в нем своя безусловная ценность, и, помимо прочего, он имел связь с многовековой традицией российской общинности. Дети, выроставшие в „общине“ двора, легко и естественно вливались в школьный класс и, далее, в трудовой коллектив или армейское подразделение. Известно, что безобразное явление так называемой дедовщины в армии возникло сравнительно недавно; юноши, чья жизнь начиналась в дворовой „семье“, не могли творить нечто подобное» (Кожин, 2011: 24–25). Как видим, В.В. Кожин не только улавливает сохранявшиеся в постреволюционный период общинные начала даже в городской жизни, но и находит в них определенную значимость и ценность. Надо сказать, что кардинально облик Советской России по сравнению с Россией дореволюционной стал меняться только после Великой Отечественной войны, когда она превратилась в действительно урбанизированную западную цивилизацию. Насколько традиционный характер довоенного общества укреплял его монолитность, и можно было действительно говорить о пресловутых «духовных скрепах», настолько разъединяет людей городская, урбанистская культура. Кстати, этот момент очень ярко показал писатель Э.М. Ремарк в романе «Тени в раю», описывая впечатления главного героя от Нью-Йорка, когда впервые он его увидел в 1944 г. с высоты пятнадцатого этажа. «Я прислушался к незатихающему уличному шуму и следил за длинным рядом светофоров на Второй авеню, свет в которых автоматически переключался с зеленого на красный, а потом снова на зеленый. В регулярности этого переключения было что-то успокаивающее и вместе с тем бесчеловечное; казалось, этим городом управляют роботы. Впрочем, мысль о роботах меня не пугала» (Ремарк, 2015: 301–302). И в первом, и во втором высказывании показан двоякий характер городской культуры: она и успокаивает, и отдает бесчеловечностью, механизмом.

Показательно также для взглядов В.В. Кожина высказывание по поводу Ивана Грозного. «Сокрушительные проклятия по адресу Ивана Грозного начались при его жизни и продолжают до нашего времени. И их невозможно и ни в коем случае не следует прекращать — иначе мы перестанем быть русскими. Но вместе с тем необходимо все же глубоко и основательно понять, что дело вовсе не в некоей исключительности, некоем „превосходстве“ русского зла над мировым злом, а, если угодно, в исключительности русского отношения к своему, русскому злу... Нам следует в конечном счете не сгорать от стыда за то, что у нас был Иван Грозный (ибо он далеко „отстал“ в сеянии зла от своих испанских, французских, английских современников), а с полным правом гордиться тем, что мы, русские, вот уже четыреста с лишним лет никак не можем примириться со злом этого своего царя...» (Кожин, 2011: 95). Стоит сказать, что ранее созвучные по концептуальному смыслу (о завышенных требованиях к собственной истории, собственным действиям и своим правителям) уже высказывались и Н.Я. Данилевским (Данилевский, 2011: 32–69), и Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя» (Достоевский, 2007: 304–319).

Обратимся к евразийским взглядам В.В. Кожина. «Россия, подобно Византии, сложилась и как евразийское, и как идеократическое государство. В евразийстве Руси-России нередко видят следствие ее долгого пребывания в составе Монголь-

ской империи. Однако в действительности эта пора была закреплением и углублением уже давно присущего Руси качества... в становлении государственности Руси, согласно летописи, вместе со славянами равноправно участвуют „уральские“ (финно-угорские) племена... Да, еще задолго до монгольского нашествия существует и постоянно возрастает „азиатский компонент“ русской истории. Это, в частности, ясно выразилось в династических браках, имевших прямое и непосредственное государственное значение... Правда, глубокий смысл заключен не в самих по себе подобных брачных союзах; они — только одно из наглядных проявлений русского „евразийства“. Примитивно и в конечном счете просто ложно представление, согласно которому это евразийство толкуется прежде всего и главным образом как взаимодействие русского и, скажем, тюркских народов. Если сказать о сути дела со всей определенностью, русские — эти наследники византийских греков — как бы изначально, по самому своему определению были евразийским народом, способным вступить в органические взаимоотношения и с европейскими, и с азиатскими этносами, которые, — если они действительно включались в магнитное поле Руси-России — и сами обретали евразийские черты. Между тем, в случае их выхода из этого поля они опять должны были в конечном счете стать „чисто“ европейскими или „чисто“ азиатскими народами, русские же не могут не быть народом именно евразийским» (Кожин, 2011: 118). Здесь масса идей, созвучных и с приведенными выше суждениями Л.Н. Гумилева, и со взглядами Н.С. Трубецкого (Трубецкой, 2012: 83–88), демонстрирует и В.В. Кожин в целом характерный для евразийства подход к русской истории.

Далее В.В. Кожин переходит к обстоятельному изучению русской революции 1917 г. с евразийской точки зрения. Нас в рамках настоящего исследования интересует не столько сама характеристика революции, сколько выдвигаемые мыслителем познавательные установки, показывающие методологию исторического познания евразийства на контрасте с другими политико-правовыми доктринами. «Необходимо четко осознать принципиальное различие между задачами, встающими перед нами в отношении современности, настоящего, сегодняшней ситуации в политике, экономике и т.д., и, с другой стороны, теми целями, которые встают при нашем обращении к более или менее отдаленному прошлому, к тому, что уже стало историей. Когда мы имеем дело с современностью, у нас есть возможность (разумеется, именно и только возможность, далеко не всегда осуществляемая) оказать реальное воздействие на ход событий, конечный результат которых пока неизвестен и может оказаться различным. Поэтому, в частности, вполне понятны и уместны наша поддержка той или иной политической силы, представляющейся нам наиболее „позитивной“ и способной победить в развертывающейся сегодня борьбе, а также наше стремление воспринимать действительность с точки зрения этой силы. Однако в прошлом (что вполне понятно) уже ничего нельзя изменить, результат развертывавшейся в нем борьбы известен, и любая попытка ставить вопрос о том, что результат-де мог быть иным, в конечном счете вредит пониманию реального хода истории: мы неизбежно начинаем размышлять не столько о том, что, по нашему мнению, могло совершиться, и „возможность“ в той или иной мере

заслоняет от нас историческую действительность. Это, к сожалению, типично для нынешних сочинений о революции» (Кожин, 2011: 144–145). Данная цитата показывает ранее уже называвшуюся методологическую установку В.В. Кожина на взвешенное, непредвзятое и объективное восприятие истории, на уважительное к ней отношение, а также на освещение исторических процессов безотносительно позиции какой-либо политической силы или движения. История как собрание фактов, а не оценок — главный принцип евразийского понимания в трудах В.В. Кожина. Именно этим принципом руководствуется мыслитель, характеризуя, например, феномен «черносотенных» организаций.

Другое интересное соображение В.В. Кожина, касающееся русской революции 1917 г., созвучно рассуждениям представителя классического евразийства правоведа Н.Н. Алексева в работе «Русский народ и государство». «Словом, российские масоны представляли себе осуществляемый ими переворот как нечто вполне подобное революциям во Франции или Англии, но при этом забывали о поистине уникальной русской свободе — „свободе духа и быта“, о которой постоянно размышлял, в частности, „философ свободы“ Н.А. Бердяев (Бердяев, 2010: 86–87). В западноевропейских странах даже самая высокая степень свободы в политической и экономической деятельности не может привести к роковым разрушительным последствиям, ибо большинство населения ни под каким видом не выйдут за установленные „пределы“ свободы, всегда будут „играть по правилам“. Между тем в России безусловная, ничем не ограниченная свобода сознания и поведения — то есть, говоря точнее, уже, в сущности, не свобода (которая подразумевает определенные границы, рамки „закона“), а собственно российская воля вырывалась на простор чуть ли не при каждом существенном ослаблении государственной власти и порождала неведомые Западу безудержные русские „вольницы“ — болотниковщину (в пору Смутного времени), разинщину, пугачевщину, махновщину, антоновщину и т.п.» (Кожин, 2011: 298–299). Приведем для сравнения высказывание Н.Н. Алексева о русской революции 1917 г. «Что произошло на самом деле в 1917 году? Возобладала: 1) идея вольницы; 2) идея диктатуры; 3) идея социального устройства на началах коммунизма. Возобладало то, что содержалось в идеологии казачества, в идеологии Пересветова, царя Ивана и опричнины, в идеологии сектантского земного рая, построенного на началах рационалистических» (Алексеев, 2003: 114). Евразийство, таким образом, как в классическом варианте, так и в варианте В.В. Кожина вскрывает глубинные, подлинно народные процессы, протекавшие в ходе революции 1917 г., а также указывает на ошибки и недочеты, которые в конце концов привели к этой революции и к разгулу стихии народного бунта, «бессмысленного и беспощадного». Характерно, что никогда не воспринимавшийся в качестве представителя евразийства С.Г. Кара-Мурза высказывает подобные идеи: «В сущности, крестьяне России (особенно в шинелях) потому и поддержали большевиков, что в них единственных была искра власти „не от мира сего“ — власти без родственников, власти страшной и реальной» (Кара-Мурза, 2011: 125).

Наконец, интересно резюме В.В. Кожина по итогам исследования революции 1917 г., на сто процентов носящее евразийский характер и в полном объеме

согласующееся с идеями Н.С. Трубецкого и Н.Н. Алексеева. Он указывает на то, что «государство в России на протяжении веков имело идеократический характер, то есть власть основывалась не на системе законов, как на Западе, а на определенной системе идей; ко времени Революции властвующая идея так или иначе выражалась в известной формуле „православие, самодержавие, народность“, которая еще сохраняла свое значение для людей, отправлявшихся в 1914 году на фронт; но Февральский переворот „отделил“ Церковь от государства, уничтожил самодержавие и выдвинул в качестве образца западноевропейские (а не российские) формы общественного бытия, где властвует не идея, а закон; и победа Октября над Временным правительством и над возглавляемой „людьми Февраля“ Белой армией была неизбежна, в частности, потому, что большевики создавали именно идеократическую государственность, и это в конечном счете соответствовало тысячелетнему историческому пути России» (Кожин, 2011: 381–382). Получается, если следовать гегелевской триаде «тезис — антитезис — синтез», то дореволюционная имперская государственность выступала тезисом, некоей закономерной данностью тысячелетней истории России, Февральская революция, отрицая эту историю, стала антитезисом, а Октябрьская революция, своего рода «иммунный» ответ народа на Февраль — синтезом, отрицающим Февральскую революцию.

Приведем в плане сравнения оценку такого соотношения Н.Н. Алексеевым. «Большевизм привился не потому, что в нем открыта была новая, марксистская правда, но главным образом вследствие старой правды, в большевизме ощущаемой» (Алексеев, 2003: 115). Действительно, если бы большевизм и идущий за ним советский строй не был адекватен чаяниям и народно-государственным идеалам широких слоев населения, то он никогда бы не устоял в пучине Гражданской войны и уж точно в ней бы не выиграл. Что же касается советского строя, то, по мнению Н.Н. Алексеева, «сила его обнаружилась главным образом в том, что он на место непосредственной казачьей демократии поставил своеобразно построенное народное государство, опирающееся на сочетание диктатуры с народным представительством» (Алексеев, 2003: 115). Это и есть тот самый синтез «старых» и «новых» начал, дальнейшую эволюцию которого В.В. Кожин показывает в автобиографических заметках, о которых мы говорили в самом начале.

В статье «О „евразийской“ концепции русского пути» В.В. Кожин высказывает ряд интересных замечаний, которые позволяют завершить общую картину обзора евразийских взглядов мыслителя. «Евразийское понимание пути России подвергалось (и подвергается) критике и с западной, и со славянофильской точек зрения, ибо, несмотря на все их различия, их равно не устраивает идея необходимости, неотъемлемости „азиатского компонента“ в бытии России. В глазах западников все „азиатское“ особенно мешает России стать страной западного типа (что для них является бесспорным и конечным „идеалом“), а для славянофилов „азиатство“ означает искажение или вообще утрату самобытной славянской сущности русского народа» (Кожин, 2012: 204).

«Не исключено, что провозглашение русских единственным „истинно евразийским“ народом кто-либо квалифицирует как националистическую претен-

зию. Однако евразийское существо русских обусловило не только те или иные их „достоинства“, но и — равным образом — „недостатки“, в частности, очевидную „неопределенность“, аморфность и разного рода „комплексы неполноценности“, которые, между прочим, выразились как в русском западничестве, так и в славянофильстве. Постоянные и горячие, подчас приобретают надрывный, почти истерический характер споры о том, „кто такие русские“, не свойственные иным народам (ни англичане, ни японцы, ни армяне, ни узбеки и т.д. нисколько не сомневаются в своей национальной идентичности), говорят сами за себя» (Кожин, 2012: 206). Таким образом, В.В. Кожин подчеркивает адекватность евразийства, его способность к самокритике, способность увидеть не только достоинства и преимущества, но и изъяны и недостатки, и в конце концов делает вывод, с которым трудно не согласиться. «„Превосходство“ евразийской концепции проявляется уже в том, что она не зиждется на „оценочности“ и не ставит истории России „неуды“, а в то же время не превозносит ее ни над Европой, ни над Азией, видя в России-Евразии не нечто „лучшее“ (или „худшее“), но другое» (Кожин, 2012: 209). Это из разряда «лучше и не скажешь», а надо сказать, что и сам В.В. Кожин придерживается именно этих позиций, исследуя историю России XX в.

Выводы

Подводя итог, отметим, что ученики и наследники классического евразийства Л.Н. Гумилев и В.В. Кожин достойно продолжили заложенную их учителями концепцию, каждый своим путем и каждый в своей сфере, придав евразийской теории во многом полностью научно обоснованный характер. Это свидетельствует о жизнеспособности евразийства и возможности учета его достижений при формулировании современной политико-правовой концепции государственно-правового развития России. Л.Н. Гумилев подробно разрабатывает цивилизационный подход к типологии государств и обществ, подводит под него научную этнографическую основу и в то же время для объяснения своей теории этногенеза использует метафизическое понятие пассионарности. В конечном счете ключевая идея не только использованных в настоящей работе, но и других трудов — в уникальности и неповторимости каждого этноса, что исключает всякое превосходство и определяет необходимость взаимодействия и сотрудничества этносов на евразийском пространстве. Повторим уже ранее высказанное суждение Л.Н. Гумилева: Россия может спастись только как евразийская держава и через евразийство, т.е. Россия обречена в силу своей собственной истории на евразийство.

В.В. Кожин подходит к проблеме евразийского пространства также с позиций цивилизационного подхода, но основанного уже не на этнографической, а на духовно-культурологической стороне, и приходит к аналогичным Л.Н. Гумилеву выводам. Он рассматривает уникальный характер России как цивилизации и культуры, выделяет в ней евразийские черты, их влияние на развитие революции 1917 г., а также в целом на историю России XX в. При этом каждое событие, будь то сама революция, черносотенное движение, личность и деятельность И.В. Сталина, освещается как исторический факт, при взвешенном и бережном отношении, мыс-

литель избегает разного рода негативных оценок и обосновывает, почему историю именно так необходимо воспринимать.

Восприятие и интерпретация истории — важная составляющая воспитания молодого поколения, что есть основа национальной безопасности и успешного социального и государственного развития. В трудах Л.Н. Гумилева и В.В. Кожинова представлен евразийский взгляд на историю России как на самоценность, т.е. как на состоявшиеся события, которые мы можем только изложить, описать, но не должны оценивать, поскольку они уже состоялись. Чем бережнее и взвешеннее будет наше отношение к собственной истории, тем большего уважения мы будем заслуживать со стороны других государств и тем более монолитное и цельное общество получим в итоге.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999.

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003.

Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ, 2010.

Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ, 2006.

Борщ И.В. Николай Алексеев как философ права. М.: Юрлитинформ, 2015.

Гумилев Л.Н. Всем нам завещана Россия. М.: Айрис-пресс, 2012.

Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М.: АСТ, 2010.

Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Эксмо, 2012.

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков. М.: Эксмо, 2007.

Иванов А.В. О вечных устоях в последние времена: Философско-публицистические этюды. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010.

Иванов А.В., Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты: Монография. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007.

Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Часть вторая. Курс лекций. М.: Научный эксперт, 2012.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Эксмо 2011.

Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М.: Юрайт, 2009.

Кожин В.В. Россия. Век XX. М.: Эксмо, 2011.

Кожин В.В. Россия как цивилизация и культура. М.: Институт русской цивилизации, 2012.

Назмутдинов Б.В. Законы из-за границы: Политико-правовые аспекты классического евразийства. М.: Норма, 2017.

Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

Ремарк Э.М. Тени в раю. М.: АСТ, 2015.

Савицкий П.Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок). В кн: Исход к Востоку. Философия Евразийства. М.: Добросвет, 2016. С. 166–193.

Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. М.: Эксмо, 2012.

REFERENCES

Alekseev, N.N. (1999). *Osnovy filosofii prava* [Foundations of the philosophy of law]. St. Peterburg: Lanʼ.

Alekseev, N.N. (2003). *Russkij narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraf.

Berdyayev, N.A. (2010). *O rabstve i svobode cheloveka* [About slavery and human freedom]. Moscow: AST.

Berdyayev, N.A. (2006). *Carstvo Duha i carstvo Kesarya. Ekzistencial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar. Existential dialectic of the divine and the human]. Moscow: AST.

Borshch, I.V. (2015). *Nikolaj Alekseev kak filosof prava* [Nikolay Alekseev as a philosopher of law]. Moscow: Yurlitinform.

Gumilev, L.N. (2012). *Vsem nam zaveshchana Rossiya* [Russia bequeathed to all of us]. Moscow: Ajris-press.

Gumilev, L.N. (2010). *Konec i vnov' nachalo* [End and start again] Moscow: AST.

Gumilev, L.N. (2012). *Ot Rusi k Rossii* [From Russia to Russia]. Moscow: Eksmo.

Danilevskij, N.Ya. (2011). *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Institut russoj civilizacii, Blagoslovenie.

Dostoevskij, F.M. (2007). *Dnevnik pisatelya: Kniga ocherkov* [A Writer's Diary: A Book of Essays]. Moscow: Eksmo.

Ivanov, A.V. (2007). *Evraziystvo: klyuchevye idei, cennosti, politicheskie prioritety* [Eurasianism: key ideas, values, political priorities]. Barnaul: Izd-vo AGAU.

Ivanov, A.V. (2010). *O vechnyh ustoyah v poslednie vremena (filosofsko-publicisticheskie etyudy)* [About the eternal foundations in recent times (philosophical and journalistic studies)]. Barnaul: Izd-vo AGAU.

Kara-Murza, S.G. (2012). *Krizisnoe obshchestvovedenie. Chast' vtoraya. Kurs lekcij*. [Crisis social science. Part two. Lecture course]. Moscow: Nauchnyj ekspert.

Kara-Murza, S.G. (2011). *Sovetskaya civilizaciya* [Soviet civilization]. Moscow: Eksmo.

- Kashanina, T.V. (2009). *Proishozhdenie gosudarstva i prava* [Origin of state and law]. Moscow: Yurajt.
- Kozhinov, V.V. (2011). *Rossiya. Vek XX* [Russia. Century XX]. Moscow: Eksmo.
- Kozhinov, V.V. (2012). *Rossiya kak civilizaciya i kul'tura* [Russia as a civilization and culture]. Moscow: Institut russoj civilizacii.
- Nazmutdinov, B.V. (2017). *Zakony iz-za granicy: Politiko-pravovye aspekty klassicheskogo evrazijs'tva* [Laws from Abroad: Political and Legal Aspects of Classical Eurasianism]. Moscow: Norma.
- Panarin, A.S. (2015). *Pravoslavnaya civilizaciya* [Orthodox civilization]. Moscow: Institut russoj civilizacii.
- Remark, E.M. (2015). *Teni v rayu* [Shadows in paradise]. Moscow: AST.
- Savickij, P.N. (2016). Kontinent-okean (Rossiya i mirovoj rynek) [Continent Ocean (Russia and the world market)]. In: *Ishod k Vostoku. Filosofija Evrazijs'tva* [Exodus to the East. Philosophy of Eurasianism] (pp. 166–193). Moscow: Dobrosvet.
- Trubeckoj, N.S. (2012). *Nasledie Chingishana: Vzglyad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka* [Genghis Khan's Legacy: A Look at Russian History, Not from the West, but from the East]. Moscow: Eksmo.

УДК 316.4 : 343.976

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА НАРКОСИТУАЦИИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОСТАТИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ХОДЕ ЕЖЕГОДНОГО МОНИТОРИНГА

В.Е. Шинкевич, Я.Н. Калинин

*Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия,
e-mail: vlashink@yandex.ru, ya_kalinichenko@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-05

Несмотря на то, что в целом по России в последние годы отмечается некоторое снижение напряжения в сфере незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ, проблема употребления психоактивных веществ остается очень серьезной. В статье в соответствии с поставленной целью проанализирована наркоситуация в Алтайском крае на основании изучения статистических данных по госпитализации пациентов в организации Минздрава России с диагнозом «наркомания», уровня наркопреступности, а также объемов изымаемых правоохранительными органами наркотических средств и психотропных веществ из незаконного оборота на территории края. Анализируемый период по основным показателям статистического учета, получаемого в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации, охватывает 2017-2019 гг., что позволяет не только оценить остроту проблемы, но и ее динамику. В целом, процессы в сфере незаконного распространения наркотических средств и психотропных веществ на территории края, во многом повторяют аналогичные процессы, протекающие как в Сибирском федеральном округе, так и в России. Вместе с тем имеются некоторые особенности наркоситуации, как следствие географического положения, демографической ситуации, миграционных процессов, социально-экономической ситуации в Алтайском крае. Использование некоторых данных социологических исследований, как составного элемента ежегодного мониторинга, позволили определить уровень латентности употребления населением наркотиков в немедицинских целях. В статье обращается внимание на значительном преобладании среди наркопотребителей лиц молодого и наиболее трудоспособного возраста, предлагаются некоторые меры, которые могут улучшить наркоситуацию в регионе.

Ключевые слова: *наркоситуация, наркопреступность, наркомания, незаконный оборот, наркотические средства, психотропные вещества, Алтайский край*

STATE AND DYNAMICS OF DRUG SITUATION IN THE ALTAI TERRITORY BY THE RESULTS OF SOCIO-STATISTICAL RESEARCH DURING THE ANNUAL MONITORING

V.E. Shinkevich, Ya.N. Kalinichenko

*Siberian Law Institute of MIA of Russia, Красноярск, Россия,
e-mail: vlashink@yandex.ru, ya_kalinichenko@mail.ru*

Despite the fact that in Russia as a whole a slight detensioning in the sphere of illegal distribution of narcotic drugs and psychotropic substances in recent years has been seen, the problem of the use of psychoactive substances remains really serious. The article analyzes the drug situation in the Алтайский region based on the study of statistical data on hospitalization of patients in the organizations of the Ministry of Health of the Russian Federation diagnosed «with drug addiction», the level of drug crime, as well as the volume of drugs and psychotropic substances seized by law enforcement agencies from illegal trafficking in the Altai territory. The analyzed period, according to the main statistical indicators obtained during the annual monitoring of the drug situation, covers 2017-2019, which makes it possible to assess not only the immediacy of the problem, but also its dynamics. Generally, the processes in the sphere of illegal distribution of narcotic drugs and psychotropic substances in the Altai territory mainly repeat similar processes taking place both in the Siberian Federal District and in Russia. At the same time, there are some peculiar features of the drug situation, as a result of the geographic location, demographic situation, migration processes, and the socio-economic situation in the Altai Territory. The use of some data from sociological studies, as an integral element of the annual monitoring, made it possible to determine the level of latency in drug use by the population for non-medical purposes. The article draws attention to the significant predominance of the youth and people of working age among drug users. The authors suggest some measures that can improve the drug situation in the territory.

Keywords: *drug situation, drug crime, drug addiction, illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances, narcotic drugs, psychotropic substances, the Altai Territory*

Введение

Человек достоин жить, творить, строить свою карьеру, семью, растить детей в безопасной среде — среде, где нет опасности либо она сведена общими усилиями к незначительному влиянию, где четко определены реальные и потенциальные опасности, предусмотрена защита от природных катаклизмов, а в перспективе и от неожиданных пришельцев из бескрайнего космического пространства. Не столько от вземных цивилизаций, сколько от возможного космического мусора, осколков

когда-то существовавших звезд и планет, метеоритов, астероидов и прочих космических объектов, регулярно проносящихся по своим маршрутам вблизи Земли. Человек, общество довольно часто нуждаются в защите от опасностей, которые сами же и актуализировали, как следствие своих непродуманных действий, безответственного отношения к окружающей среде, своему здоровью.

В перечне таких угроз для социума находятся: деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ; массовое распространение таких заболеваний, как наркомания, алкоголизм, а также доступность психоактивных и психотропных веществ для незаконного потребления¹. Данные угрозы, как реальные, так и потенциальные, имеют значительное влияние не только на развитие, но и на существование современного социума (Шекк, 2018), а при неблагоприятных условиях могут привести в самом ближайшем будущем к социальному коллапсу и без активности деструктивной внутренней оппозиции, и без военного вмешательства, и без природных катаклизмов и техногенных катастроф. Это во многом объясняет большой интерес исследователей к проблеме научного осмысления процессов и явлений, протекающих в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ как на федеральном (Воронин, 2008; Баражников, 2017; Шалагин, 2008, Тепляшин, 2017; Позднякова, 2018, Молоков, 2016), так и на региональном уровнях (Комлев, 2010; Тепляшин, Маймай, 2020; Сиротин, Плотникова, 2019; Шинкевич, Коробицина, 2018).

Наркотизация общества, если ей не противодействовать, при попустительстве самого общества и тех институтов, которые призваны обеспечить социальное здоровье нации, может привести к гибели социума за период менее, чем средняя продолжительность жизни одного поколения (Шинкевич и др., 2019).

Есть и другая опасность наркотизации общества, когда на проблемах одних — другие, не отличающиеся высокой нравственностью и безразличные к проблемам общества, здоровью не только других, но и всего социума, зарабатывают громадные деньги, криминализируют общественные отношения. Наркотики стоят денег, за безобидным вроде бы вначале удовлетворением нездорового интереса к познанию еще не непознанного, как правило, события, не связанного с какими-то финансовыми затратами, наступает новый период, когда уже никто не предложит безвозмездно новой дозы для преодоления психологической и тем более физической болезненной зависимости. Актуализируется острая потребность: за дозу, за приобретение необходимых ингредиентов для самостоятельного изготовления психоактивного вещества необходимо платить, и платить деньги немалые и регулярно, ежедневно, чтобы поддержать хоть какое-то психическое, физиологическое равновесие. Наиболее вероятный источник «добычи» денег уже в самом начале поиска недостающих средств наполнен аморальными приемами: вынуждение родственников и друзей материально «поддерживать» болезненную зависимость близких им людей, продажа имеющихся в семье материальных ценностей и т.п. Но и этот

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683.

источник, хотя и аморальный, но открыто не вступающий в противоречие с законодательством, в конце концов иссякает. Причины банальны: либо иссякают материальные возможности семьи, либо происходит разрыв отношений с близкими. Следующий этап — криминальный: поиск средств преступным путем. Чаще всего это кража, обман, подлог, силовой отъем и другие варианты поведения, наказуемого в соответствии со статьями Уголовного кодекса РФ, формирование преступных наркосообществ, активное вовлечение в наркопотребление все новых и новых членов за дополнительную дозу от наркодилеров. Повсеместное распространение и довольно быстрое развитие современных информационных технологий, сопровождаемое их качественными изменениями, «формируют практически безграничные возможности для подготовки, совершения и сокрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков абсолютно новыми способами и средствами» (Шаталов, 2017). И это очевидный факт.

Наркомания как следствие распространения употребления наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях — явление, присущее всем регионам России в большей или меньшей степени. Не является исключением и Алтайский край, где, по мнению экспертов, «наркологическая ситуация, связанная с потреблением наркотических веществ населением Алтайского края, остается значимой проблемой и представляет серьезную опасность здоровью населения края» (Доклад о наркоситуации..., 2020). Этому во многом способствуют особенности географического положения, демографической ситуации, миграционных процессов, социально-экономической ситуации в Алтайском крае.

Методы исследования

Используя данные официальной статистики¹, результаты социологических исследований в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации, проанализируем состояние и динамику данного негативного социального явления, способного оказать существенное влияние на состояние безопасности российского социума и его региональных составляющих. В ходе исследования использовались методы первичного и вторичного анализа документов, математической статистики.

Результаты исследования

Несмотря на наблюдающееся в последние годы в целом по России сокращение количества наркозависимых от употребления наркотических средств и пси-

¹ При подготовке статьи использовались материалы ежегодного статистического учета состояния наркоситуации в Российской Федерации по различным направлениям: Сведения о пациентах, зарегистрированных в медицинских организациях Минздрава России, с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» (Статформа 2-МВ-ЗДРАВ); Учет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ (Статформа 171); Сведения о количестве изъятых из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих веществ, наркосодержащих растений, новых потенциально опасных психоактивных веществ на момент возбуждения уголовного дела (Статформа 173).

хотропных веществ в немедицинских целях, наркомания продолжает представлять серьезную угрозу. Наибольшее число лиц, зарегистрированных с диагнозом «наркомания», — это лица, употребляющие прежде всего опиоиды¹, — более 50% всех фактов регистрации обратившихся за помощью (рис. 1). Подтверждением этому является следующее наблюдение: «Серьезное сокращение интереса наркопотребителей к героину — факт, что на крупнейшей онлайн-платформе Hydra, через которую в России и странах СНГ распространяются наркотики, зафиксировано наименьшее среди прочих видов наркотиков число предложений героина. Это примерно в 10 раз меньше количества объявлений о продаже популярных синтетических наркотиков — а-PVP, амфетамина или мефедрона».² «Вместе с тем в числе тройки антилидеров по количеству лиц, злоупотребляющих опийными наркотиками, отмечаются Центральный (44 518 человек), Приволжский (28 985) и Сибирский (23 971) федеральные округа»³. В последние годы наблюдается некоторый прирост количества лиц с синдромом зависимости от каннабиноидов и психостимуляторов, однако их значительно меньше, чем лиц с синдромом зависимости от опиатов.

Рисунок 1 — Динамика числа лиц, зарегистрированных с диагнозом «наркомания», в т.ч. вследствие употребления опиатов, по Российской Федерации.

Для Сибирского федерального округа и Алтайского края также характерна общероссийская тенденция снижения количества пациентов, зарегистрированных в медицинских организациях Минздрава России с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)», что отражено на рисунке 2.

¹ Анализировалось также число лиц, зарегистрированных с диагнозом «наркомания» вследствие употребления каннабиноидов, кокаина, психостимуляторов, других наркотиков и их сочетаний.

² Информационные материалы в отношении поставок опиатов афганского производства по «Северному маршруту» и его влияния на наркоситуацию в России за период 2010–2019 гг. (не опубликованы).

³ Информационно-справочные материалы о незаконном обороте опийных наркотиков. М.: ГУНК МВД России, 2019 (не опубликованы).

Рисунок 2 — Динамика числа лиц, зарегистрированных с диагнозом «наркомания» по Сибирскому федеральному округу и Алтайскому краю.

Результаты изучения материалов ежегодного мониторинга наркоситуации (данные статистических отчетов, результаты социологических исследований) как по показателям 2019 г., так и по отдельным показателям за шестилетний период наблюдения позволяют сформулировать некоторые суждения о выраженности, остроте и динамике наркоситуации в Алтайском крае.

Существенное значение для оценки наркоситуации в регионе имеет оценка количества жителей, зарегистрированных в медицинских организациях Минздрава России с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)». В 2017–2019 гг. в медицинских учреждениях края были зарегистрированы 5324, 5025, 4003 пациента, что и отражено выше на рисунке 2. По данным показателям в абсолютных величинах край находится в середине рейтинговой шкалы, как правило, уступает пальму первенства Кемеровской, Иркутской, Омской и Новосибирской областям. В относительных показателях ситуация имеет следующий вид: 226,54; 215,40; 172,75 заболевших пациентов на 100 000 человек, или 0,26%; 0,21%; 0,17% от общего количества населения, проживавшего на территории края в 2017, 2018, 2019 гг. Если сравнить с аналогичными показателями по России и по Сибирскому федеральному округу, например за 2019 г., то они будут характеризоваться следующими показателями: по Сибирскому федеральному округу — 209,16; по Российской Федерации — 161,13 пациента на 100 000 человек. Как видим, в 2019 г. данный показатель ниже показателя по Сибирскому федеральному округу, но выше соответствующего показателя по Российской Федерации в целом. Несмотря на то, что на территории края отмечается тенденция уменьшения количества пациентов медицинских организаций Минздрава России с диагнозом «наркомания», расположенных на территории края, данная тенденция имеет свои особенности. Так, например, если по России количество зарегистрированных пациентов за 2017–2019 гг. сократилось на 43,2%, по Сибирскому федеральному округу — на 21,5%, то по Ал-

тайскому краю — всего лишь на 8,2%. Динамика снижения наркобольшных по краю существенно ниже в рассматриваемый период, чем по округу и по России в целом. Среди пациентов наркологических клиник края 13–14% — это женщины, что несет в себе потенциальную опасность не только для здоровья будущего населения, но и для демографической ситуации в целом. В округе относительное количество пациентов-женщин составляет 16,87% пациентов, по Российской Федерации — 17,1%. Как видим, относительный показатель пациентов-женщин несколько ниже соответствующих показателей не только по округу, но и по Российской Федерации. Основная масса пациентов в общем количестве — это наркопотребители от 20 до 39 лет, ежегодно таковых от 63% до 77%, а с учетом пациентов следующей возрастной группы — 40–59 лет таковых 98–99%, что отражено на рисунке 3.

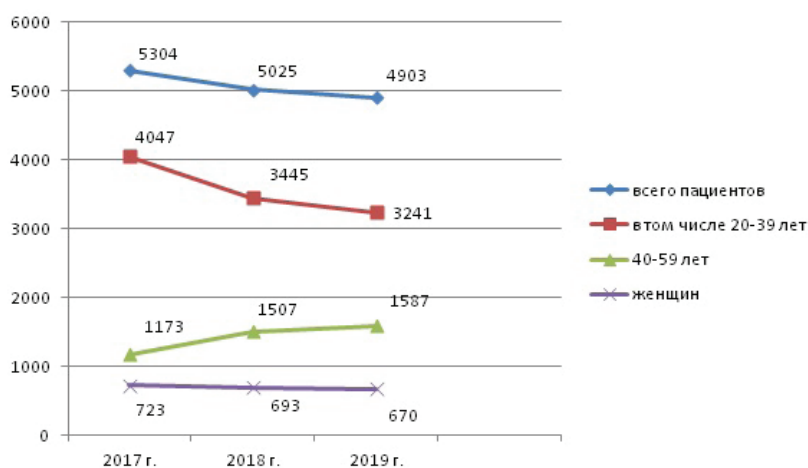

Рисунок 3 — Динамика количества пациентов медицинских организаций Минздрава России с диагнозом «наркомания» на территории Алтайского края.

Из рисунка видно, что за три последних года сформировалась тенденция увеличения числа пациентов старшей возрастной группы — 40–59 лет, за три года число данных пациентов увеличилось на 35,1%. В среднем около 50 пациентов ежегодно — это вообще выпускники средних общеобразовательных школ в возрасте 18–19 лет, возможно, большинство из них еще не успели выбрать и свою будущую профессию, практически еще ни разу и не сталкивались с необходимостью решать какие-то жизненно важные и сложные проблемы, но приобрели уже пагубную и, как правило, болезненную зависимость от наркотиков. Для наркозависимой категории граждан уже не имеет смысла ни жизненно важная и общественно значимая цель, ни деятельность по ее реализации. Все это замещается насущным — где достать средства и получить очередную дозу. И семья, и друзья, и коллеги просто выпадают из круга общения наркомана, если, конечно, они сами не являются таковыми. Угроза социальному и экономическому секторам явно выражена, и данная опасность

не нуждается ни в каких пояснениях, она является аксиомой, не требующей доказательств. Более того при анализе данных социологических исследований в рамках ежегодного мониторинга можно с уверенностью отметить, что и эти данные не отражают в полном объеме состояние наркоситуации в регионе, так как феномен наркомании отличается существенной латентной составляющей. При сравнении результатов социологических исследований в ходе ежегодного мониторинга и результатов статистических наблюдений по заболеваемости за наблюдаемый период можно вычислить коэффициент латентности. Так, например, официальное число пациентов, взятых на наркологический контроль учреждениями здравоохранения Алтайского края в 2019 г., составило 0,17% от численности населения, результаты социологических опросов в ходе мониторинга фиксируют количество наркопотребителей 0,49%. Соотношение показателей официальной статистики и результатов социологических исследований позволяет говорить о значении коэффициента латентности наркопотребителей в регионе не менее 3, от числа пациентов, официально зарегистрированных организациями здравоохранения.

Несмотря на то, что в структуре изымаемых правоохранительными органами на территории Алтайского края наркотики опийной группы составляли в 2017–2019 гг. от 2% до 5%, число пациентов, госпитализированных в учреждения Минздрава России, расположенные на территории края, с диагнозом «наркомания» вследствие потребления опиоидов, составило в 2017 г. 62%, в 2018 г. — 51,5%, в 2019 г. — 46,5%. Среди общего количества пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» в 2017 г. — 410 пациентов (7,7% от общего количества зарегистрированных пациентов), в 2018 г. — 408 пациентов (8,1%), в 2019 г. — 332 пациента (6,8%). Эти факты указывают, во-первых, на распространение наркотиков данной группы на территории округа и их доступность (по результатам социологических исследований мониторинга наркоситуации в 2019 г. большинство респондентов полагают, что в современных условиях легко достать наркотики (48,5%), из них 14,1% считают, что это очень легко сделать (Доклад о наркоситуации..., 2020)), во-вторых, на имеющиеся негативные процессы кооптации новых наркопотребителей. Субъектами вовлечения новых членов, как правило, являются знакомые, наиболее привлекательные места первой пробы «в гостях у друзей, знакомых» — в 26,3%, а в 23,7% случаев наркотики пробуют на улице, во дворе, подъезде. Следующим по распространенности местом наркотического дебюта являются клубы и дискотеки, где впервые попробовали наркотики 18,4% опрошенных (Доклад о наркоситуации..., 2020). Вместе с тем «лучше» или «хуже» состояние употребления наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях в Алтайском крае — однозначно сказать сложно, так как эти показатели могут говорить как о плотности и частоте наблюдаемого признака, так и о результативной работе субъектов антинаркотического противодействия по «возвращению» наркозависимых в социум посредством отлаженной системы реабилитации и ресоциализации данной категории населения. Качественная оценка наркоситуации в Алтайском крае может быть дана только при изучении всего комплекса показателей рассматриваемого негативного социального явления.

В Алтайском крае ежегодно изымаются правоохранными органами из незаконного оборота значительные объемы наркотических средств и психоактивных веществ. По итогам объемов изымаемых наркотиков Алтайский край занимает в Сибирском федеральном округе третье-четвертое места среди всех субъектов округа, что отражено на рисунке 4. В относительных цифрах в Алтайском крае по сравнению с объемами изымаемых наркотических средств в Сибирском федеральном округе в 2014 г. изъято 13,9% от общих объемов, в 2015 г. — 9,7%, в 2016 г. — 10,7%, в 2017 г. — 12,2%, в 2018 г. — 12,2%, в 2019 г. — 13,5%. С 2014 г. отмечается снижение объемов изымаемых наркотических и психотропных средств в абсолютных цифрах.

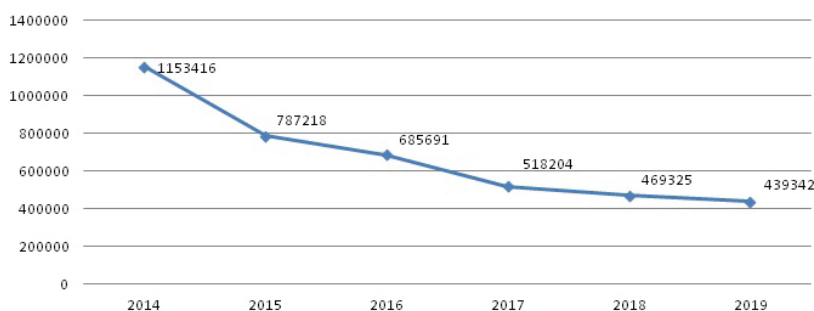

Рисунок 4 — Изъятие наркотических средств и психотропных веществ в Алтайском крае за период 2014–2019 гг. (в граммах).

О состоянии наркоситуации в области говорит и количество зарегистрированных наркопреступлений, которое имеет тенденцию к снижению, что отражено на рисунке 5. По показателю зарегистрированных наркопреступлений край занимает, как и по результатам изъятия наркотических средств и психотропных веществ, третье-четвертое места.

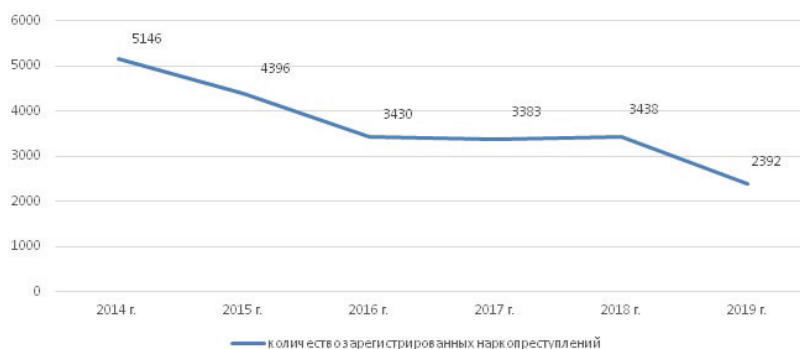

Рисунок 5 — Динамика количества зарегистрированных наркопреступлений в Алтайском крае за 2014–2019 гг.

Количество расследованных наркопреступлений, например в 2019 г., составило 62,5%, что на 9% выше, чем в целом по округу. Большинство наркопреступлений (62,8%) совершается непосредственно потребителями наркотических средств и психотропных веществ, при этом не находящимися в состоянии наркотического опьянения (как показывают результаты изучения статистических данных, только около 1% наркопреступлений совершается лицами в состоянии наркотического опьянения), что усугубляет криминологическую ситуацию в крае. В числе совершивших наркотические преступления основная масса, около 99%, — это граждане России. По возрастным статистически значимым группам лица, совершившие наркопреступления: 14–17 лет — 2,5%, 18–29 лет — 31,3%, 30–39 лет — 41,2%, 40 лет — 25%. Всего в 2019 г. наркопреступления совершили на территории Алтайского края 1986 человек, что составляет около 0,1% населения края всех возрастов, от младенца до старца, следовательно, трудоспособного населения в данном списке будет значительно больше. Основная масса уголовных дел в крае ежегодно возбуждается по ст. 228 УК РФ («Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов») и ст. 228.1 УК РФ («Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»), что соответствует как российской, так и окружной особенностям составов наркопреступлений.

Выводы

Изучение материалов, полученных в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации, позволяет сформулировать некоторые первоочередные направления противодействия и профилактики наркомании в Алтайском крае:

- пропаганда жизненных ценностей с переориентацией от развлечения к социально-одобряемым ценностям (творчество, семейный досуг, спорт и др.);
- усиление в институтах социализации личности, особенно первичной, пропагандистской работы, направленной на осознание опасности наркоугрозы и обществом, и конкретной личностью;
- дальнейшее развитие политики, направленной на снижение наркопотребления, с постоянным учетом приоритета превентивной практики информационного, психологического, воспитательного, медицинского, просветительского реагирования и мероприятий по минимизации вреда при запрете легализации наркотиков и неотвратимости ответственности за их незаконный оборот;
- пропаганда здорового образа жизни, подкрепленная реальными возможностями занятия доступными видами спорта, активного социально одобряемого досуга;
- развитие инфраструктуры регионов с учетом потребностей населения в объектах инфраструктуры и досуговой сферы, с появлением которых связывается снижение наркопотребления;
- активное привлечение общественных организаций и волонтерских движений для пропаганды идей здорового образа жизни;
- направление усилий правоохранительных органов на существенное снижение распространения и возможности приобретения наркотических средств через сеть Интернет;

- расширение практики применения операций по профилактике кустарного изготовления наркотиков, включая рейды по уничтожению посевов и очагов дикорастущей конопли и других наркосодержащих растений, с привлечением народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности;
- поиск новых форм и методов работы по противодействию различным схемам легализации наркодоходов, получаемых преступными сообществами, как следствие внедрения в наркобизнес информационных технологий, в т.ч. с использованием электронных платежных систем, криптовалют международного и национального форматов и др.

В существующих условиях ежегодный мониторинг наркоситуации позволит различным антинаркотическим субъектам, и прежде всего правоохранительным органам, своевременно принять адекватные уровню складывающейся ситуации меры противодействия распространению наркоугрозы в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бражников Д.А., Кийко А.Ю., Маликов С.В. Криминологическая оценка наркоситуации в Российской Федерации. Юридическая наука и правоохранительная практика, 2017, 4 (42), 112–116.

Воронин М.Ю. Общая характеристика распространения наркотических средств и психотропных веществ в России в первой четверти XX столетия. Наркоконтроль, 2008, 4 (14), 9–11.

Доклад о наркоситуации за 2019 год. URL: <http://altaimolodoi.ru/wp-content/uploads/2020/04/> (дата обращения 07.10.2020).

Комлев Ю.Ю. Государственно-правовое противодействие наркотизму : теория, политика, опыт: монография. Казань: КЮИ МВД России, 2010.

Молоков В.В. Статистическая методика оценки уровня распространения наркомании в Российской Федерации. Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета, 2016, 3 (117).

Позднякова М.Е., Брюно В.В. Новые тенденции наркотизации как риски социального характера. Вестник Института социологии, 2018, 9 (1), 115–139.

Сиротин В.П., Плотникова М.В. Моделирование распространения наркомании и ее последствий в регионах России. Экономика региона, 2009, 4 (20), 186–192.

Тепляшин П.В., Мамай Е.А. Некоторые криминологические и социологические аспекты незаконного оборота наркотиков опийной группы (на примере Уральского федерального округа). Вестник Сибирского юридического института МВД России, 2020, 1 (38), 51–56.

Тепляшин П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции. Lex russica, 2017, 10 (131), 147–157.

Шаталов А.С. Государственная стратегия борьбы с наркобизнесом: новшества, проблемы реализации и статистические казусы. В кн.: Актуальные проблемы борьбы

с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII Международной научно-практической конференции (4–5 апреля 2019 г.). Ч. 1. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. С.15–20.

Шалагин А.Е. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия наркотизму в Российской Федерации : учебное пособие. Казань : КЮИ МВД России, 2008.

Шалагин А.Е. Незаконный оборот наркотиков — угроза национальной безопасности : монография. Казань : КЮИ МВД России, 2014.

Шекк Е.А. Региональный анализ состояния преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в России в 2018 г. В кн.: Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXII международной научно-практической конференции (4–5 апреля 2019 г.). Ч. 1. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2017. С.25–30.

Шинкевич В.Е., Коробицина Т.В. Оценка состояния основных детерминант и профилактики наркопотребления в Красноярском крае. Социологические исследования, 2018, 2 (406), 152–158.

Шинкевич, В.Е., Бен Е.Н., Маслодудова Н.В., Ступина С.А., Калиниченко Я.Н., Молоков В.Н. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае: монография. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2019.

REFERENCES

Brazhnikov, D.A, Kiyko, A.Yu, Malikov, S.V. (2017). Kriminologicheskaya ocenka narkosituacii v Rossijskoj Federacii [Criminological assessment of the drug situation in the Russian Federation]. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 4 (42), 112–116.

Voronin, M.Yu. (2008). Obshchaya harakteristika rasprostraneniya narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv v Rossii v pervoj chetverti XX stoletiya [General characteristics of the spread of narcotic drugs and psychotropic substances in Russia in the first quarter of the twentieth century]. *Drug control*, 4 (14), 9–11.

Doklad o narkosituacii za 2019 god (2020). [Drug Situation Report 2019]. Available at: <http://altaimolodoi.ru/wp-content/uploads/2020/04/> (accessed 10 october 2020).

Komlev, Yu.Yu. (2010). *Gosudarstvenno-pravovoe protivodejstvie narkotizmu : teoriya, politika, opyt: monografiya* [State-legal counteraction to drug addiction: theory, policy, experience: monograph]. Kazan: KYul of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Molokov, V.V. (2016). Statisticheskaya metodika ocenki urovnya rasprostraneniya narkomanii v Rossijskoj Federacii [Statistical methodology for assessing the level of drug addiction prevalence in the Russian Federation]. *Scientific journal of the Kuban State Agrarian University*, 3 (117).

Pozdnyakova, M.E. Bruno, V.V. (2018). Novye tendencii narkotizacii kak riski societal'nogo haraktera [New tendencies of drug addiction as risks of a societal nature]. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 9 (1), 115–139.

Sirotin, V.P., Plotnikova, M.V. (2009). *Modelirovanie rasprostraneniya narkomanii i ee pos-*

ledstvij v regionalah Rossii [Modeling the spread of drug addiction and its consequences in the regions of Russia]. *Regional Economy*, 4 (20), 186–192.

Teplyashin, P.V., Mamay, E.A. (2020). E.A. Nekotorye kriminologicheskie i sociologicheskie aspekty nezakonного oborota narkotikov opijnoj gruppy (na primere Ural'skogo federal'nogo okruga) [Some criminological and sociological aspects of illicit drug trafficking in the opium group (on the example of the Ural Federal District)]. *Vestnik of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no 1 (38), 51–56.

Teplyashin, P.V. (2016). *Sostoyanie narkoprestupnosti v Rossijskoj Federacii: osnovnye kriminologicheskie pokazateli i tendencii* [The state of drug crime in the Russian Federation: main criminological indicators and trends]. *Lex russica*, 10 (131), 147–157.

Shatalov, A.S. (2019). Gosudarstvennaya strategiya bor'by s narkobiznesom: novshestva, problemy realizacii i statisticheskie kazusy [State strategy for combating drug trafficking: innovations, implementation problems and statistical cases]. *V kn.: Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: materialy XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (4–5 aprelya 2019 g.)* [In: Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice: proceedings of the XXII international scientific and practical conference (April 4–5, 2019)]. Part 1 (pp. 15–20). Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Shalagin, A.E. (2008). *Kriminologicheskie i ugovovno-pravovye osnovy protivodejstviya narkotizmu v Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie* [Criminological and criminal legal foundations of counteracting drug addiction in the Russian Federation: textbook]. Kazan: KYU of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Shalagin, A.E. (2014). *Nezakonnyj oborot narkotikov — ugroza nacional'noj bezopasnosti: monografiya* [Illicit drug trafficking — a threat to national security: monograph]. Kazan: KYU of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Shekk, E.A. (2018). Regional'nyj analiz sostoyaniya prestupnosti v sfere nezakonного oborota narkotikov v Rossii v 2018 g. [Regional analysis of the state of crime in the sphere of drug trafficking in Russia in 2018]. *V kn.: Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki: materialy XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (4–5 aprelya 2019 g.)* [In: Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice: proceedings of the XXII international scientific and practical conference (April 4–5, 2019)]. Part 1 (pp. 25–30). Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Shinkevich, V.E., Korobicina, T.V. (2018). Ocenka sostoyaniya osnovnyh determinant i profilaktika narkopotrebleniya v Krasnoyarskom krae [Assessment of the state of the main determinants and prevention of drug use in the Krasnoyarsk Territory]. *Sociological Research*, 2 (406), 152–158.

Shinkevich, V.E., Ben, E.N., Maslodudova, N.V., Stupina, S.A., Kalinichenko, Ya.N., Molokov, V.V. (2019). *Sostoyanie i perspektivy obespecheniya narkobezopasnosti sociuma: po rezul'tatam monitoringovyh issledovanij v Krasnoyarskom krae: monografiya* [State and prospects of ensuring the drug safety of society: based on the results of monitoring studies in the Krasnoyarsk Territory: monograph]. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

УДК 32:316.342.32-053.6

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ В 2014 И 2019 гг.

А.В. Шарапов

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: marin-sharapov@yandex.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-06

В общей численности населения Республики Алтай значительную ее долю составляет молодежь. Данная демографическая группа наиболее восприимчива к различным ценностным установкам (демократическое, авторитарное, радикальное поведение). От правильного воспитания молодежи зависит стабильность целого региона. Целью исследования является изучение представительства молодежи в органах власти и органах местного самоуправления. Проанализированы списки кандидатов на должность главы Республики, в депутаты Эл Курултай, на должности глав и в депутаты органов местного самоуправления, выдвинутые во время избирательных кампаний 2014 и 2019 гг. В результате сравнения результатов двух избирательных циклов было выявлено увеличение количества избранных молодых кандидатов в различные органы власти.

***Ключевые слова:** молодые кандидаты, политические партии, электоральный процесс, органы местного самоуправления, молодежь, политическая социализация*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ELECTORAL ACTIVITY OF YOUTH IN THE ALTAI REPUBLIC IN 2014 AND 2019

A. V. Sharapov

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: marin-sharapov@yandex.ru*

In the total population of the Altai Republic, a significant proportion of it is youth. This demographic group is most susceptible to various value attitudes (democratic, authoritarian, radical behavior). The stability of an entire region depends on the correct upbringing of young people. The aim of the study is to study the representation of young people in government and local governments. The lists of candidates for the head of the Republic, deputies of El Kurultai, heads and deputies of local self-government bodies, nominated during the election campaign of 2014 and 2019, were analyzed. As a result of comparing the results of two electoral cycles,

an increase in the number of elected young candidates to various authorities was revealed.

Keywords: *young candidates, political parties, electoral process, local government bodies, youth, political socialization*

Введение

Республика Алтай является приграничным регионом, имеющим общую границу с тремя государствами (Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Монголия). Регион отличается широкой национальной палитрой населения (русские — 56,6%; алтайцы — 33,9%; казахи — 6,2%; другие национальности — 3,3%; Республика Алтай). Любые политические события, происходящие на территории данного субъекта РФ, могут быстро перейти на международный уровень, что привлекает внимание федерального центра к данному региону.

Еще одной особенностью региона является ежегодный естественный прирост населения. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность населения составила 207 527 чел. (Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай), а на 1 января 2020 г. численность населения составила уже 220 181 чел. (Алтайкрайстат), из них доля молодежи — 58 228 чел. (26,4%) (Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай). Молодежь как демографическая группа склонна к радикализму, протестным действиям, она сталкивается с большим количеством трудностей (поиск работы, покупка жилья, самореализация), в связи с чем, а также в целях обеспечения стабильности в регионе необходимо способствовать правильной политической социализации молодежи. Одним из ее инструментов является вовлечение молодежи в избирательный процесс в качестве кандидатов.

На сегодняшний момент в научном сообществе отсутствует однозначная трактовка понятия «молодежь». Существуют разнообразные дефиниции молодежи для различных социальных групп. В демографии существует свой подход в определении молодого возраста. Это граждане Российской Федерации в возрасте от 14 до 30 лет¹. Вместе с тем в федеральной целевой программе «Жилище», в состав которой включена подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей», молодой семьей считаются супруги, не достигшие 35 лет. В данной работе будем использовать компромиссный вариант с возрастной отметкой для молодежи 14–35 лет.

Цель исследования

Изучить списки кандидатов в главы и депутаты органов власти и органов местного самоуправления Республики Алтай в рамках электоральных циклов 2014, 2019 гг. Выявить количество выдвинутых и победивших молодых кандидатов. Осу-

¹ О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 18.12.2006 № 1760-р. СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.08.2020).

существить сравнительный анализ общественно-политической активности молодежи в 2014 и 2019 гг. Выявить общие и отличительные особенности.

Методы исследования

Поставленные цели будут достигнуты посредством использования метода сбора эмпирических данных с сайта избирательной комиссии Республики Алтай. В системе ГАС «Выборы» представлен полный список кандидатов, участвовавших в избирательных кампаниях 2014 и 2019 гг. Кроме того, будет осуществлен мониторинг партийных сайтов региональных отделений с целью выявления молодежной тематики в их предвыборных программах.

Основная часть

Представленная тема имеет слабое освещение в научной литературе. Подавляющая часть исследований о политической ситуации в регионе и активности молодежи носит фрагментарный характер. Отсутствуют комплексные исследования по данной проблематике.

Научный коллектив в составе Я.Ю. Шашковой, С.Ю. Асеева изучает ценностный аспект политического участия молодежи в политической жизни, которое выражается в высокой готовности участвовать в электоральном процессе в качестве избирателей. При этом авторы отмечают, что важное место в массовом политическом сознании населения занимает образ региональной власти. Институциональным доверием пользуются такие политические институты, как Президент РФ, органы местного самоуправления, спецслужбы. Вместе с тем отмечается низкое доверие молодежи ко всем институтам власти (по сравнению со старшей возрастной демографической группой). В целом в регионе доминируют консервативные ценности — сильное государство, безопасность, порядок (Шашкова, Асеев, 2017).

Вопросы электоральной активности и правосознания представлены в работах Г.Б. Эшматовой. Данный автор приходит к выводу, что снижение явки на различных уровнях выборов в Республике Алтай связано с падением доверия к органам власти. По ее данным только 10% из числа опрошенных респондентов доверяют государственной системе. Кроме того, отмечается низкая правовая осведомленность жителей республики о процедуре проведения выборов и юридического сопровождения, что доказывает недостаточный уровень современного правосознания избирателей (Эшматова, 2014).

А.В. Кудермекова приводит обширный статистический анализ электоральной активности молодежи за 2015 г. Автор отмечает большое количество выдвинутых, зарегистрированных и победивших молодых людей. Молодые люди составили 33% от общего числа избранных кандидатов в различные органы местного самоуправления. Немаловажным фактом увеличения общественно-политической активности молодежи является ее участие в работе избирательных комиссий. Так, в 2015 г. каждый четвертый член избирательной комиссии был представителем молодежи (Кудермекова, 2016), что повышает гражданскую и правовую грамотность.

Партийная система Республики Алтай исследована А.А. Лыковой. Описаны организационные и функциональные основы деятельности политических партий на территории Республики Алтай в период избирательного цикла 2014 г. Автор отмечает разветвленную сеть партийных отделений у «Единая Россия» и КПРФ. При этом отмечает, что значительную роль также играют малые партии «Родина» и «Патриоты России» (Лыкова, 2019).

Результаты

Наибольший интерес вызывает политика политических партий по отношению к молодым кандидатам в рамках предвыборных кампаний в Эл Курултай и органы местного самоуправления. Общественная и политическая активность молодежи изучена с помощью анализа данных кандидатов от молодежи (не достигших 35 лет), которые приняли участие в избирательных кампаниях разного уровня. Результаты представлены в таблице.

Таблица 1

Статистические данные о молодых кандидатах в Эл Курултай и местные органы власти Республики Алтай в 2014 г., чел. (Шарапов, 2015)

Политические партии	Выдвинуто в Государственное собрание Эл Курултай		Молодые кандидаты, выдвинутые в органы местного самоуправления	Итоговая численность молодежи, выдвинувшейся в различные уровни власти
	по партийным спискам	по одномандатным округам		
КПРФ	10	–	–	10
ЛДПР	30	10	3	43
«Коммунисты России»	20	–	–	20
«Зеленые»	19	1	1	21
«За справедливость»	18	–	–	18
«Гражданская сила»	15	4	–	19
«Гражданская инициатива»	12	–	–	12
«Единая Россия»	10	1	9	20
РПР-Парнас	9	0	–	–
«Патриоты России»	8	2	–	10
«Коммунистическая партия социальной справедливости»	8	–	–	8
«Справедливая Россия»	7	0	–	7
«Яблоко»	6	2	–	8
«Родина»	3	1	2	6
Самовыдвиженцы	–	10	16	26

Таким образом, только представители парламентских партий в лице ЛДПР и «Единой России» смогли выдвинуть значительное количество молодых кандидатов. Только представленные партии демонстрирует системную работу с молодым поколением путем выдвижения на выборные должности.

Необходимо отметить, что в результате либерализации избирательного законодательства в 2012 г. (для регистрации партии является необходимым собрать 500 подписей сторонников) кроме действующих парламентских партий («Единая Россия», «Справедливая Россия», ЛДПР, КПРФ) появилось большое количество новых партий. Указанные партии стали активно участвовать в региональных избирательных кампаниях, в том числе в Республике Алтай. «Коммунистическая партия социальной справедливости», «Гражданская инициатива», Партия «За справедливость!», «Гражданская сила» приняли участие в представленном электоральном цикле. Именно малые и вновь образованные партии испытывают кадровый дефицит в кандидатах в депутаты различного уровня. Партией «За справедливость!», «Зелеными», «Коммунистами России», «Гражданской силой» привлечение молодых кандидатов носило несистемный характер и было направлено на решение кадрового голода (любой ценой закрыть одномандатные округа и сформировать полноценные партийные списки).

Существуют политические исключения из правил, где молодежь играет самостоятельную роль.

Так, Виктор Осипов выдвинулся на должность главы муниципального образования Турочакского сельского поселения. В его предвыборной программе значительное место было посвящено молодежной проблематике. Еще в 2013–2014 гг., осуществляя руководство общественной организацией «Жить по совести», он реализовал несколько проектов социальной, патриотической, спортивной и юридической направленности (уборка мусора, бесплатное юридическое консультирование, бесплатное предоставление футболок, кепок). Таким образом он приобрел известность среди молодого поколения избирателей и увеличил свою электоральную базу. Итогом этого стало избрание 31-летнего Виктора Осипова главой села Турочак.

Неменьший интерес представляет опыт работы с молодежью политических партий в период выборов в Эл Курултай и в органы местного самоуправления. Были изучены предвыборные программы партий, размещенных на их официальных сайтах, в СМИ и агитационных материалах.

В августе — сентябре 2019 г. проведен анализ официальных сайтов региональных отделений местных политических партий. Отсутствует информация о молодежных мероприятиях у «Единой России», КПРФ, «Патриотов России», «Справедливой России», ЛДПР, «Родины», «Зеленых». Полученные данные представляют интерес. Описанные партии располагают собственными молодежными отделениями, но этот ресурс не был задействован в рамках разработки и осуществления молодежной повестки.

Кандидаты на должность главы Республики Алтай в рамках своих избирательных кампаний 2014 и 2019 гг. также обращались к молодежной проблематике с целью увеличения электоральной базы сторонников, поэтому не менее важным

является изучение их предвыборных программ. Низкая электоральная активность молодежи была характерна не только для избирательной кампании 2014 года в Республике Алтай, но и в целом по Российской Федерации. Поэтому в период избирательной кампании значительная часть кандидатов на пост главы Республики Алтай не занималась с данной демографической группой. Кандидат на должность главы республики А. Бердников не работал с молодежью. В его предвыборной кампании отсутствовали многочисленные встречи со студентами различных средне-специальных образовательных учреждений, студентами Горно-Алтайского государственного университета и другими категориями молодежи. Подобной тактики придерживались избирательные штабы В. Семенова, В. Ромашкина. Другой подход демонстрировал В. Петров. Он единственный кандидат, обозначивший важность привлечения молодежи к работе правительства республики. Его предвыборные материалы апеллировали к идее создания новых рабочих мест для молодежи. Кроме того, по его решению был организован молодежный штаб. На него возлагались надежды по мобилизации молодежи в единый день голосования в столице Республики Алтай, Горно-Алтайске. Итоги выборов говорят о частичном выполнении указанной задачи.

Необходимо отметить, что избирательные комиссии также проводили значительную работу с молодежью. В течение всей избирательной кампании, кроме дня голосования, избирательными комиссиями не проводилась информационная работа, направленная на данную демографическую группу. 14 сентября 2014 г. на избирательных участках получали подарки впервые проголосовавшие 18-летние избиратели. Другие способы мобилизации молодых избирателей не применялись. Не было поставлено такой задачи, так как главному кандидату не требовалась высокая явка.

Таким образом, в Республике Алтай политические партии не мобилизовали молодежный электорат в день голосования. Игнорирование молодежной проблематики в политической рекламе со стороны партий и кандидатов оказалось закономерностью. В то же время молодежь проявила активность в качестве кандидатов на выборные должности различных уровней власти. В рамках избирательной кампании 2014 г. 907 человек стали кандидатами на различные выборные должности. Из них 237 чел. были представители молодежи. По итогам избирательной кампании 14 сентября 2014 г. получены следующие данные. Два молодых представителя от правящей партии стали депутатами Государственного собрания Эл Курултай, шесть молодых кандидатов получили мандаты депутатов представительных органов местного уровня (три представителя партии «Единая Россия», три самовыдвиженца) и один избран главой сельской администрации (самовыдвиженец). Полученные данные показывают перспективность не только участия молодежи, но и победы их в избирательных кампаниях разных уровней.

В 2019 г. наступил очередной крупный электоральный цикл в Республике Алтай. Избирались глава Республики Алтай, депутаты Эл Курултая и органы местного самоуправления. Несмотря на пятилетний межвыборный период партийная система не претерпела значительных изменений. 16 партий приняли участие в этой изби-

рательной гонке. Одна часть малых партий сменилась другой. Появились «Российская партия пенсионеров за социальную справедливость», «Партия дела», «Партия Роста», «Партия Возрождения России». Новички не смогли повлиять на ход избирательной кампании.

Таблица 2

Статистические данные о молодых кандидатах в Эл Курултай и местные органы власти Республики Алтай в 2019 г., чел.

Политические партии	Выдвинуто в Государственное собрание Эл Курултай		Молодые кандидаты, выдвинутые в местные органы власти	Итоговая численность молодежи, выдвинувшейся в различные уровни власти
	по партийным спискам	по одномандатным округам		
КПРФ	4	4	–	8
ЛДПР	10	8	1	19
«Патриоты России»	0	0	–	0
«Коммунисты России»	6	–	–	6
КПСС	10	0	–	10
«Партия народной свободы»	1	0	–	1
«Партия роста»	9	0	–	9
«Единая Россия»	11	7	13	31
«Родина»	6	11	–	17
«Яблоко»	1	–	–	1
«Российская партия пенсионеров за социальную справедливость»	–	–	–	–
«Справедливая Россия»	0	5	–	5
«Зеленые»	–	2	–	2
«Партия дела»	–	0	–	0
«Партия возрождения России»	–	1	–	1
«Партия За справедливость!»	–	0	–	0
Самовыдвиженцы	–	5	24	29

Кроме того, в рамках избирательной кампании в Эл Курултай проанализированы сайты партий. У значительной части политических партий сайты отсутствуют

или крайне редко наполняется новостная лента. О системном продвижении молодежной тематики партиями речи не идет.

Интересно выяснить положение дел с использованием молодежной проблематики в предвыборной кампании кандидатов, претендующих на должность главы Республики Алтай. Все кандидаты были выдвинуты от разных партий, были проанализированы их официальные сайты и выявлены некоторые факты.

В результате мониторинга партийных сайтов в период август — сентябрь 2019 г. было выявлено, что партия «Единая Россия» активно продвигала молодежную тематику в рамках проекта «Команда развития», который являлся инициативой кандидата в главы Республики Алтай Олега Хорохордина по привлечению на государственную и муниципальную службу самостоятельных профессиональных людей в возрасте 25–55 лет, где для 25–35-летних жителей республики требовался стаж 3 года. Более тысячи желающих зарегистрировались, но лишь 313 человек были допущены к конкурсу (Новости горного Алтая).

Партия ЛДПР на своем официальном сайте не представила системного решения молодежного вопроса. Только молодой кандидат на должность главы республики Дмитрий Сафронов был отмечен на партийном сайте.

У остальных партий вообще отсутствовала представленная тематика.

В 2019 г. в избирательных кампаниях всех уровней приняли участие 701 кандидат, среди них молодежь составила 140 человек. В Эл Курултай были избраны семь молодых кандидатов от партии «Единая Россия», один — ЛДПР, один самовыдвиженец. В органы местного самоуправления были избраны один представитель ЛДПР, три единоросса, 11 самовыдвиженцев. Итого 24 человека.

Заключение

Таким образом, сравнивая политическую повестку, задаваемую партиями по отношению к молодежи в 2014 и 2019 гг., можно сделать вывод, что основная масса игроков игнорирует указанную тематику. В 2014 г. ее формулировал оппозиционный кандидат Владимир Петров, а в 2019 г. — провластный кандидат Олег Хорохордин.

В рамках двух избирательных циклов политическими партиями, участвовавшими в выборах в Эл Курултай, не было уделено внимания молодежной повестке.

Сравнивая результативность участия молодых кандидатов в период 2014 и 2019 г., можно сказать об увеличении представительства молодежи в различных уровнях власти.

При детальном рассмотрении участия молодежи от политических партий выявлены интересные факты. В 2019 г. прослеживается заметное снижение участия молодежи у следующих партий: ЛДПР, «Коммунисты России», «Зеленые», «За справедливость», «Родина». Главной причиной данного факта является общая тенденция снижения активности указанных партий в регионе. Особенно необходимо отметить партию «Родина», у которой перед выборами произошла смена руководства, в связи с чем часть партийцев вышла из партии. Количество молодых самовыдвиженцев сильно не изменилось и осталось на прежнем уровне. Вместе с тем

правящая партия увеличивает количество выдвинутых молодых кандидатов во все уровни власти. Достаточно большое количество молодых претендентов от этой партии избираются на различные должности, что свидетельствует о системной деятельности партии «Единая Россия» по обновлению своих рядов и улучшению работы социальных лифтов.

Такие тенденции позволяют говорить о значительной вовлеченности молодежи в политическую сферу как через политические партии, так и путем самовыдвижения. Данная ситуация положительным образом сказывается на стабильности общественно-политической ситуации в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кудермекова А.В. Участие молодежи в выборах на примере Республики Алтай. В кн.: Алтай — Россия: через века в будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 260-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2016. С. 7–11.

Лыкова А.А. Региональные отделения политических партий Республики Алтай в избирательных кампаниях 2014 г.: степень политической конкуренции. Вестник Томского государственного университета, 2019, No. 58, 48–53.

Подведены итоги кадрового конкурса «Команда Развития». Новости горного Алтая. URL: <https://www.gorno-altaisk.info/news/107329> (дата обращения: 02.08.2020).

Республика Алтай: Официальный сайт. URL: <https://www.altai-republic.ru/about-the-region/pasport/> (дата обращения: 02.08.2020).

Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай. URL: <https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/1%D1%82%D0%BE%D0%BC+%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C+%D0%B8+%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения 02.08.2020).

Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай <https://akstat.gks.ru/folder/33349> (дата обращения: 02.08.2020).

Шарапов А.В. Политическая активность молодежи в избирательной кампании 14 сентября 2014 г. в Республике Алтай. Известия Алтайского государственного университета, 2015, 2 (1). 246–249.

Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю. Особенности массового сознания как фактор политического процесса. Политическая наука, 2017, No. 1, 281–300.

Эшматова Г.Б. Избирательное право в политическом сознании населения Республики Алтай. В кн.: История и культура народов юго-западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Сборник трудов международной научно-практической конференции. 2014. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. С. 407–414.

REFERENCES

Kudermekova, A.V. (2016). Uchastie molodezhi v vyborax na primere Respubliki Altaj [Youth participation in elections on the example of the Altai Republic] In: *Altaj — Rossiya: cherez veka v budushhee: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 260-letiyu dobrovolnogo vxozhdeniya altajskogo naroda v sostav Rossijskogo gosudarstva i 25-letiyu obrazovaniya Respubliki Altaj* [Altai — Russia: through the centuries into the future: Materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation, dedicated to the 260th anniversary of the voluntary entry of the Altai people into the Russian state and the 25th anniversary of the formation of the Altai Republic]. (pp. 7–11). Gorno-Altajsk.

Lykova, A.A. (2019). Regional'nye otdeleniya politicheskikh partij Respubliki Altaj v izbiratelnykh kampaniyah 2014 g.: stepen' politicheskoy konkurencii [Regional branches of political parties of the Altai Republic in election campaigns in 2014: the degree of political competition]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], no. 58, 48–53.

Podvedeny itogi kadrovogo konkursa «Komanda RAZvitiya» [The results of the personnel competition “Development Team” were summed up]. *Novosti Gornogo Altaya* [Gorny Altai news]. Available at: <https://www.gorno-altajsk.info/news/107329> (accessed august 2, 2020).

Respublika Altaj: Oficial'nyj sajt [Altai republic. Official site.] Available at: <https://www.altai-republic.ru/about-the-region/pasport/> (accessed august 2, 2020).

Territorialnyj organ Federalnoj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Altaj [Territorial body of the Federal state statistics service for the Altai Republic] Available at: <https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/1%D1%82%D0%BE%D0%BC+%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%B%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C+%D0%B8+%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf> (accessed august 2, 2020).

Upravlenie Federalnoj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Altajskomu krayu i Respublike Altaj [Department of the Federal state statistics service for the Altai territory and the Altai Republic]. Available at: <https://akstat.gks.ru/folder/33349> (accessed august 2, 2020).

Sharapov, A.V. (2015). Politicheskaya aktivnost molodezhi v izbiratelnoj kampanii 14 sentyabrya 2014 g. v Respublike Altaj [Political activity of young people in the election campaign on September 14, 2014 in the Altai Republic]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University], 2 (1), 246–249.

Shashkova, Ya.Yu., Aseev S.Yu. (2017). Osobennosti massovogo soznaniya kak faktor politicheskogo processa [Characteristics of mass consciousness as a factor in the political process]. *Political science*, no. 1, 281–300.

Eshmatova, G.B. (2014). Izbiratel'noe pravo v politicheskom soznanii naseleniya Respubliki Altaj [Electoral law in the political consciousness of the population of the Altai Republic]. In: *Istoriya i kul'tura narodov yugo-zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh regionov (Kazahstan, Mongoliya, Kitaj): Sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [History and culture of the peoples of southwestern Siberia and adjacent regions (Kazakhstan, Mongolia, China): Proceedings of the international scientific and practical conference]. (pp. 407–414). Gorno-Altajsk: RIO GAGU.

СОЦИАЛЬНЫЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

УДК 902/904

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА И ПОЛИТОГЕНЕЗ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ВО II В. ДО Н.Э. — V В. Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ)¹

Н.Н. Серегин

 <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

С.С. Матренин

 <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: nikolay-seregin@mail.ru, matrenins@mail.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)4-07

Представлен опыт реконструкции особенностей формирования и эволюции этносоциальной системы, а также процессов политогенеза населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Ключевым подходом исследования является комплексный анализ материалов раскопок памятников булан-кобинской археологической культуры (II в. до н.э. — V в. н.э.). Основу источниковой базы составили более 750 погребений, изученных в различных частях Алтая. Установлено, что генезис социальной организации населения региона в этот период определялся сложными формами взаимодействия кла-

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1.БВ97АА00002 «Тюрко-монгольский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности».

нов. Проведенное исследование показывает их неодинаковый статус на определенных этапах существования булан-кобинской культуры в разных районах Алтая, что, вероятно, отражает иерархию племен (кочевий). Важным фактором политогенеза населения региона было его включение в состав империй Хунну, Сяньби и Жужаней. Наиболее вероятной формой политического объединения скотоводов Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э. является «племенная конфедерация» без самостоятельного руководящего центра в лице общего вождя и его аппарата.

Ключевые слова: Алтай, хуннуско-сяньбийско-жужанское время, археологические памятники, этносоциальная организация, политогенез, реконструкция

ETHNOSOCIAL SYSTEM AND POLITOGENESIS OF ALTAI POPULATION IN II CENTURY BC — V CENTURY AD (BASED ON MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES)

N.N. Seregin

 <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>

S.S. Matrenin

 <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: nikolay-seregin@mail.ru, matrenins@mail.ru*

The article concerns the reconstructing the features of the formation and evolution of the ethnosocial system, as well as the processes of political genesis of the Altai population at the Xiongnu-Xianbei-Rouran period. The key approach of the research is a comprehensive analysis of materials from excavations of sites of the Bulan-Koby archaeological culture (II century BC — V century AD). More than 800 burials studied in different parts of Altai form the basis of the source base. It has been established that the genesis of the social organization of the population of the region during this period was determined by complex forms of interaction between different clans. The study shows their unequal status at certain stages of the existence of the Bulan-Koby archaeological culture in different regions of Altai, which probably reflects the hierarchy of tribes. The key factor in the political genesis of the region's population was its inclusion in the Xiongnu, Xianbei and Rouran empires. The most probable form of political unification of the Altai nomads in the II century BC — V century AD is a «tribal confederation» without an independent governing center in the person of a common leader and his apparatus.

Keywords: Altai, Xiongnu-Xianbei-Rouran time, archaeological sites, ethnosocial organization, politogenesis, reconstruction

Введение

Основным источником для реконструкции социально-политических процессов, происходивших на Алтае во II в. до н.э. — V в. н.э., выступают материалы раскопок комплексов булан-кобинской археологической культуры. Анализ обширных материалов (более 750 захоронений), полученных в результате полевых исследований в различных частях региона, позволил установить, что формирование и развитие обозначенной общности происходило на полиэтничной основе и определялось взаимодействием разных кланово-племенных образований. В этой связи важным этапом реконструкции общественной организации населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени является изучение соотношения выделенных социальных групп населения с разными погребальными традициями. Аргументом для этого исследовательского шага выступает доказанное на обширном этнографическом материале положение, согласно которому этническая и социально-имущественная стратификация в различной степени пересекались, что проявлялось в форме разделения на доминирующие («династийные», «старшие») и подчиненные («младшие», иные по генеалогии и (или) этническому происхождению) роды, племена, правящий «этнос-элиту», «двойную элиту», группы зависимого и эксплуатируемого населения (Савинов, 1979: 42–44; Першиц, 1994: 148; Масанов, 1995: 145–148; Крадин, 2001: 156–159; и мн. др.).

Реализация такого этапа реконструкции процессов социо- и политогенеза населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени базируется на выводах и заключениях, полученных ранее в рамках разноплановой интерпретации захоронений данной общности. В частности, одним из ключевых результатов стало выделение социальных моделей погребений, демонстрирующих вертикальную стратификацию рассматриваемого общества. Их подробная характеристика представлена в монографии авторов статьи (Серегин, Матренин, 2020: 92–107). Представленные далее построения изложены с учетом этих данных.

Традиции погребального обряда как показатель гетерогенности населения Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э.

Изучение многочисленной серии раскопанных погребальных памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени предоставляет основания для выделения нескольких погребальных традиций населения булан-кобинской культуры, отличающихся сочетанием четырех «этнодиагностирующих» показателей: ориентировка умерших людей головой по основным направлениям горизонта (сторонам света); наличие/отсутствие сопроводительного захоронения верхового коня; размещение животного в могиле относительно человека; форма надмогильного сооружения (Серегин, Матренин, 2016: 147–165).

Яломанская традиция — ингумация с ориентировкой умершего человека головой в восточный сектор (с отклонениями к северу и югу) в сопровождении лошади, уложенной «сверху» или «в ногах» покойного в курганах с кольцевой выкладкой-крепидой или многослойной стенкой. Данные погребения наиболее ярко фиксируют появление на Алтае в хуннуское время нового этнокультурного компонента, который, вероятно, составил костяк этноса-элиты раннебулан-кобинского

социума. Объекты яломанской традиции происходят из разновременных памятников II в. до н.э. — V в. н.э. Центрального Алтая (Яломан-II, Булан-Кобы-IV, Сары-Бел, Чендек, Белый-Бом-II, Бош-Туу-I). Обряд захоронения «яломанцев» обнаруживает наиболее близкие аналогии в археологических материалах кула-жургинского типа Верхнего Прииртышья скифо-сакского времени.

Улуг-чолтухская традиция — погребения по обряду ингумации головой в восточный сектор (с разными отклонениями) без лошади, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой или стенкой, реже без них. В ее формировании, по-видимому, приняло участие местное «непазырыкское» население скифо-сакского времени (оно отождествляется нами с погребениями без лошади в каменных ящиках, обкладках, рамах), а также выходцы из Верхнего Прииртышья, Тувы или Монголии. Погребальные объекты данной традиции исследованы на многих памятниках булан-кобинской культуры (Усть-Эдиган, Улуг-Чолтух-I, Чендек, Яломан-II, Сары-Бел, Белый Бом-II, Бике-I, Булан-Кобы-IV, Бош-Туу-I, Боочи, Пазырык, Урочище Балчикова-3, Степушка и др.). Количественно они преобладают в Центральном Алтае на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э.

Карбанская традиция — погребения по обряду труположения с ориентировкой умершего человека головой в западный сектор (обычно с отклонением к северу) без лошади, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой, реже без нее. Объекты с такими признаками в преобладающей своей массе раскопаны в Северном Алтае (Карбан-I, Бике-I, Верх-Еланда-II, Дялян, Айрыдаш-I, Тыткескень-VI, Усть-Эдиган), где они известны уже в хуннское время (II в. до н.э. — I в. н.э.), но становятся многочисленными во II–V вв. н.э. В Центральном Алтае данные захоронения составляют приблизительно 20% и датируются преимущественно II–V вв. н.э. (Улита, Бош-Туу-I, Степушка, Чендек, Яломан-II). Происхождение этой погребальной традиции могло быть связано с переселением на Алтай племен из Восточного Казахстана, Тувы, Верхнего Прииртышья в связи с экспансией кочевой империи хунну в северные районы Центральной Азии на рубеже III–II вв. до н.э. Не исключено, что в этногенезе «карбанцев» приняли участие потомки населения аржано-майэмирского времени, вытесненного в свое время «пазырыкцами».

Берельская традиция — ингумация с ориентировкой покойных головой в восточном направлении (с разными отклонениями), в сопровождении верхового коня, уложенного сбоку от человека в северной или южной половине могильной ямы, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой и без таковой. Данные немногочисленные захоронения исследованы в Северном (Усть-Эдиган), Центральном (Степушка, Катанда-I) и Юго-Западном Алтае (Берель). В формировании обозначенной погребальной традиции определяющая роль принадлежала, по-видимому, племенам «пазырыкцев» Алтая скифо-сакского времени (Тишкин, Матренин, 2007: 50). Некоторые захоронения «берельцев» III–V вв. н.э. демонстрируют сложение у небольшой группы населения булан-кобинской культуры норм обрядности, ставших впоследствии характерными для тюрок Алтая второй половины V — XI в. н.э.

Айрыдашская традиция — ингумация с ориентировкой умерших головой в западный или северо-северо-западный сектор в сопровождении лошади, уло-

женной «сбоку» от человека вдоль длинной (северной) стенки могильной ямы, под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой. Это серия разновременных объектов II в. до н.э. — V в. н.э. из Северного (Усть-Эдиган, Айрыдаш-I) и Центрального Алтая (Улита, Верх-Уймон, Чендек, Катанда-I, Степушка), оставленных смешанным населением, аккумулировавшим в трансформированном виде традиции местного и пришлого этнокультурных компонентов. Последний мог быть близким по происхождению с населением, оставившим одиночные захоронения с западной ориентировкой умерших. На территории Центрального Алтая погребения айрыдашской погребальной традиции появляются не ранее III в. н.э. и количественно преобладают на Верхней Катуні в составе некрополей второй половины IV — V в. н.э. Потомки «айрыдашцев» могли принять участие в завоевательных походах тюрок на территорию Минусинской котловины в VI в. н.э. (Серегин, Матренин, 2016: 174–181).

Дялянская традиция — ингумация человека головой в западный сектор (преимущественно с отклонением на север) в сопровождении коня, уложенного «сверху» или «в ноги» покойного под курганами с кольцевой выкладкой-крепидой, иногда стенкой. Данный вариант погребального обряда населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени является, по-видимому, результатом взаимодействия населения, практиковавшего труположение с лошадью «сверху» / в «ногах» человека и одиночные захоронения людей головой в западный сектор. Захоронения данной традиции исследованы на территории Северного (Усть-Эдиган, Дялян) и Центрального Алтая (Бош-Туу-I, Улита, Чендек).¹

Курайская традиция — ингумация головой «на запад» (часто с отклонением на север) без сопроводительного захоронения лошади, в курганах с прямоугольной выкладкой-крепидой или стенкой. Погребения «курайцев» исследованы в Южном (Кальджин-6) и Юго-Восточном Алтае (Курайка). Их появление связано с локальной миграцией во второй половине III — начале IV в. н.э. небольшой группы кочевников из Центральной Азии, возможно, с территории Тувы и Монголии. Пришлый характер данной погребальной традиции на Алтае демонстрируют заключения антропологов, согласно которым «курайцы» имели ярко выраженные признаки высокололицых монголоидов, резко отличающих их от местных популяций периода поздней древности (Чикишева, Поздняков, 2000).

Кок-Пашская традиция — труположение человека головой на юг, юго-восток без сопроводительного захоронения лошади, в курганах с прямоугольной оградой-стенкой либо крепидой. Погребения данной традиции раскопаны в Восточном (Кок-Паш, Пазырык) и Южном Алтае (Аккол-I). Они могли появиться на Алтае в результате аккультурации «курайцев» в среде населения булан-кобинской культуры.

Большинство носителей обозначенных традиций находились в тесном взаимодействии, так как были включены в семейно-брачные и производственные отношения. Они могли хоронить своих родственников на одном кладбище. При этом, несмотря на смешение отдельных групп скотоводов, в погребальном обряде

¹ Серия погребений дялянской традиции исследована в составе раскопанного недавно некрополя булан-кобинской культуры на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) (Серегин и др., 2018, 2019).

сохранялись отличия, маркирующие разное происхождение покойных. Последнее, на наш взгляд, демонстрирует незавершенность процесса этногенеза «булан-кобинцев».

Представленные погребальные традиции, отражающие, по-видимому, клановый уровень интеграции населения Алтая хуннско-сяньбийско-жужанского времени, были соотнесены с выделенными нами социальными моделями захоронений взрослых мужчин и женщин из памятников разных этапов булан-кобинской культуры. В результате удалось проследить некоторые тенденции этносоциальной дифференциации скотоводов региона на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э.

Отметим, что при моделировании этносоциальной стратификации во внимание принимались только погребения взрослых людей, так как у детей и подростков обряд захоронения не всегда в полном объеме демонстрировал его принадлежность к определенной традиции (например, в отношении их обычно не практиковалось сопровождение верховым конем, допускалась ориентация головой в противоположную сторону в случае помещения в одну могилу нескольких человек).

Хуннское время

Для усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры (II в. до н.э. — I в. н.э.) выделено пять социальных моделей мужских и четыре модели женских захоронений.

Наиболее высокое положение в этносоциальной стратификации занимали носители яломанской погребальной традиции, возглавлявшие племенное объединение скотоводов Центрального Алтая. Вероятно, они были переселены туда во II в. до н.э. хунну (допускаем, что «яломанцы» попали в сферу влияния хунну еще до миграции на Алтай) для противовеса остальному горноалтайскому населению. Мужчины-«яломанцы» представляли элиту, средний и нижний слои булан-кобинского общества. Женская часть «яломанцев» относилась к двум привилегированным социальным слоям. В хуннский период «яломанцы» отличались достаточно равномерным соотношением мужской и женской части населения, что свидетельствует об их самодостаточности и, возможно, относительной обособленности. В данном контексте важно отметить небольшой процент объектов других погребальных традиций на памятнике Яломан-II, представляющем собой полностью раскопанный ранний булан-кобинский могильник на территории Центрального Алтая.

Расселявшиеся во II в. до н.э. — I в. н.э. в Северном Алтае «дялянцы» представлены мужскими и женскими погребениями, демонстрирующими привилегированный, средний и нижний слои социума. Малочисленные мужские захоронения «берельцев», раскопанные пока только в Северном Алтае, разделяются на социальные модели, соответствующие привилегированной и средней группам общества. Мужчины-«айрыдашцы» принадлежали к привилегированным и к среднему слоям населения булан-кобинской культуры Северного Алтая. В целом носителей айрыдашской, берельской и дялянкой погребальных традиций можно рассматривать в качестве представителей равноправных кланов, составлявших социальную верхушку кочевников Северного Алтая хуннского времени.

Более низкую позицию в этносоциальной стратификации занимала мужская часть носителей карбанской и улуг-чолтухской погребальных традиций, относящаяся к бедной части среднего слоя, а также к нижнему слою. При этом женщины-«карбанцы» могли входить в самый привилегированный слой, что, вероятно, было обусловлено их семейным положением.

Сяньбийское время

На белобомском этапе развития булан-кобинской культуры (II — первая половина IV в. н.э.) происходило усиление стратификации, а также наблюдалась интенсификация взаимодействия разных групп населения. Наиболее ярко это демонстрируют мужские захоронения, подразделяющиеся на восемь социальных моделей. Женская часть скотоводов Алтая во II — первой половине IV в. н.э. представлена четырьмя социальными моделями захоронений.

Доминирующее положение в кланово-племенной организации населения Центрального Алтая в рассматриваемый период сохраняли «яломанцы», хотя среди носителей данной погребальной традиции встречено довольно много мужчин с невысоким социальным статусом, принадлежавших к бедной части среднего слоя, а также к нижнему слою булан-кобинского общества. Достаточно высокий статус в сяньбийское время имели «берельцы» в Центральном Алтае и «айрыдашцы» в Северном и Центральном Алтае. Среди носителей данной традиции нет представителей нижнего социального слоя. Проживавшие на территории Центрального Алтая мужчины-«дялянцы» представлены в основном малоимущим рядовым населением. Только одно захоронение мужчины данной традиции демонстрирует более высокий социальный статус умершего человека.

Наиболее дифференцированными во II — первой половине IV в. н.э. стали носители улуг-чолтухской погребальной традиции, для которых выделено семь социальных моделей мужских и четыре модели женских захоронений. Отдельные мужчины-«улуг-чолтухцы» влились в привилегированный слой, хотя в целом среди них преобладали представители бедной части среднего слоя, а также индивиды, относившиеся к нижнему слою. Материалы некоторых памятников Центрального Алтая демонстрируют тесное взаимодействие их с «яломанцами» (Булан-Кобы-IV, Белый Бом-II), «яломанцами», «дялянцами», «карбанцами» (Бош-Туу-I), «берельцами», «айрыдашцами», «карбанцами» (Степушка), по-видимому, в результате хозяйственных отношений. Показательная ситуация зафиксирована на некрополях Булан-Кобы-IV и Белый Бом-II, где разные по происхождению, но имевшие одинаковый социальный статус мужчины хоронились рядом, в том числе в курганах, пристроенных друг к другу по принципу «сот». Женское население «улуг-чолтухцев» в Центральном Алтае могло поддерживать брачные связи с «яломанцами», «берельцами», «айрыдашцами», «карбанцами», «дялянцами».

Носители карбанской погребальной традиции в сяньбийское время представлены шестью социальными моделями мужских и тремя моделями женских захоронений. В этот период их социальный статус заметно повысился, и они вышли на ведущие позиции в Северном Алтае. С другой стороны, погребения мужчин

«карбанцев» из Центрального, Восточного, Южного Алтая относятся почти исключительно к нижнему слою булан-кобинского общества¹. Данное наблюдение также подтверждают захоронения женщин, среди которых наиболее низкое социальное положение занимали выходцы из Центрального Алтая.

Достаточно сложной представляется объективная оценка места в этносоциальной системе скотоводов Алтая сяньбийского времени «курайцев», погребения которых локализованы пока только в южном и юго-восточном районах рассматриваемого региона. Важно отметить малочисленность раскопанных объектов данной традиции, высокий процент среди них «безынвентарности», наличие в отдельных могилах единичных импортных вещей (украшения, бытовая утварь, детали одежды), в том числе из органических материалов, не зафиксированных в процессе раскопок других памятников Алтая². Судя по имеющимся археологическим данным, курайское взрослое население было слабо дифференцировано и принадлежало к бедной части среднего слоя и к нижнему слою изучаемого общества.

Единичные погребения кок-пашской погребальной традиции из Южного и Восточного Алтая относятся к нижнему социальному слою.

Жужанское время

На верх-уймонском этапе булан-кобинской культуры (вторая половина IV — V в. н.э.) стратификацию общества демонстрируют семь социальных моделей мужских и четыре модели женских погребений.

Элиту населения Центрального Алтая в обозначенный период составляли «яломанцы». По своему статусу им были близки «берельцы» и «айрыдашцы», которые возглавляли локальную группу населения Верхней Катунь и, возможно, контролировали западные и юго-западные границы территории расселения племен булан-кобинской культуры. У населения Северного Алтая в жужанское время на ведущих позициях находились носители дялянкой погребальной традиции.

В этносоциальной структуре скотоводов Восточного Алтая во второй половине IV — V в. н.э. наиболее высокое положение занимали «кок-пашцы». Они, по-видимому, составляли локальную элиту скотоводов, проживавших на данной территории. Им немного уступали «улу-чолтухцы», среди которых имелись как индивиды с максимально привилегированным статусом, так и представители среднего и нижнего слоев изучаемого общества.

Анализируемые археологические материалы показывают, что на заключительном этапе существования булан-кобинской культуры наиболее низкое положение в социальной стратификации имели носители карбанской погребальной традиции, которые проживали в разных частях Алтая. Они представляли население со средним материальным достатком, а также малоимущих рядовых общинников.

¹ Показательно, что на некрополе Бош-Туу-1, содержащем в целом достаточно «бедные» инвентарем мужские погребения разных традиций, предметы вооружения ни разу не обнаружены в могилах «карбанцев».

² Однозначно говорить об их низком социальном положении вряд ли возможно, с учетом того, что на памятнике Курайка раскопан «богатый» детский курган №48, который следует связывать с представителем верхнего слоя булан-кобинского социума.

Обозначенные тенденции корреляции социальных моделей захоронений взрослого населения с погребальными традициями свидетельствуют о заметном влиянии происхождения (клановой принадлежности) на статус в изучаемом обществе. Генезис социальной организации населения Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время определялся сложными формами взаимодействия кланов. Проведенное исследование показывает их неодинаковый статус на определенных этапах существования булан-кобинской культуры в разных районах Алтая, что, вероятно, отражает иерархию племен (кочевий)¹. Клановое подразделение, которое доминировало бы в рамках всего рассматриваемого региона на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э., на имеющихся материалах пока не выделяется.

Социально-имущественная дифференциация не привела к возникновению у «булан-кобинцев» Алтая ранжированного сословного деления, предполагающего устойчивый набор предписаний и правил, жестко регламентирующих, в том числе в наследственной форме, неравенство между людьми. В рассматриваемом обществе сохранялись возможности для вертикальной мобильности благодаря личным качествам, персональным воинским заслугам.

Проблема политогенеза населения Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени

Ключевым фактором политогенеза населения булан-кобинской культуры Алтая было его включение сначала в состав кочевой империи Хунну (II в. до н.э. — I в. н.э.) в качестве одной из северных провинций, затем в орбиту влияния сяньбийских государств (II — первая половина IV в. н.э.), а после этого — во владения Жужанского каганата (вторая половина IV — V в. н.э.). Изменение контроля над регионом со стороны держав центрально-азиатских номадов влияло на развитие этносоциальных процессов.

В хуннуский и сяньбийский периоды руководство племенами² осуществляли, вероятно, главы доминирующих кланов, выступавших одновременно старейшинами кочевых общин. Во время военных действий они выполняли функции выборных военачальников («вождей»). Племя обходилось без политической интеграции, и не исключено, что могло иметь несколько временных руководителей, власть которых была невелика. Роль отсутствовавшего регулярного политического лидера восполнял доминирующий клан, а решения по всем важнейшим вопросам принимал, скорее всего, коллегиальный орган управления (совет племени?).

Приведенный нами вариант реконструкции кланово-племенной структуры типологически максимально сопоставим с хорошо изученной по письменным

¹ Данные образования могут быть представлены территориальными группами погребальных памятников Центрального, Северного, Восточного, Южного и Юго-Восточного, возможно, Западного и Северо-Западного Алтая, среди которых выделяются локальные подгруппы (Верхне-Катунская, Среднекатунская, Нижнекатунская, Урскульская, Чуйская, Ак-Алахинская, Чулышманская, Улаганская, Бухтарминская, Верхне-Чарышская).

² При изучении многих скотоводческих обществ отмечено, что между кланом (родом) и племенем могла существовать еще одна связующая структура, обозначаемая в специальной литературе как фратрия или подплемя (Хазанов, 2002: 220–221). Идентифицировать данный социальный сегмент на археологических материалах не представляется возможным.

источникам моделью, выявленной для ряда кочевых народов, среди которых, например, ухуани, сяньби (Таскин, 1980: 70–71; Материалы..., 1984: 63–64, 327; Крадин, 1993: 33–34, 37–40; 1994: 22–36), монголы XI–XII вв. (Владимирцов, 1934: 79, 80), туркмены (Хазанов, 2002: 292–293).

Переход булан-кобинского общества от акефального устройства к более устойчивой политической организации с развитой военно-иерархической структурой, вероятно, произошел в жужанское время. Важным каналом институционализации и централизации на уровне отдельных племен стало расширение функций военных предводителей и дружины, превращавшихся, по-видимому, в самостоятельную ветвь власти. Однако о формировании служилого слоя в строгом значении этого понятия говорить не приходится.

Анализ археологических источников позволяет сделать вывод об отсутствии на территории Алтая погребальных комплексов, представлявших элиту объединения всех булан-кобинских племен в течение II в. до н.э. — V в. н.э. Социально-политическая верхушка населения была по своему характеру локальной. Таким образом, централизованная социально-политическая организация, какой являлось «суперсложное вождество — раннее государство» скотоводов Алтая скифо-сакского времени (Тишкин, Дашковский, 2003: 223, 287), во II в. до н.э. сменила менее структурированная на общетерриториальном уровне кланово-племенная система. Данная трансформация стала результатом политики метрополий кочевых империй Центральной Азии. Так, в китайских династийных хрониках засвидетельствовано, что хуннские шаньюи и их преемники, заинтересованные в эффективном управлении и эксплуатации покоренных народов, проводили физическое устранение или значительное ослабление местной аристократии, поощряя менее влиятельные родовые группировки, осуществляли насильственное переселение племен, а также практиковали установление во главе завоеванных областей своих наместников или представителей других этносов (Худяков, 1986: 134).

Археологические материалы свидетельствуют, что после северных военных компаний хунну во II в. до н.э. на Алтае исчезла элита населения пазырыкской культуры и произошли кардинальные изменения в расстановке сил местных групп населения при определяющей роли пришлого этнокультурного компонента. Одним из приоритетов «национальной» политики хунну являлось поддержание лидирующих позиций мигрантов и местного, «окраинного», ранее зависимого от «пазырыкцев» населения. Во II в. до н.э. — I в. н.э. в роли таких наместников хунну в Центральном Алтае могли быть «яломанцы» (Тишкин, Матренин, 2007: 50–51; Серегин, Матренин, 2016: 145–147). Для контроля над территорией хунну опирались, кроме того, на собственные военные гарнизоны, которые размещались на южном и юго-восточном рубежах Алтайской горной страны¹. На возможность их присутствия там указывает пункт стационарного гончарного производства на р. Юстыд,

¹ Другая модель взаимоотношений центра и периферии кочевой империи представлена в Туве, где в настоящий момент раскопаны элитные курганы (Бай-Даг-II), принадлежащие хунну или интегрированным в их среду выходцам из местной знати. При всей дискуссионности вопроса о культурной принадлежности этих объектов вполне определенным является факт проживания на Верхнем Енисее представителей метрополии (Николаев, 1992).

а также факты присутствия хуннской керамики в насыпях курганов пазырыкской культуры (Савинов, 1978; Кубарев, Журавлева, 1986; Худяков, 1993: 32). В сяньбийское время «булан-кобинцы», вероятно, обрели большую самостоятельность от номадов Центральной Азии. Отчасти это подтверждается отсутствием существенно выделяющихся по социальному статусу погребений, находящихся только в одном районе Алтая. В дальнейшем сохранение децентрализации горноалтайских племен было также важной частью политики Жужанского каганата.

Заключение

Анализ представительного корпуса археологических материалов, а также корреляция полученных данных со сведениями письменных источников об особенностях организации номадов показывают, что наиболее вероятной формой политического объединения населения Алтая в хуннуско-сяньбийско-жужанское время является «племенная конфедерация» без самостоятельного руководящего центра в лице общего вождя и его аппарата. Статус членов конфедерации в течение II в. до н.э. — V в. н.э., был неодинаковым, что связано с поддержкой метрополиями кочевых империй Центральной Азии разных местных кланов и племен.

Похожая картина этнополитического развития общества скотоводов эпохи поздней древности зафиксирована в письменных источниках, сообщающих об истории ухуаней, которые после поражения от шаньюя Модэ превратились в аморфную этническую общность, не имевшую специализированных органов управления, в то время как их предки — дунху — еще в конце III в. до н.э. были централизованы и возглавлялись одним вождем (Таскин, 1980: 73; Крадин, 1993: 39; 2001: 159).

В заключение можно сделать вывод о том, что социальная организация носителей булан-кобинской культуры Алтая включала несколько типов стратификации (этносоциальная, половозрастная, социально-имущественная, профессиональная), которые имели общие и особенные черты в сравнении с социальными институтами других скотоводческих народов Азии эпохи поздней древности и средневековья. Булан-кобинское общество представлено тремя уровнями социальных организмов: 1) семья и «кочевая» община; 2) клан; 3) племя и племенная конфедерация. На первых двух ступенях социальной интеграции доминировали производственные (хозяйственные) и реальные кровнородственные связи, а на высшей — господствовали неэкономические (генеалогические, политические) отношения.

Возможности дальнейшего исследования социальной истории населения Алтая II в. до н.э. — V в. н.э. связаны с продолжением работы по усовершенствованию приемов анализа погребального обряда для осуществления реконструкций различного характера с опорой на комплексный подход. Важным условием для последующих разработок в этой области является многоплановое изучение антропологических материалов. Выход на решение отдельных проблем невозможен без расширения сферы применения в социальной археологии методов естественных наук, что должно стать делом большего числа специалистов различных дисциплин. Значительные перспективы связаны с масштабными палеогенетическими исследо-

ваниями. Реализация обозначенных направлений позволит перейти на более высокий уровень интерпретационного осмысления уже имеющихся и новых археологических источников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2001.

Крадин Н.Н. Некоторые аспекты этносоциальной истории древних ухуаней. В кн.: Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск: Благовещенский гос. пед. ин-т, 1993. С. 33–41.

Крадин Н.Н. Социальный строй сяньбийской державы. В кн.: Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 22–36.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая. В кн.: Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 101–119.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984.

Николаев Н.Н. К вопросу о реконструкции социальных отношений племен Саяно-Алтая в предтюркское время. В кн.: Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГУ, 1992. С. 82–84.

Першиц А.И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы. В кн.: Война и мир в ранней истории человечества. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. II. Ч. 3. С. 129–231.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая. Краткие сообщения Института археологии, 1978. No. 154, 48–55.

Савинов Д.Г. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств в Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. В кн.: Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск: ОмГУ, 1979. С. 41–45.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Начало исследований некрополя сяньбийско-жужанского времени на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай). Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края, 2018. No. 24, 136–144.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-1). Теория и практика археологических исследований, 2019, No. 4, 51–68.

Таскин В.С. Материалы по истории ухуаней и сяньби. В кн.: Дальний Восток и соседние территории в средние века. История и культура Востока Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 54–78.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Сравнительный анализ погребального обряда населения Горного Алтая скифо-сакского и хуннского времени. Теория и практика археологических исследований, 2007, No. 3, 39–56.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. — V в. н.э. Новосибирск: НГУ, 1993.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время. Археология, этнография и антропология Евразии, 2000, No. 3, 116–131.

REFERENCES

Vladimircov, B.Ya. (1934). *Obshchestvennyj stroj mongolov. Mongol'skij kochevoj feodalizm* [The social system of the Mongols. Mongol nomadic feudalism]. L.: Izd-vo AN USSR.

Kradin, N.N. (2001). *Imperija Hunnu* [Xiungnu Empire]. M.: Logos.

Kradin, N.N. (1993). Nekotorye aspekty etnosocial'noj istorii drevnih uhuanej [Some aspects of the ethnosocial history of the ancient Wuhuans]. In: *Problemy etnokul'turnoj istorii Dal'nego Vostoka i sopredel'nyh territorij* [Problems of the ethnocultural history of the Far East and adjacent territories] (pp. 33–41). Blagoveshhensk: Blagoveshchenskij gos. ped. In-t.

Kradin, N.N. (1994). Social'nyj stroj syan'bijskoj derzhavy [The social structure of the Xianbei state]. In: *Medievistskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii* [Medieval Studies in the Russian Far East] (pp. 22–36). Vladivostok: Dal'nauka.

Kubarev, V.D., Zhuravleva, A.D. (1986). Keramicheskoe proizvodstvo hunnov Altaya [Ceramic production of Altai Xiungnu]. In: *Paleoekonomika Sibiri* [Paleoeconomics of Siberia] (pp. 101–119). Novosibirsk: Nauka.

Masanov, N.E. (1995). *Kochevaya civilizaciya kazahov (osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva)* [Nomadic civilization of the Kazakhs (the basics of the life of a nomad society)]. Almaty: Socinvest; M.: Gorizont.

Materialy po istorii drevnih kochevyh narodov grupy dunhu [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group] (1984). M.: Nauka.

Nikolaev, N.N. (1992). K voprosu o rekonstrukcii social'nyh otnoshenij plemen Sayano-Altaya v predtyurkskoe vremya [On the issue of reconstruction of social relations of the Sayan-Altai tribes in the pre-Turkic time]. In: *Vtorye istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [Second historical readings in memory of M.P. Gryaznov] (pp. 82–84). Omsk: OmGU.

Pershic, A.I. (1994). Vojna i mir na poroge civilizacii. Kochevye skotovody [War and peace on the threshold of civilization. Nomadic pastoralists]. In: *Vojna i mir v rannej istorii chelovechestva* [War and peace in early human history] (pp. 129–231). M: Izd-vo In-ta etnologii i antropologii RAN, 1994. T. II. V. 3.

Savinov, D.G. (1978). O zavershayushhem etape kul'tury rannih kochevnikov Gornogo Altaya [On the final stage of the culture of the early nomads of Gorny Altai]. *Brief reports of the Institute of Archeology*, no. 154, 48–55.

Savinov, D.G. (1979). Ob etnicheskom aspekte obrazovaniya ranneklassovyh gosudarstv v Central'noj Azii i Yuzhnoj Sibiri v epohu rannego srednevekov'ya [On the ethnic aspect of the formation of early class states in Central Asia and Southern Siberia in the early Middle Ages]. In: *Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnyh narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Ethnogenesis and ethnic history of the Turkic-speaking peoples of Siberia and adjacent territories] (pp. 41–45). Omsk: OmGU.

Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2016). *Pogrebal'nyj obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. — XI v. n.e.* [Funeral rite of Altai nomads in the II century BC — XI century AD]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.

Seregin, N.N., Matrenin, S.S. (2020). *Social'naya istoriya naseleniya Altaya v epohu kochevyh imperij (II v. do n.e. — XIV v. n.e.): po materialam arheologicheskikh kompleksov* [Social history of the Altai population in the era of nomadic empires (II century BC — XIV century AD): based on the materials of archaeological complexes]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.

Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Gorbunov, V.V., Matrenin, S.S. (2018). Nachalo issledovanij nekropolya syan'bijsko-zhuzhanskogo vremeni na komplekse Choburak-I (Severnyj Altaj) [Beginning of research into the necropolis of the Xianbei-Rouran period at the Choburak-I complex (Northern Altai)]. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*, no. 24, 136–144.

Seregin, N.N., Tishkin, A.A., Matrenin, S.S., Parshikova, T.S. (2019). Pogrebenie zhuzhanskogo vremeni iz Severnogo Altaja (po materialam mogil'nika Choburak-I) [Burial of the Rouran period from Northern Altai (based on materials from the Choburak-I burial ground)]. *Theory and practice of archaeological research*, no. 4, 51–68.

Taskin, V.S. (1980). Materialy po istorii uhuanej i syan'bi [Materials on the history of the Wuhuan and Xianbei]. In: *Dal'nij Vostok i sosednie territorii v srednie veka. Istoriya i kul'tura Vostoka Azii* [Far East and neighboring territories in the Middle Ages. History and culture of East Asia] (pp. 54–78). Novosibirsk: Nauka.

Tishkin, A.A., Dashkovskij, P.K. (2003). *Social'naya struktura i sistema mirovozzrenij naseleniya Altaya skifskoj epohi* [Social structure and the system of worldviews of the Altai population of the Scythian era]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta.

Tishkin, A.A., Matrenin, S.S. (2007). Sravnitel'nyj analiz pogrebal'nogo obryada naseleniya Gornogo Altaya skifo-sakskogo i hunnuskogo vremeni [Comparative analysis of the fu-

neral rite of the population of Gorny Altai of the Scythian-Saka and Hunnu times]. *Theory and practice of archaeological research*, no. 3, 39–56.

Hazanov, A.M. (2002). *Kochevniki i vneshnij mir* [Nomads and the outside world]. Almaty: Dajk-Press.

Hudyakov, Yu.S. (1986). *Vooruzhenie srednevekovyh kochevnikov Yuzhnoj Sibiri i Central'noj Azii* [Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka.

Hudyakov, Yu.S. (1993). *Arheologiya Yuzhnoj Sibiri II v. do n.e. — V v. n.e.* [Archeology of Southern Siberia of II century BC — V century AD]. Novosibirsk: NGU.

Chikisheva, T.A., Pozdnyakov, D.V. (2000). Antropologiya naseleniya Gornogo Altaya v gunno-sarmatskoe vremya [Anthropology of the population of Gorny Altai in the Xiungnu-Sarmatian time]. *Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2000, no. 3, 116–131.

УДК 81-11

ТЮРКОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА В СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСКИХ КООРДИНАТ¹

А.С. Жанбосинова¹, Ю.А. Лысенко²

¹*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан,*

²*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: sovetuk@rambler.ru, iulia_199674@mail.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)4-08

Представлен анализ развития научно-образовательных и культурно-просветительских тюркологических центров Республики Казахстан. Авторы отмечают, что распад СССР и постсоветские события детерминировали новый формат тюркской интеграции: ТЮРКСОЙ — Международная организация тюркской культуры, пропагандирующая единство тюркских народов на основе общих исторических корней. В связи с этим современные исследователи-тюркологи Казахстана изучают историко-культурное наследие тюркской цивилизации в контексте междисциплинарных проектов с акцентом на международную интеграцию специалистов в данной области. Не менее важным трендом современной казахстанской тюркологии является реализация ведущими высшими учебными заведениями страны образовательных программ многоуровневой подготовки по специальности «тюркология».

Ключевые слова: *тюркология, тюркский мир, международные тюркологические организации, Казахстан, евразийство, научные и образовательные центры*

TURKOLOGY OF KAZAKHSTAN IN THE SYSTEM OF EURASIAN COORDINATES

A.S. Zhanbosinova¹, Yu.A. Lysenko²

¹*Eurasian National University named after L. Gumilyova, Nur-Sultan, Kazakhstan*

²*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: sovetuk@rambler.ru, iulia_199674@mail.ru*

The article presents an analysis of the development of scientific, educational, cultural and educational Turkic centers of the Republic of Kazakhstan. The authors have noted that the collapse of the USSR and post-Soviet events determined a new format of Turkic integration, like TURKSOY — the International Organization of

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект 748715Ф.99.1.ББ97АА00002 «Тюрко-монгольский мир „Большого Алтая“: единство и многообразие в истории и современности» (отдельный раздел финансирования).

Turkic Culture, which promotes the unity of Turkic peoples on the basis of common historical roots. In this regard, modern researchers-Turkologists of Kazakhstan are studying the historical and cultural heritage of the Turkic civilization in the context of interdisciplinary projects with an emphasis on the international integration of specialists in this field. An equally important trend of modern Kazakh Turkology is the implementation of educational programs of multilevel training in the specialty «Turkology» by the country's leading higher educational institutions.

Keywords: Turkology, the Turkic world, international Turkic organizations, Kazakhstan, Eurasianism, scientific and educational centers

Введение

Современная геополитическая ситуация определяет не только мировой порядок, но и диктует политическую моду. Одним из самых популярных трендов в мировом пространстве являются понятия, связанные с корнем «тюрк» — тюркология, тюркский мир, включая все «измы» — тюркизм, пантюркизм и пр. Чем обусловлен столь явный интерес к тюркам и тюркологии?

Безусловно, тюркский фактор на протяжении тысячелетий играл важную роль на просторах Евразии и за ее пределами. Тюрки составляют значительную часть населения Российской Федерации и большинство Средней Азии, Кавказа. Постсоветское тюркское пространство представлено пятью независимыми государствами, среди них Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан. По последним данным тюркский мир занимает территорию от Адриатического моря до Китая, состоит из 38 тюркских народов с численностью более 300 миллионов человек (Тюркский мир усиливается, 2019).

Международные организации и научные центры

Распад СССР и постсоветские события детерминировали новый формат тюркской интеграции, это ТЮРКСОЙ — Международная организация тюркской культуры, пропагандирующая единство тюркских народов на основе общих исторических корней. Немалую роль в тюркском политическом пространстве играет Казахстан, поскольку еще в далекой древности стратегически важное положение государства определило его как транзитно-миграционный хаб, транзитный коридор. Практически все миграционные потоки тюрков проходили по степным просторам Казахстана, сформировав сухопутные маршруты, Великий шелковый путь. Казахстан тесно связан с ТЮРКСОЙ, еще в 1993 г. было принято решение о совместном возрождении тюркской культуры во взаимодействии с тюркскими государствами. Штаб-квартира Международной тюркской организации находится в Анкаре. Не все так гладко и однозначно в культурных инициативах Турции, не всем среднеазиатским республикам по нраву пришлось этнонимическое обозначение по отношению к их народу: «внешние тюрки», и более дерзкое — «узбекский турок» и т.д.

Объединяющее начало тюркской интеграции Казахстана заложила в 2008 г. Парламентская Ассамблея тюркоязычных государств (ТЮРКПА) как результат Стамбульского соглашения четырех государств (Казахстан, Азербайджан, Кырзы-

стан, Турция). Вероятно, полизитированность Ассамблеи не позволила активизироваться более тесным культурно-образовательным контактам, что дало толчок новым консолидирующим центрам, как, например, Тюркская академия, открытие которой состоялось 25 мая 2010 г. в Астане во Дворце Мира и Согласия. 27 августа 2014 г. Тюркская академия получила международный статус.

Академия действительно стала связующим международным политическим и научно-образовательным, культурным центром, в рамках которого предпринимались шаги по написанию единой тюркской истории с древнейших времен до XV в. Особое внимание Академия уделяет научным исследованиям об истории тюркского мира, тюркской государственности, тюркского языка, литературы, культуры, изучению вклада тюрков в мировую сокровищницу культуры, поиску, исследованию и введению в научный оборот уникальных тюркских источников.

Академия стала связующим координационным центром тюркологов мира, инновационным стало онлайн-заседание совета кафедр тюркологии университетов тюркского мира с участием руководителей институтов языкознания, заведующих и профессоров кафедр тюркологии высших учебных заведений Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Турции, Узбекистана, Венгрии и Монголии, а также Алтая, Башкортостана и Татарстана (РФ), состоявшееся 27–28 мая 2020 года. Помимо обсуждения общих проблем, типичных для научных кафедр, были озвучены вопросы, связанные с дисциплиной «Тюркология», необходимостью применения междисциплинарного подхода в ее преподавании с выходом за пределы лингвистических границ.

Масштабная научная и издательская деятельность академии впечатляет: например, одно из ярких мероприятий — онлайн-конференция «Цивилизация Великой степи: наследие Тоньюкука и современный тюркский мир», где был представлен сборник текста памятника Тоньюкука на 12 языках, сопровождающихся транскрипцией, опубликованы «Этимологический словарь тюркских языков», «Древнетюркский словарь» и др.

В Казахстане действуют:

- Институт языкознания им. А. Байтурсынова КН МН РК;
- Научно-исследовательский центр тюркологии и алтаистики» при ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, рук. Каржаубай Сарткожаулы;
- Центр тюркологии КазНУ имени аль-Фараби;
- Центр тюркологии имени Немата Келимбетова КазНПУ им. Абая;
- Центр тюркологии и археологии Таразского инновационно-гуманитарного университета;
- Читальный зал тюркологии имени тюркологов Немата Келимбетова и Бейсембая Кенжебаева в Национальной академической библиотеке;
- Ассоциация тюркологии, алтаистики, монголистики.

Институт языкознания им. А. Байтурсынова реализует масштабные научные проекты, готовит научные кадры тюркологов-лингвистов. Вышеуказанные центры занимаются научными исследованиями, проводят международные форумы, симпозиумы, конференции, семинары, выставки, совместные экспедиции. Лингвисти-

ческий уклон казахстанской тюркологии имеет в некотором смысле свои плюсы, например, кафедра тюркологии Евразийского Национального университета имени Л.Н. Гумилева занимается сохранением 10 языков тюркских этносов путем транскрибирования, документирования, архивирования в научном виде. Основная цель проектной деятельности заключалась в создании базы данных, изучении взаимодействия тюркских языков в Казахстане. По данным эксперта С. Тажибаевой сейчас в мире более 40 тюркских этносов, из них 25 проживают в Казахстане, из них около 10 языков этих этносов находятся на грани исчезновения (Таныркулова, 2014).

Лучшие исследователи Казахстана удостоиваются премии имени Кюль-тегина за выдающиеся достижения в области тюркологии. Казахстанская тюркология накопила значительный объем научно-исследовательской материала в области языкознания, истории, культуры, археологии.

Среди наиболее авторитетных тюркологов Казахстана чаще всего упоминаются директор Института языкознания им. Ахмета Байтурсынова доктор филологических наук профессор Ерден Задаулы Кажыбек, Мырзатай Жолдасбеков, который за выдающиеся достижения в области тюркологии был удостоен премии имени Кюль-тегина, Нурила Габбасовна Шаймердинова, Рабига Сатигалиевна Сыздык, Александр Николаевич Гаркавец, именно он утверждал, что на кыпчакском языке — прародителе казахского языка — 700 лет назад говорили все, кто проживал на территории от Алтая до Дуная, а также в Египте, где доминировали сородичи-кыпчаки. Другими словами, кыпчакский на евразийском пространстве выполнял роль английского в современном мире.

Не можем не сказать об Олжасе Сулейменове, исследователь тюркизмов в языках и письменностях древних народов, его знаменитом «Аз и Я».

Научно-исследовательская практика тюркологии

Нацестроительство современного Казахстана, попытка формирования идентичности на основе этничности, с одной стороны, гражданственности — с другой, обусловили обращение к историческим корням, культурной памяти. С разницей в несколько лет появились три программных документа, определившие содержание внутренней политики государства, в том числе науки, культуры, образования:

- «Мангилик Ел».
- «Рухани жаңғыру» — «Модернизация общественного сознания».
- «Семь граней Великой степи».

Одновременно был запущен проект «Тюркская цивилизация: от истоков к современности».

В большей степени указанные выше документы оказали влияние на гуманитарные науки, приобретя статус приоритетов в исследовательских направлениях. Одним из таких в конкурсной документации на грантовое финансирование на 2018–2020 гг. стало: «Научные основы «Мәңгілік ел» (образование XXI в., фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук)», внутри которой выделены специализированные направления:

1. Фундаментальные и прикладные исследования проблем модернизации общественного сознания:

- Новое гуманитарное знание.
- Туған жер. Общенациональное единство, мир и согласие.
- Духовные святыни Казахстана. Сакральная география Казахстана.
- Общность истории, культуры и языка. Современная казахстанская культура в глобальном мире.

Это же направление в конкурсной документации на 2020-2022 гг., содержало несколько иные направления:

2. Фундаментальные, прикладные, междисциплинарные исследования проблем образования, науки, культуры и спорта в XXI в.:

- Исследования в области модернизации образования и науки. Культурное наследие и современная культура Казахстана в глобальном мире.
- Фундаментальные, прикладные, междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук.
- Новое гуманитарное знание. Синергетические исследования в области гуманитарных наук.
- Туған жер. Общенациональное единство, мир и согласие.
- Духовные святыни Казахстана. Сакральная география Казахстана.
- Общность истории и культуры, литературы и языка, традиций и ценностей в условиях модернизации общества.
- Семь граней Великой степи: наследие и истоки духовной модернизации общества.
- Абаеведение. Творческое наследие Абая в системе современного общественно-гуманитарного знания.
- Фарабиеведение.
- Исследования по Золотой орде.

В конкурсной документации на 2020–2023 гг. указанные выше приоритеты обрели системно-научный облик, актуализировав все предыдущие в точечных специализациях:

3. Фундаментальные, прикладные, междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук:

- Великие имена и великие эпохи: наследие аль-Фараби, Абая и Золотой Орды.
- Новое гуманитарное знание. Синергетические исследования в области гуманитарных наук.
- Туған жер. Общенациональное единство, мир и согласие.
- Духовные святыни Казахстана. Сакральная география Казахстана.
- Общность истории и культуры, литературы и языка, традиций и ценностей в условиях модернизации.
- Семь граней Великой степи: наследие и истоки духовной модернизации общества.
- Культурное наследие, искусство, современная культура, культурные индустрии Казахстана.

Специализированные направления служат своеобразными индикаторами нациестроительства, формируя историко-культурную преемственность во взаимосвязи с кочевыми государственными союзами. Обратим внимание на ключевую фразу: «Общенациональное единство, мир и согласие», в основу которой положе-

но единство происхождения, общность культуры и языка в тесной взаимосвязи с глобальным миром, с духовными истоками и духовным наследием, «Фарабиеведение», «Золотая Орда» и пр. Последнее не менее важно ввиду президентского послы К. Токаева: «Золотая Орда и евразийство являются важными элементами культурного кода казахов». И не только казахов, золотоордынская эпоха подтолкнула все тюркоязычные народы, оказавшихся в орбите ее государственности, к формированию этничности. Именно с этой величественной «коммунальной квартиры» начался первый парад этногосударственной суверенности тюркских племен Евразии. О прямой исторической связи казахского народа, а также ногайского, опираясь на источники, говорит А. Кушкумбаев. В частности, общим для них является название улуса Джучи, сохранившееся в исторических преданиях «Ұлығ Ұлыс» (Великое государство), именно так оно звучало в официальных золотоордынских документах. А в XIX в. в культурной памяти указанных народов золотоордынская эпоха называлась «Ноғайлы заманы» (эпохой Ногайлы). Ученый утверждает, что история казахов, ногаев, татар, башкир и многих других тюркских народов как наследников Улуг Улуса — это продолжение истории Улуса Джучи — Золотой Орды (Семь граней великой степи, 2018).

Отметим, что в мае 2019 г. прошел большой форум «Великая Степь: культурное наследие и роль в мировой истории», где отдельная панельная сессия была посвящена 750-летию Золотой Орды. В работе форума приняли участие представители зарубежных научно-исследовательских центров, в том числе казахских. А. Кушкумбаев полагает, что в целях координации научной работы исследователей по изучению Золотой Орды необходимо создание отдельного научного центра. По теме Золотой Орды были реализованы научные проекты при грантовой поддержке КН МОН РК «Духовный мир Золотой Орды» (Международный Казахско-турецкий университет им. Ходжи Ахмета Ясави, рук. Е. Сарсенулы.); «Тюрко-кипчакский пласт в культуре Египта» (КазНУ им. аль-Фараби, рук. Б. Джубатова)

Основные научные приоритеты направлены на изучение: языкознания, истории, культуры — «Древнетюркские рунические памятники», «Руническая письменность: происхождение и функционирование в Степном ареале Евразии», «Кыпчаки: история, культура и язык в армянской графике», «Взаимодействие тюркских языков и культур в постсоветском Казахстане», «Морфонологическая характеристика языка древнетюркских памятников», «История формирования казахского языка», «Традиционная культура народов Центральной Азии в этно-лингво-контактологическом аспекте исследования», «Модернизация культурного наследия Великого шелкового пути на основе комплексного исследования памятников культуры (на примере Туркестанского региона)»; политики, религии — «Историко-культурное наследие тюркских народов Казахстана — как ресурс устойчивого развития полиэтнических и межконфессиональных отношений в республике», «Тюркский геополитический феномен».

Особо отметим, что в последнее время на уровне правительства позиционируется роль и место Туркестана как одного из древнейших городов Казахстана, имиджмейкеры представляют его духовной святыней для тюркского мира. Плано-

мерная работа по изменению статуса Туркестана, начиная с изменения названия области с Южно-Казахстанской на Туркестанскую, вполне соответствует специализированному направлению «Духовные святыни Казахстана. Сакральная география Казахстана». Тезис Н. Назарбаева, что Туркестан может стать «платформой для центральноазиатской интеграции», свидетельствует об усилении конкуренции за лидерство в Центральной Азии. Значительный объем финансирования Туркестана, масштабность запланированного строительства говорит о желании представить его неформальной столицей тюрко-мусульманского мира. В завершение по Туркестану процитируем узбекского эксперта Ф. Толипова: «Это не „вклад в конкуренцию за лидерство Казахстана в Центральной Азии“, а вклад в интеграцию стран ЦА: Туркестан — интеграционный город. В одном Университете им. Яссауи учатся студенты из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и других стран» (О возможном переносе столицы в Туркестан, 2020). На протяжении тысячелетий город Туркестан был культурным центром тюркских насельников, его возрождение даст импульс тюркской интеграции.

Анализ научных приоритетов на грантовое финансирование фокусирует внимание исследователей на содержании трех программных документов, где наблюдается актуализация тюркологии как междисциплинарной отрасли научного знания. В большей степени акцент сделан на статью Н. Назарбаева «Семь граней Великой степи», бесспорно, ее содержание отличается от предыдущих программных документов. Во-первых, впервые на уровне главы государства говорилось о кризисе европоцентристского подхода в исследовательской практике исторической науки: «Европоцентристская точка зрения не позволяла увидеть того реального факта, что саки, гунны, прототюркские этнические группы были частью этногенеза нашей нации». Визуальный образ статьи направлен на формирование исторического знания сквозь призму национального и многонационального, пространство Казахстана представлено как огромный сетевой концентратор, связавший прототюркские и тюркские племена, давшие новую жизнь этносам и государствам (Семь граней Великой степи, 2018).

Этнокультурный код статьи — ключевая фраза «Казахстан — колыбель тюркской цивилизации», все исследовательские практики направлены на:

- выдающиеся личности Великой степи — «Ұлы Дала тұлғалары, для решения задачи предполагалось привлечь международных партнеров;
- древнее искусство и технологии Великой степи, археологические изыскания, реконструкцию и репрезентацию исторического прошлого через создание музеев;
- степной фольклор и музыку; междисциплинарные изыскания на стыке истории, филологии, устной истории, музыки.

В Казахстане повсеместно активизировались археологические экспедиции, поддержанные не только грантами КН МОН РК, МК РК, но и региональной властью. Колоссальная работа казахстанских археологов продемонстрировала, что древние племена горного Алтая жили не только на смежных территориях современной России, Монголии и Восточного Казахстана, но и в Жетысу. А еще определен путь их миграции, по которому они кочевали на запад. По мнению археологов, этот

путь в дальнейшем использовали гунны во времена Великого переселения народов, а позже он превратился в ветку Великого шелкового пути (Сенсационное открытие..., 2020).

630 миллионов тенге на раскопки, музеефикацию некоторых курганов выделил Акимат ВКО. Четырехлетняя программа развития научно-исследовательских работ в сфере археологии в Восточном Казахстане дала свои плоды: помимо найденных 25 тысяч единиц артефактов, большая часть которых была сделана из золота, были обнаружены в некрополе Шиликты в Зайсанском районе элитарное захоронение воина, облаченного в расшитые золотом одежды; в Береле, названном Долиной царей, — останки «Степной амазонки» — женщины-воина (III в. до н.э.); в Тарбагатайском районе в некрополе Елеке-сазы еще один золотой человек раннесакского периода (Осипова, 2019).

Результаты археологических раскопок свидетельствуют о связи древних насельников Казахстана с Алтаем, наличии общего тюркского пространства и тесного взаимодействия этнокультурного кода тюрков.

Особое внимание в научных приоритетах на грантовое финансирование уделено латинизации, или переводу письменности Казахстана на латиницу. Идея Н. Назарбаева о переходе на латинскую графику является первоосновой программы «Модернизация общественного сознания». В феврале 2018 г. был утвержден вариант казахского алфавита, основанный на латинской графике. Основной довод, что переход на латиницу поможет Казахстану более тесно сблизиться с тюркскими народами, войти в мировую цивилизацию, вызывает серьезные сомнения и опасения. Опыт использования латиницы в Казахской ССР уже был, как и в республиках Средней Азии в советский период (Васильев, 2016). Поможет ли переход на латинскую графику в Казахстане тюркоязычному пространству, сказать сложно, сблизит он тюрков, или станет тормозом, вероятно, покажет время (Сулейманов, 2017).

Подготовка кадров тюркологов

Научно-образовательные кадры тюркологов готовятся в крупных университетах: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахский национальный университет им. аль-Фараби. Подготовка идет по трем образовательным ступеням обучения: бакалавриат, магистратура, докторантура. У каждого университета есть свой набор образовательных программ, индивидуальная траектория студента определяется не только предложенными вариантами вуза, но и наличием профессиональных кадров.

Каждая программа нацелена на подготовку специалиста-тюрколога, обладающего интегративными знаниями по специальности. Междисциплинарная подготовка тюркологов включает в обязательном порядке сочетание истории, археологии, филологии, языкознания, этнологии, этнографии, политологии, культурологии и пр. Несомненный плюс всех образовательных программ — изучение тюркских языков, например, в КазНУ — турецкий язык.

Бакалавры тюркологии, согласно содержанию ОП, могут работать в качестве преподавателя; эксперта-тюрколога; эксперта по международным связям; редактора в тюркских СМИ, переводчика и пр. Практически во всех образовательных про-

граммах по подготовке тюркологов присутствуют дисциплины «Введение в тюркологию», «Памятники рунической письменности». В Евразийском университете на базе кафедры тюркологии действует республиканская учебно-методическая секция по специальности «Тюркология». Кафедрой тюркологии ЕНУ им. Л.Н. Гумилева руководит известный тюрколог, доктор филологических наук, профессор М. Жолдасбеков, имеющий собственную научную школу «Дала өркениеті». Кафедра выпускает тюркологов бакалавров, магистрантов, докторантов, а также есть подготовка филологов (тюркские языки). Профессорско-преподавательский состав кафедры представлен докторами, кандидатами наук, большинство которых имеет филологическое образование, соответственно тюркологи в большей степени получают лингвистическую подготовку.

Вместе с тем научный потенциал кафедры обеспечивает качественную подготовку тюркологов в сочетании с научно-исследовательской практикой кафедры, направленной на изучение рунических и армяно-кыпчакских памятников, истории западно-тюркского каганата, истории и культуры современных тюркских народов.

Тематика докторских и магистерских диссертаций сочетает междисциплинарные исследовательские линии, например: «Мифические персонажи (личности) в тюркских эпосах», «Заимствованные монголизмы в тюркских языках: историко-культурные аспекты», «Роль чагатайского языка в формировании казахского литературного языка», «Образ волка в фольклоре тюркских народов», «Властный дискурс в древнетюркской картине мира» и др. (Кафедра тюркологии, 2020).

В КазНУ им. аль Фараби действует кафедра ТЮРКСОЙ, обеспечивающая выпуск бакалавров, магистрантов, докторантов тюркологов.

Таким образом, в Республике Казахстан накоплен значительный опыт по изучению и сохранению историко-культурного наследия народов тюркского мира. Евразийская идея на современном этапе может выступить новым импульсом для расширения международных исследований данной проблематики. В совокупности это открывает большие перспективы для исследовательской, образовательной практики в области тюркологии в рамках совместных международных проектов, можем утверждать: раз есть «Новая историческая наука», значит, есть место и новой тюркологии — «Новой истории тюрков».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Васильев Д. Аэроплан «Октябрьский алфавит» (Новые источники по истории реформы тюркских алфавитов 1920–1930-х гг.). Астана, 2016.

Кафедра тюркологии. 2020. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева. URL: <http://fmo.enu.kz/subpage/tyurkologiya-kaf> (дата обращения: 12.10.2020).

О возможном переносе столицы в Туркестан. Что может подтолкнуть Назарбаева на этот шаг? 2020. URL: <https://knews.kg/2020/10/01/o-vozmozhnom-perenose-stolitsy-v-turkestan-chto-mozhet-podtolknut-nazarbaeva-na-etot-shag/> (дата обращения: 12.10.2020).

Осипова И. Археологические раскопки в ВКО обошлись в 630 миллионов тенге. 2019. URL: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2019-09/arkheologicheskie-raskopki-v-vko-oboshlis-v-630-mln-tenge> (дата обращения: 12.10.2020).

Сенсационное открытие сделали археологи в Алматинской области. 2020. URL: https://forbes.kz/news/2020/07/01/newsid_228537 (дата обращения: 12.10.2020).

Семь граней великой степи: Статья Главы государства. 2018. URL: <https://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi> (дата обращения: 12.10.2020).

Сулейманов Джавдет Ш. Об алфавитах для тюркских языков. *Concorde*, 2017, No. 3, 11–22.

Таныркулова А. В РК занимаются сохранением 10 языков тюркских этносов путем изучения и занесения в базу данных. 2016. URL: <https://strategy2050.kz/ru/news/34034/big/> (дата обращения: 01.10.2020).

Тюркский мир усиливается... 2019. URL: <https://platon.asia/analitika/tyurkskij-mir-usilivaetsya> (дата обращения: 08.10.2020).

REFERENCES

Vasil'ev, D. (2016). *Aeroplan «Oktyabr'skij alfavit» (Novye istochniki po istorii reformy tyurkskih alfavitov 1920–1930-h gg.)* [Airplane “October Alphabet” (New sources on the history of the reform of the Turkic alphabets of the 1920s–1930s)]. Astana.

Kafedra tyurkologii. (2020). *EvrAzijskij nacional'nyj universitet imeni L.N. Gumileva*. [Department of Turkology...]. Available at: <http://fmo.enu.kz/subpage/tyurkologiya-kaf>. (Accessed 12 October 2020).

O vozmozhnom perenose stolicy v Turkestan. Chto mozhet podtolknut' Nazarbaeva na etot shag? (2020). [About the possible transfer of the capital to Turkestan. What can push Nazarbayev to take this step?]. Available at: <https://knews.kg/2020/10/01/o-vozmozhnom-perenose-stolitsy-v-turkestan-chto-mozhet-podtolknut-nazarbaeva-na-etot-shag/>. (Accessed 12 October 2020).

Osipova, I. (2019). *Arheologicheskie raskopki v VKO oboshlis' v 630 millionov tenge* [Archaeological excavations in East Kazakhstan region cost 630 million tenge]. Available at: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2019-09/arkheologicheskie-raskopki-v-vko-oboshlis-v-630-mln-tenge>. (Accessed 12 October 2020).

Sensacionnoe otkrytie sdelali arheologi v Almatinskoj oblasti (2020). [A sensational discovery was made by archaeologists in the Almaty region]. Available at: https://forbes.kz/news/2020/07/01/newsid_228537. (Accessed 12 October 2020).

Sem' granej velikoi stepi: Stat'ya Glavy gosudarstva (2018). [Article of the Head of State «Seven Facets of the Great Steppe»]. Available at: <https://www.akorda.kz/ru/events/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi>. (Accessed 12 October 2020).

Sulejmanov, Dzhavdet Sh. (2017). *Ob alfavitah dlya tyurkskih yazykov* [Suleymanov About alphabets for Turkic languages]. *Concorde*, No. 3, pp. 11–22.

Tanyrkulova, A. (2016). *V RK zanimayutsya sohraneniem 10 yazykov tyurkskih etnosov*

putem izucheniya i zaneseniya v bazu dannyh [In the Republic of Kazakhstan, they are engaged in the preservation of 10 languages of the Turkic ethnic groups by studying and entering into the database]. Available at: <https://strategy2050.kz/ru/news/34034/big/>. (Accessed 12 October 2020).

Tyurkskij mir usilivaetsya... (2019). [The Turkic world is strengthening...]. Available at: <https://platon.asia/analitika/tyurkskij-mir-usilivaetsya>. (Accessed 1 October 2020).

УДК 94(574) + 61(574)

ОРГАНИЗАЦИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕДИКО-ВРАЧЕБНОЙ ПОМОЩИ КРЕСТЬЯНАМ-ПЕРЕСЕЛЕНЦАМ АКМОЛИНСКОЙ И СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ СТЕПНОГО КРАЯ (80-е гг. XIX — НАЧАЛО XX в.)¹

А.И. Власова

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: for.ann.annie@yandex.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-09

На основе широкого круга источников анализируется процесс организации и обеспечения медико-врачебной помощи крестьянам-переселенцам в Акмолинской и Семипалатинской областях Степного края Российской империи. Отмечается, что в 80-е гг. XIX в. на законодательном уровне был отрегулирован процесс крестьянского переселения в азиатскую часть страны, что значительно увеличило миграционные потоки. Организация и контроль за переселением были возложены на специально созданное в 1896 г. при МВД Переселенческое управление. Выявлено, что одной из центральных задач его работы стала организация медико-санитарной помощи переселенцам по пути следования на места выдворения. Практическая реализация данной задачи нашла выражение в создании специальных медико-санитарных пунктов на железнодорожных станциях, на которых останавливались железнодорожные составы, осуществлявшие перевозку переселенцев. Они были обеспечены медицинским персоналом, медикаментами и медицинским оборудованием. В переселенческих распределительных пунктах, куда прибывали переселенцы, создавались врачебно-питательные центры, оказывавшие прибывшим медицинскую помощь, предоставлявшие горячее питание и чистую воду. Подчеркивается, что в процессе организации и деятельности врачебно-питательных пунктов Переселенческому управлению пришлось столкнуться с рядом проблем, главной из которых являлась нехватка медицинского персонала. Тем не менее благодаря созданной медико-санитарной службе, профессиональной деятельности медицинского персонала Переселенческому управлению удалось поставить под контроль эпидемиологическую ситуацию и снизить процент смертности среди переселенцев по пути их следования на места выдворения.

Ключевые слова: *медицинская помощь, медико-санитарная служба, Переселенческое управление, крестьянская миграция, медицинские кадры, Акмолинская область, Семипалатинская область*

¹ Статья подготовлена за счет средств Совета по грантам Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ (НШ-2693.2020.6 «Государственное регулирование социальных процессов в центрально-азиатском регионе России имперского и советского периодов»).

ORGANIZATION AND PROVISION OF MEDICAL AND MEDICAL ASSISTANCE TO PEASANTS- MIGRANTS OF AKMOLINSKII AND SEMIPALATINSKII REGIONS OF THE STEPPE TERRITORY (80 YEARS OF THE XIX — EARLY XX CENTURY)

A.I. Vlasova

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: for.ann.annie@yandex.ru*

Based on a wide range of sources, the article analyzes the process of organizing and providing medical care to peasant migrants in the Akmolinski and Semipalatinskii regions of the Steppe Territory of the Russian Empire. It is noted that in the 80s XIX century at the legislative level it has been adjusted peasant resettlement process in the Asian part of the country, which greatly increased the migratory flows. The organization and control over the resettlement were entrusted to the Resettlement Administration, which was specially created in 1896 under the Ministry of Internal Affairs. It was revealed that one of the central tasks of its work was the organization of medical and sanitary assistance to displaced persons on the way to the places of expulsion. The practical implementation of the task found expression in the creation of special medical and sanitary points at railway stations, where the trains, which transported the migrants, stopped. Such trains were provided with medical personnel, medicines and medical equipment. In the resettlement distribution points where the settlers arrived, medical and nutritional centers were created. This centers providing medical assistance to the newcomers, providing hot meals and clean water. It is emphasized that in the process of organizing and operating the medical and nutritional centers, the Resettlement Administration had to face a number of problems, the main of which was the lack of medical personnel. Nevertheless, thanks to the established medical and sanitary service and the professional activity of medical personnel, the Resettlement Administration managed to bring the epidemiological situation under control and reduce the percentage of mortality among the migrants on their way to the places of exclusion.

Keywords: *medical assistance, health care service, Resettlement Administration, peasant migration, medical personnel, Akmolinskii region, Semipalatinskii region*

Завершение присоединения Степного края к Российской империи совпало с буржуазными реформами 60–70-х гг. XIX в. В 1861 г. в Российской империи было отменено крепостное право. Совершив выкупной платеж, крестьяне получали возможность переезда в малонаселенные районы. Одним из регионов выхода переселенцев стали Акмолинская и Семипалатинская области Степного края. Массовый характер движение крестьян в азиатскую Россию приобрело в 80-е гг. XIX в. в связи с урегулированием данного процесса на законодательном уровне. В 1881 г. прави-

тельство России издало «Временные правила по переселению в киргизские степи сельских обывателей» (Анифимов. 1983: 208–221), на основании которых крестьянам-переселенцам гарантировалось землеустройство из расчета 30 десятин земли на мужскую душу.

В 1889 г. было разработано и утверждено Положение «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли и о порядке причисления лиц означенных сословий, переселившихся в прежнее время» (Полное собрание законов Российской империи, 1889: 619), которое допускало переселение только с предварительного разрешения министра внутренних дел. Кроме этого, Положение вводило дополнительные льготы переселенцам, в том числе освобождение от воинской повинности и выплаты налогов, предоставление беспроцентных ссуд на развитие хозяйства. Не менее важным стал тот факт, что по Положению переселенцам гарантировалась материальная поддержка по пути следования (50%-я скидка от стоимости билетов), оказание медико-санитарной помощи и организация горячего питания.

Организация и оказание медико-санитарной помощи переселенцам стали необходимой мерой, к которой было вынуждено прибегнуть государство. Действительно, в ходе переселения крестьяне встречались не только с большими материальными, моральными и финансовыми проблемами. Переселение крестьян нередко сопровождалось вспышками заболеваний, связанных с большим скоплением пассажиров в вагонах железнодорожных составов и в переселенческих распределительных пунктах, куда они прибывали, с отсутствием горячего питания. Ситуация усугублялась несоответствием вагонов санитарным требованиям. Именно поэтому на государственном уровне было принято решение об организации на железнодорожных станциях врачебно-питательных пунктов, которые впоследствии стали необходимы и местным жителям для оказания амбулаторной помощи больным (Кауфман, 1905).

Проблемы становления и развития медико-санитарной службы в Российской империи достаточно исследованы в российской историографии. Широкий спектр вопросов, связанных с данной проблематикой нашел отражение еще в дореволюционной периодике и специально посвященных ей научных трудах. Так, врач-гигиенист М.Я. Капустин в своем исследовании приводил анализ основных направлений земского здравоохранения в 60–80-е гг. XIX в. Автор достаточно подробно описывал становление и развитие стационарной медицинской помощи населению, а также рассматривал процесс и динамику развития земской медицины в первые годы после ее образования (Капустин, 1889).

И.И. Моллесон в работе «Земская медицина» на основе детального анализа демографических показателей рождаемости и смертности населения изучал заболеваемость и эпидемиологическую обстановку в различных губерниях Российской империи, организацию и подготовку медицинских кадров. Среди причин высокой смертности населения империи он выделял прежде всего низкий уровень соблюдения санитарно-гигиенических норм в населенных пунктах, неблагоприятную эпидемиологическую среду (нечистые воды, неотлаженность системы удаления город-

ских нечистот и т.д.) (Моллесон, 1871). В то же время И.И. Моллесон считал, что в на рубеже XIX–XX вв. в Российской империи была создана достаточно эффективная система здравоохранения, которой не было аналогов в мире.

Отдельные исследования дореволюционного периода были посвящены процессу формирования в Российской империи сети медицинских учреждений. В них приводятся обобщенные сведения о количестве и качестве лечебных учреждений, составе и квалификации медицинского персонала, а также о различных аспектах земской медицины: организации оспопрививания, санитарно-профилактической деятельности и т.д. (Жбанков, 1894: 546–551).

Вопросы предоставления медицинской помощи переселенцам в России в период Столыпинской реформы нашли отражение в ряде исследовательских работ дореволюционного периода. Так, А.А. Кауфман, являвшийся крупнейшим специалистом по переселению, в своих экономических исследованиях уделял значительное внимание проблемам адаптации переселенцев, анализу развития их хозяйств, а также социально-бытовым условиям жизни переселенцев на новых местах. Он формировал практические рекомендации правительству и региональным органам власти, связанные с улучшением условий для переселения, акцентируя внимание на совершенствовании медико-санитарной службы (Кауфман, 1905).

Развитие медико-санитарной службы в отдельных регионах Российской империи в дореволюционной историографии представлено фрагментарно. Относительно Степного края можно выделить несколько работ. Так, врач Санниковского переселенческого пункта С.Б. Немцов в своем труде собрал и обобщил данные по истории возникновения и развития врачебно-питательных пунктов по линии Транссибирской железной дороги. Автор детально рассмотрел несколько врачебно-питательных пунктов в Акмолинской области, подробно описал их деятельность и оснащение. С.Б. Немцов отмечал, что практически все пункты были стационарными и обладали функцией амбулаторного и стационарного лечения. При каждом пункте находились больничные койки, средства для дезинфекции одежды, а также вода хорошего качества, которую, как правило, добывали из колодцев (Немцов, 1911).

В советский период изучением здравоохранения в Степном крае занимался В.А. Скопа. В ряде работ исследователь, рассматривая организацию и деятельность Переселенческого управления Семипалатинской области в сфере агрономии, ветеринарии, обеспечения населения продовольствием, уделял внимание и созданию им медико-санитарной службы. В.А. Скопа признавал, что врачебная помощь, оказываемая Переселенческим управлением, была одним из важнейших направлений деятельности этой организации (Скопа, 2017).

В целом следует отметить, что в российской историографии не представлено полномасштабных исследований, отражающих динамику становления и развития медико-санитарной службы в Степном генерал-губернаторстве. Отдельные сюжеты данной проблемы представлены фрагментарно, в контексте анализа общероссийской ситуации данной проблемы или в контексте анализа деятельности Переселенческого управления. Ряд работ дореволюционного периода, приведенных в кратком историографическом отделе и содержащих статистическую информацию, носит

источниковый характер. Отсутствует в историографии и системный анализ состояния медико-врачебной помощи крестьянам-переселенцам Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края.

Как уже указывалось выше, массовая крестьянская миграция в конце XIX — начале XX в. привела к необходимости ее координации со стороны государства (Кошин, 1899: 27). Вопросами организации переселений, обустройства переселенцев занимался ряд министерств и ведомств: МВД, Комитет земледелия и государственных имуществ, Министерство финансов, Комитет Сибирской железной дороги, Сибирский комитет. На рубеже XIX–XX вв. назрела необходимость формирования специальной административной единицы, которая взяла бы на себя функции по координации усилий всех структур, причастных к переселенческому движению. Поэтому в 1896 г. в структуре МВД началась работа Переселенческого управления. Помимо координации и взаимодействия задачей Управления стала предварительная разработка законодательных актов, организация переселения в азиатскую часть России, выделение для этого правительственных кредитов, контроль за районами массового наплыва переселенцев. Значительное внимание Переселенческое управление уделяло вопросам оказания врачебно-медицинской помощи переселенцам по пути их следования на новые места жительства и по прибытии на них.

С момента создания в 1896 г. Переселенческое управление проводило активную работу в восточных регионах Российской империи, в том числе в Степном крае. В Степном крае были созданы комитеты Переселенческого управления — Семипалатинский переселенческий комитет и Акмолинский переселенческий комитет. Семипалатинская и Акмолинская области получили статус переселенческих районов. Их руководство на местах проводило активное обследование земель, образование переселенческих участков.

Одной из важнейших функций деятельности Акмолинского и Семипалатинского региональных комитетов Переселенческого управления стала организация врачебно-продовольственной помощи переселенцам (Кошин, 1899: 163). Это было крайне важно и актуально для региона. В условиях отсутствия земских организаций в регионе вопросы медицинского обеспечения населения были переданы в функционал Акмолинского и Семипалатинского областных правлений. Загруженные административной работой, они были вынуждены обращать внимание на развитие медико-санитарной службы по остаточному принципу.

Наплыв переселенцев в Степной край на рубеже XIX–XX вв. актуализировал в еще большей степени необходимость организации целенаправленной и методичной работы в данном направлении.

Реализация этой задачи осуществлялась в нескольких направлениях. Несколько ранее — до образования Переселенческого управления, в 1893 г. для оказания медицинской и продовольственной помощи переселенцам по приказу императора Николая II из сумм Особого Комитета были отпущены средства на устройство врачебно-питательных пунктов по основным маршрутам следования переселенцев, вдоль линии Сибирской железной дороги. На таких врачебно-питательных пунктах имелись особые помещения для временного приюта и отдыха переселяющихся се-

мей, производилась подробная регистрация и бесплатный медицинский осмотр с дальнейшей медицинской помощью при необходимости, а также оказывалось бесплатное снабжение медикаментами.

В каждом медицинском пункте находился врачебный персонал и аптека, а центральные врачебно-питательные пункты, которые располагались в Петропавловске и Омске, обустраивались особыми больничными помещениями. Работа врачебно-питательных пунктов предполагалась только летом, зимой же их деятельность прекращалась. Однако стоит отметить, что оказываемая медицинская помощь в этих пунктах стала настолько важной и необходимой не только для переселенцев, но и для местного населения, что было предложено не закрывать их в зимний период.

Значительное влияние на дальнейшее развитие медицинской службы в Степном крае оказала поездка управляющего делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзина вдоль Сибирской железной дороги. Главной задачей поездки стало выяснение колонизационного потенциала Западной Сибири, выяснение причин возврата переселенцев на места прежнего жительства, выявление проблем, связанных с социальной и экономической адаптацией переселенцев, сбор информации о их нуждах и проблемах.

Результаты поездки А.Н. Куломзин изложил в своем отчете, содержащем ценную информацию об уровне развития медицинской службы в Степном крае и проблемах в предоставлении медицинской помощи переселенческому населению. Центральной из них являлась нехватка медицинских кадров и их низкая квалификация. Низкий уровень медицинского обслуживания переселенцев, по оценке А.Н. Куломзина, объяснялся также резким ростом их численности, плохими санитарными условиями по пути следования на новое место жительства и, как следствие, высоким уровнем заболеваемости среди них (Куломзин, 1896: 15).

Чиновник отмечал, что медицинские работники Акмолинской и Семипалатинской областей не могли своевременно оказывать квалифицированную медицинскую помощь переселенцам из-за того, что не имели возможности часто объезжать обширные территории уездов. В случаях острых эпидемиологических заболеваний в ближайших к врачебно-питательным пунктам районах приходилось в экстренном порядке командировать из врачебно-питательных пунктов студентов или фельдшеров, в деятельность которых не входили данные функции. Если же лечение больного затягивалось или появлялась необходимость больничного лечения, его госпитализировали во врачебные пункты.

В целом, по оценке А.Н. Куломзина, эффективность оказываемой помощи во врачебно-питательных пунктах являлась достаточно высокой. Он подчеркивал, что все врачи, студенты-медики и фельдшера полностью «отдаются исполнению возлагаемых на них обязанностей и отличаются хорошим отношением к обращающимся к ним переселенцам» (Куломзин, 1896: 25). Однако он считал, что этого недостаточно.

Региональные переселенческие органы поддерживали А.Н. Куломзина в данном вопросе. Заведующий переселенческим делом в Акмолинской области Стан-

кевич в конце 1900 г. переправил в Переселенческое управление отчет доктора Капельмана о санитарном состоянии новосельческих поселков Акмолинского уезда, в котором крайне критично была оценена имевшая место в области медицинская служба в целом, в том числе в сфере оказания медицинской помощи переселенцам. Острая необходимость в медицинской помощи возникла из-за скудного и однообразного питания, плохих условий проживания (мазанки, землянки, шалаши), а также некачественной питьевой воды. Кроме того, из-за больших территорий Акмолинской и Семипалатинской областей, значительных расстояний между переселенческими поселками обозначилась еще одна проблема — отсутствие достаточно количества медицинских кадров.

Поэтому отчет, который управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги А.Н. Куломзин предоставил в соответствующие госучреждения после поездки в регионы, стал отправной точкой для нового этапа в организации медицинской помощи для переселенцев. Наряду с Переселенческим управлением финансирование медицинской службы Степного края возложил на себя и Комитет Сибирской железной дороги.

Заведующий Акмолинским переселенческим районом Станкевич принял решение немедленно приступить к масштабной организации медицинской помощи переселенцам в пределах Акмолинской области. Его идею поддерживали и руководители других региональных администраций Западной Сибири. Так, заведующий переселенческим делом в Томской губернии тоже был убежден, что «для переселенческих поселков должна быть организована отдельно от сельской собственной медицинской помощи с врачом во главе» (Скопа, 2017: 6).

С начала XX в. организация работы врачебных и фельдшерских пунктов началась по пути следования переселенцев в Западную Сибирь и Степной край, вне линии Сибирской железной дороги. Уже в 1902 г. в Томской губернии было организовано пять врачебных и три фельдшерских а Однако в Акмолинской области реализация идеи затянулась во времени, область оставалась без врачебных пунктов Переселенческой организации вплоть до 1907 г.

В 1907 г. Переселенческим управлением Акмолинского района было открыто семь врачебно-остановочных и постоянных пунктов поселкового типа с врачебной стационарной и амбулаторной функциями. Пункты располагались следующим образом: в Омском уезде — 2, в Кокчетавском — 2, в Акмолинском — 2, в Атбасарском — 1. Места для открытия пунктов выбирались не случайно. Одной из важных причин являлось то, что данные уезды стали регионами наибольшего водворения переселенцев в Степном крае.

Остановимся более подробно на описании фельдшерских пунктов Акмолинского переселенческого участка. В конце мая 1906 г. в селе Павлоград Омского уезда переселенческой организацией был основан фельдшерский пункт, назначение которого заключалось в обслуживании 23 новых селений. Его деятельность оказалось очень активной, за 5 месяцев с момента открытия в нем амбулаторно приняли 2000 пациентов. В январе 1907 г. Павлоградский фельдшерский пункт был преобразован во врачебный пункт. Его деятельность становилась с каждым годом важнее для

края, со временем он начал играть лидирующую роль среди врачебных пунктов переселенческой организации Акмолинского района.

Полтавский врачебный пункт, открытый в январе 1907 г., также находился в Омском уезде. Пункт был оборудован 10 койками. Стоит отметить, что в начальный период существования данный врачебный пункт административно располагался сначала в с. Украинском, затем в августе 1907 г. персонал перешел на работу в пос. Красногорский, а уже в декабре 1907 г. пункт перенесли в с. Полтавское.

Макинский врачебный пункт был преобразован из Вознесенского фельдшерского пункта и открыт в феврале 1907 г. в селе Макинском Кокчетавского уезда. Пункт обслуживал девять ближайших селений с населением 7469 водворенных душ мужского пола (Скопа, 2017: 12). Кокчетавский врачебный пункт открыли в январе 1907 г. в уездном городе Кокчетаве, однако амбулатория пункта открыла свою деятельность лишь в марте, а больницу из-за отсутствия подходящего помещения было решено перенести в с. Балкашино, где предполагалось выстроить специальное помещение для пункта. В середине декабря 1907 г. медицинский персонал из Кокчетавы переправили в с. Балкашино, где он и продолжил свою работу вплоть до мая 1909 г. В декабре 1910 г. пункт в конце концов переехал в п. Алексеевский, где расположился в собственном больничном здании.

Акмолинский врачебный пункт начал функционировать в ноябре 1907 г. в г. Акмолинске и оказывал амбулаторную и стационарную помощь 12 ближайшим поселкам с населением 3353 переселенцев. Батогоринский врачебный пункт в мае 1907 г. был открыт под именем Шокайского, функционировать начал в с. Санниково, которое находилось на границе Акмолинской и Семипалатинской областей. Пункт носил постоянный поселковый характер и обслуживал шесть ближайших поселков с населением 3000 крестьян-переселенцев.

Киминский врачебный пункт открылся в с. Кимий Атбасарского уезда в январе 1907 г. Характер пункта — постоянный поселковый. Территориальный охват пункта — 15 селений, общей численностью 7135 крестьян-переселенцев мужского пола.

К 1910 г. на территории Акмолинской области функционировало 15 самостоятельных фельдшерских пунктов переселенческой организации. Все фельдшерские пункты помещались в наемных зданиях. На содержание каждого из них выделялось по 2000 рублей. За 1910 г. по всем 15 пунктам присутствует следующая статистика: 30 870 посещений и 24 290 больных (Немцов, 1911: 21).

Аналогичные процессы в начале XX в. проходили в Семипалатинском переселенческом районе. К 1910 г. в Семипалатинской области насчитывалось 22 лечебных заведения, в том числе 10 стационарных и 12 амбулаторных лечебниц. Стационарами пользовалось в большей степени русское население. Местное казахское население из-за низкого уровня образованности прибегало к услугам больниц очень редко (Обзор Семипалатинской области за 1910 г., 1912: 97).

Создаваемая в Степном крае медико-санитарная служба для обслуживания переселенческого населения зарекомендовала себя с лучшей стороны и продемонстрировала эффективность в период эпидемии холеры, разразившейся в 1910 г.

В Семипалатинском районе было зарегистрировано до 30 случаев заболевания холерой, наиболее количество — в Павлодаре. Переселенческие поселки холера обошла стороной. Единственного больного переселенца сняли с парохода в Семипалатинске и изолировали в специальном холерном бараке, открытие которого состоялось в августе 1908 г.

Тем не менее Переселенческое управление и его региональные комитеты в Акмолинской и Семипалатинской областях приняли превентивные меры к нераспространению эпидемии. Начало массовое строительство холерных барачков на путях следования переселенцев по линии Сибирской железной дороги, в Челябинске, в Семипалатинске, на станции Петропавловск. В Омске был оборудован вагон-стационар. На случай экстренной дезинфекции на все станции были доставлены дезинфицирующие средства. Кроме того, предполагалось расширить и доукомплектовать построенный в Семипалатинске холерный барак, а также выделить средства из бюджета Переселенческого управления городским больницам в Павлодаре и Усть-Каменогорске, тем самым сделав их пригодными для изоляции и лечения больных холерой.

В Акмолинской области, несмотря на то что в 1910 г. холера не получила сильного распространения, санитарная комиссия разработала план противохолерных мероприятий на 1911 г., на реализацию которого планировалось выделить 23 тыс. руб. Из этих средств предполагалось пригласить квалифицированного санитарного врача и созвать съезд переселенческих врачей района с целью разработки общей стратегии действий в случае возникновения эпидемии холеры, а также усилить уже имеющийся медицинский персонал, нехватка которого остро наблюдалась в регионе.

Стоит отметить, что профилактическая работа на пути следования переселенцев в Степной край в последующие годы не ограничивалась противохолерными мероприятиями. За счет Комитета Сибирской железной дороги создавались наблюдательные пункты, которые представляли собой оборудованный санитарный вагон с фельдшерским персоналом для регулярного санитарного осмотра, оказания первичной и неотложной помощи, изоляции заразных больных пассажиров железной дороги. Управление Сибирской железной дороги совместно с Переселенческим управлением определяло число наблюдательных пунктов и санитарных вагонов. Во время плотного трафика поездов, при нехватке основного персонала дополнительный медицинский персонал привлекался также за счет средств железной дороги. Содержание больных переселенцев производилось за счет Переселенческого управления.

Начиная с 1913 г. к персоналу санитарного вагона дополнительно вводилась должность кондуктора-фельдшера, который при себе имел поездную аптечку (Смирнов, Смирнова, 2003: 189). На практике же железнодорожные участковые врачи должны были в дополнение к своим прямым обязанностям наблюдать за переселенческими фельдшерскими пунктами, расположенными в районе соответствующего железнодорожного участка. Переселенческие врачи должны были контролировать выполнение врачебно-санитарного надзора за переселенцами и железнодорожными фельдшерами.

Несмотря на то что по количеству медицинского персонала и лечебного оборудования Сибирская железная дорога превосходила персонал Переселенческого управления, она была намного слабее последнего. Заведующий передвижением переселенцев Восточного района отмечал, что у дорожной службы существовал ряд недостатков: «низкая профессиональная подготовка фельдшеров, главным образом ротных фельдшеров, которые были мало осведомлены и полуграмотны в своей специальности (Смирнов, Смирнова, 2003: 195). Кроме того, медицинский персонал Сибирской железной дороги не имел четкого и постоянного руководства. Участковые железнодорожные врачи не могли полностью справиться со своими задачами, так как на них возлагался большой объем прямых обязанностей. Именно поэтому санитарные инструкции соблюдались не всегда и не в полном объеме.

Подводя итоги, отметим, что создание врачебно-питательных пунктов и оказание медицинской помощи по пути следования переселенцев, врачебных и фельдшерских пунктов в районах водворения крестьян-переселенцев стали важной государственной задачей, сопровождавшей переселение крестьян в Азиатскую Сибирь, в том числе в Акмолинскую и Семипалатинскую области. Безусловно, они сыграли свою позитивную роль в процессе адаптации переселенцев, значительно снизив процент смертности среди них. Главные финансовые обязательства в вопросе организации медицинской службы в Степном крае были возложены на Переселенческое управление и Комитет Сибирской железной дороги. Оказываемая переселенцам помощь стала многоплановой — они получили медицинскую помощь — стационарную и амбулаторную, качественное горячее питание.

Развитие медико-санитарной службы в Степном крае сопровождалось рядом проблем: нехваткой профессиональных медицинских кадров, недостаточным финансированием медучреждений, их недостаточной укомплектованностью медикаментами и оборудованием и т.д. Однако в целом опыт организации медицинской работы среди переселенцев оказался положительным. Сформированной региональной медицинской службе удалось снизить процент смертности среди переселенцев и эффективно создавать барьеры на пути распространения инфекционных заболеваний.

Благодарности

Выражаю благодарность своему научному руководителю, доктору исторических наук, профессору кафедры востоковедения Алтайского государственного университета Ю.А. Лысенко за ценные советы при планировании исследования и рекомендации по оформлению статьи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анифимов А.М. Крестьянское земельное право в пореформенной России. В кн.: Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России, Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1983. С. 208–221.

- Жбанков Д.Н. Итоги земской медицины. Врач, 1894, No. 19, 546–551.
- Капустин М.Я. Основные вопросы земской медицины. СПб.: К.Л. Риккер, 1889.
- Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1905.
- Кошин Н.Я. Переселенческие поселки в Усть-Каменогорском уезде. Семипалатинск, 1899.
- Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб.: Гос. тип., 1896.
- Моллесон И.И. Земская медицина. Казань: Унив. тип., 1871.
- Немцов С.Б. Врачебные и фельдшерские пункты Переселенческой организации Акмолинского района и заболеваемость населения в районе пунктов по карточной регистрации за 1906–1910 гг. Омск: Изд-во Акмолинского пересел. р-на, 1911.
- Обзор Семипалатинской области за 1910 г. Семипалатинск, 1912.
- Полное собрание законов Российской империи — III. Т. IX. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1889.
- Скопа В.А. Организация и основные направления работы переселенческого управления в Семипалатинской области в конце XIX — начале XX вв. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2017, 10 (84), 162–164.
- Смирнов С., Смирнова В. Врачебно-санитарное обслуживание переселенцев на железной дороге Азиатской России в начале XX в. Вестник Челябинского университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика, 2003, No. 2, 182–200.

REFERENCES

- Anifimov, A. (1983). *Krest'yanskoe zemel'noe pravo v poreformennoj Rossii* [Peasant land law in post-reform Russia]. In: *Social'no-politicheskoe i pravovoe polozhenie krest'yanstva v dorevolucionnoj Rossii* [Socio-political and legal status of the peasantry in pre-revolutionary Russia], (pp. 208–221). Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta.
- Zhbankov, D. (1894). *Itogi zemskoj mediciny* [Results of zemstvo medicine]. *Doktor* [Doctor], no. 19, 546–551.
- Kapustin, M. (1889). *Osnovnie voprosi zemskoj mediciny* [Basic issues of zemstvo medicine]. St. Petersburg: K.L. Rikker.
- Kaufman, A. (1905). *Pereselenie i kolonizaciya* [Resettlement and colonization]. St. Petersburg: Tip. t-va "Obshchestvennaya polza".
- Koshin, N. (1899). *Pereselencheskie poselki v Ust'-Kamenogorskom uezde* [Resettlement villages in the Ust-Kamenogorsk district]. Semipalatinsk.
- Kulomzin, A. (1896). *Vsepoddanejsnij otchet stats-sekretarya Kulomzina po poezdke v Sibir' dlya oznakomleniya s polozheniem pereselencheskogo dela* [Humbly report of State Secretary Kulomzin on the trip to Siberia to acquaint with the process of the resettlement]. St.

Petersburg: Gos. tip.

Molleson, I. (1871). *Zemskaya medicina* [Zemstvo medicin]. Kazan': Univ. tip.

Nemcov, S. (1911). *Vrachebnye I fel'dsherskie punkty Pereselencheskoj organizacii Akmolinskogo rajona i zaboлеваemost' naseleniya v rajone punktov po kartochnoj registracii za 1906–1910 gg.* [Medical and paramedic stations of the Resettlement Organization of the Akmola region and the incidence of the population in the area of card registration points for 1906 — 1910]. Omsk: izd-vo Akmolinskogo peresel. r-na.

Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1910 g. (1912). [Overview of the Semipalatinsk region for 1910]. Semipalatinsk.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii — III. T. IX. (1889) [Complete collection of Russian Empire laws]. St. Peterburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kancelyarii.

Skopa, V. (2017). Organizaciya i osnovnye napravleniya raboty pereselencheskogo upravleniya v Semipalatinskoj oblasti v konce XIX — nachale XX v. [Organization and main directions of work of the resettlement administration in the Semipalatinsk region in the late 19th — early 20th centuries]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 10 (84), 162–164.

Smirnov, S., Smirnova, V. (2003). Vrachebno-sanitarnoe obsluzhivanie pereselencev na zheleznoj doroge Aziatskoj Rossii v nachale XX v. [Medical and sanitary services for migrants on the Asian Russia railway at the beginning of the 20th century]. *Vestnik CHelyabinskogo universiteta. Ser. 10. Vostokovedenie. Evrazijstvo. Geopolitika* [Chelyabinsk University Bulletin. Ser. 10. Oriental studies. Eurasianism. Geopolitics], no. 2, 182–200.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ И ЗДОРОВЬЕ

SOCIAL SECURITY, EDUCATION AND HEALTH

УДК 378.4

НОВОЕ ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ГАРМОНИЗАЦИЯ ОНЛАЙН- И ОФФЛАЙН-ФОРМАТОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

О.В. Кожевина

*Алтайский государственный университет Барнаул, Россия,
e-mail: ol.kozhevina@gmail.com*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-10

Конкурентоспособность образования обусловлена глобальными тенденциями в современном обществе. Меняются предпочтения обучающихся, разрабатываются профессиональные стандарты, а работодатели предъявляют новые требования к выпускникам. Данные тенденции характерны для профессионального среднего, высшего и дополнительного образования. У всех уровней образования своя специфика, однако современные инновационные технологии, дистанционные формы и онлайн-форматы становятся все более и более привычными в построении учебного процесса. Рассматриваются принципы формирования цифровой образовательной среды и ее элементы. Обобщен некоторый зарубежный опыт реализации дистанционного обучения и персонализации обучения в условиях глобальных вызовов COVID-19.

Ключевые слова: *глобальные вызовы, образование, цифровая образовательная среда, изменения, цифровая трансформация, онлайн, оффлайн*

NEW HIGHER EDUCATION: HARMONIZING ON-LINE AND OFF-LINE FORMATS IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES

O.V. Kozhevina

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: ol.kozhevina@gmail.com*

The competitiveness of education is due to global trends in modern society. The preferences of students are changing, professional standards are being developed, and employers are making new demands on graduates. These trends are characteristic of vocational secondary, higher and additional education. At any level of education, its own specifics, however, modern innovative technologies, distance forms and online formats are becoming more and more familiar in the construction of the educational process. This article discusses the principles of forming a digital educational environment and its elements. Some foreign experience in the implementation of distance learning and personalization of training in the context of the global challenges of COVID-19 is summarized.

Keywords: *global challenges, education, higher education, changes, digital transformation, on-line, off-line*

Повестка «нового высшего образования» обсуждается в последнее время на многих научных площадках (Росс, 2019). Сейчас время для глобальных изменений в высшем образовании, особенно это актуально в связи с существенной трансформацией подходов к обучению и переходом на разнообразные дистанционные платформы из-за COVID-19. Пандемия коронавируса является одним из сильнейших вызовов всей системе образования.

По результатам исследования Ассоциации университетов, почти во всех высших учебных заведениях, принявших участие в опросе, COVID-19 повлиял на преподавание и обучение, причем две трети из них сообщили, что аудиторное обучение заменено дистанционным преподаванием. В то же время 89% высших учебных заведений сообщили о влиянии на мобильность студентов. Тип воздействия разнообразен и варьируется от учреждения к учреждению, но везде он был негативным. Шестьдесят процентов высших учебных заведений сообщили, что COVID-19 повысил виртуальную мобильность и/или совместное онлайн-обучение в качестве альтернативы физической мобильности студентов, роста интернационализации обучения. Фактически переход от очного обучения к дистанционному не обошелся без проблем, основные из которых, по мнению респондентов, — это доступ к технической инфраструктуре, компетенции и методикам дистанционного обучения, а также требования конкретных областей обучения. Около 80% высших учебных заведений сообщили, что пандемия COVID-19 повлияла на исследования в их учреждениях. Наиболее частым воздействием COVID-19 стала отмена между-

народных поездок (в 83% высших учебных заведений) и отмена или перенос научных конференций (81% высших учебных заведений). Это говорит о том, что больше всего пострадала международная составляющая исследований. Однако негативное влияние COVID-19 выходит за рамки этого: в половине высших учебных заведений (52%) сообщили о вероятности незавершения научных проектов в 2020 г., а 21% отметили полную остановку научных исследований (Marinoni, 2020).

Мы находимся на этапе формирования «новой нормальности» в высшем образовании (Киясов, 2019). Ряд экспертов полагают, что вернуться к традиционному обучению не представляется возможным, кроме того, глобальные тенденции и вызовы 2020 г. в целом поставили под сомнение целесообразность устаревших традиционных форм обучения. Традиционная модель, включающая личные лекции и обучение, физическое участие в деятельности колледжа и социальную активность на территории кампуса, была опорой для большинства высших учебных заведений на протяжении многих лет. Университеты сейчас — это пространство инноваций.

Удаленные форматы работы, осуществления бизнес-процессов стремительно развиваются и совершенствуются. Внедряются новые образовательные платформы, позволяющие расширить возможности индивидуализации обучения, развития творческих способностей обучающихся, талантов (Лерман-Юдова, 2018). Возможности дистанционного и гибридного обучения означают, что учащиеся могут эффективно учиться, не выходя из дома, снижая при этом риск для своего здоровья и здоровья других.

Практики стран ОЭСР в области использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в образовании интересны и с позиции адаптации. Опыт ОЭСР свидетельствует, что образовательные организации, которые поощряют сотрудников выступать с новыми инициативами, создают благоприятную среду для интеграции ИКТ в практику преподавания. Продвижение программ дополнительного, поддерживающего обучения на основе ИКТ направлено на формирование профессиональных компетенций как у обучающихся, так и у преподавателей, а также на развитие цифровых навыков работы в образовательной цифровой среде, интеграцию цифровых технологий в образовательную практику.

Ведущими странами по развитию цифровых компетенций преподавателей являются Китай, Нидерланды, Канада, Латвия, США, ОАЭ, Япония, Корея, Норвегия, Австрия. По странам ОЭСР в целом наблюдается среднее значение (OECD, 2020).

Независимо от того, как реализуется обучение — онлайн, гибридно или очно, уровень качества необходимо сохранять, что позволит в том числе привлечь новых студентов, которые ранее не могли посещать учебное заведение из-за физического местоположения или существенных транспортных затрат. Как показывает международный опыт, следует рассматривать различные способы выявления и охвата новых студентов со всех территорий страны или региона. Это возможно с использованием эффективных онлайн-курсов и разных вариантов обучения. Территория кампуса приобретает новое значение, обеспечивая не только проживание и обучение, но и эффективные коммуникации с преподавателями для консультирования

студентов. Многие вузы имеют опыт реализации онлайн-обучения, онлайн-курсов по выбору; по сути — это реакция университетов на запросы, потребности подрастающего поколения или желающих приобрести новые знания и навыки удаленно (например, взрослая аудитория). В условиях экстренного перехода на дистанционные образовательные технологии нагрузка студентов и преподавателей увеличилась. Увеличилось время освоения дисциплин, но и появилась возможность более широко привлекать ассистентов преподавателя, которые проходят обучение на старших курсах (в магистратуре) и имеют хорошие навыки работы в интернете. Учебные ассистенты участвуют в подготовке занятий, осуществляют подборку заданий, кейсов, осуществляют их загрузку на образовательную платформу, монтируют видеозаписи, формируют базу (библиотеку) онлайн-ресурсов и глоссарий, являются коммуникационным звеном между преподавателем и обучающимися.

В формировании цифровой образовательной среды важны составляющие: базовая образовательная инфраструктура, преподаватели (эксперты), управленческие команды (администраторы, модераторы), цифровые платформы (контент), образовательная экосистема.

Исходя из этого, выделим пять основных признаков цифровой образовательной среды (рис. 1).

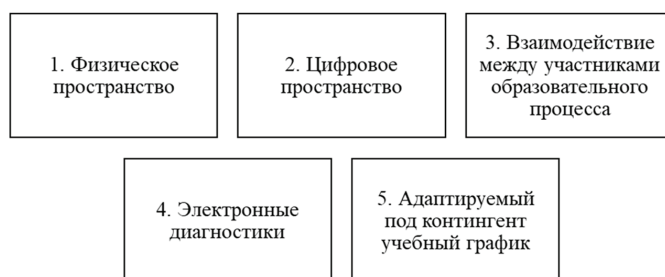

Рисунок 1 – Основные признаки цифровой образовательной среды.

Преимущества индивидуализирующего обучения:

- 1) обучающиеся выбирают спектр областей либо по результатам входного тестирования им автоматически присваивается профиль с набором определенных тем для изучения;
- 2) преподавание осуществляется в соответствии с принципами индивидуального обучения;
- 3) для группы обучающихся определяются единые цели с конкретизацией задач; группа получает индивидуальную поддержку;
- 4) выбираются методики и образовательные ресурсы, удовлетворяющие индивидуальные потребности;
- 5) используются дистанционные технологии для оптимизации процесса формирования новых компетенций и развития имеющихся;

- 6) учебная программа обладает вариативностью и гибкостью;
- 7) в работе присутствует наставник, ментор, тьютор, коуч, осуществляется психологическая поддержка;
- 8) промежуточные результаты обучения оцениваются для корректировки учебной программы, измеряется прогресс обучающегося и происходит дальнейшее планирование обучения с возможностью перехода на новый качественный уровень;
- 9) синхронизируются коммуникации обучающегося и наставника, стимулируется познавательная активность, соотносятся автономность и командность, развивается системное и критическое мышление обучающегося;
- 10) появляется возможность профориентации и динамического развития карьеры обучающегося, поддержание интереса к дальнейшему обучению в данной области знаний.
- 11) Структурная схема цифровой образовательной среды (ЦОС) включает элементы, представленные на рисунке 2.

Рисунок 2 – Структурные элементы цифровой образовательной среды (составлено автором).

Критериями, которые целесообразно использовать при разработке инновационной образовательной платформы, по нашему мнению, являются: удобство пользователя; элементы обучения; формы связи; управление учебным контентом; инструменты мотивации; бизнес-модель; управление пользователями; электронные диагностики.

Построение эффективной среды является ключевым условием эффективного цифрового образования. Среда должна отвечать задачам цифрового общества — создавать условия широкого выбора для образовательного запроса, для гибкой его коррекции при формировании индивидуальной образовательной траектории

по мере необходимости. Среда должна предлагать разнообразный инструментарий: для самостоятельного изучения и/или с помощью наставника, для оперативной и доброжелательной обратной связи, для широкой межличностной кооперации без возрастных барьеров. Ключевой инструмент формирования среды как открытой экосистемы – стандарты на протоколы обмена данными между различными информационными системами в ее составе. Гибкость и открытость современных цифровых технологий должны обеспечить возможность формирования каждым учеником собственной среды для поддержки индивидуальной образовательной траектории — удобным образом объединять возможности сред разных образовательных организаций, а не вынуждать переключаться между ними.

Обобщение зарубежных практик реализации онлайн-обучения позволяет схематично представить и формализовать систему навыков, получаемых посредством дистанционных форм обучения: деятельность, коммуникация и доказательность (рис. 3).

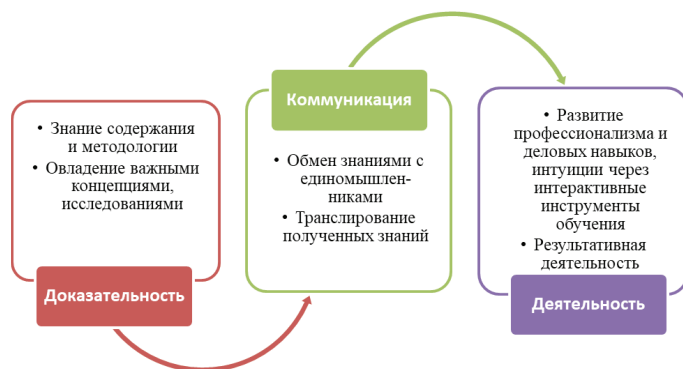

Рисунок 3 – Развитие компетентности обучающегося, посредством интеграции онлайн- и офлайн-форматов (составлено автором).

Адаптируя лучшую зарубежную практику к российским условиям, полагаем, что к основным тенденциям «нового образования» относятся: включенное обучение в режиме non-stop с использованием облачных и VR технологий; расширение возможностей онлайн-дискуссий для проведения форумов, экспертных площадок; проблемное обучение; интерактивное вовлечение в процесс обучения, командное участие и коучинг; геймеризация и симуляторы для отработки навыков и развития компетенций, в том числе цифровых; локальный подход и индивидуализация обучения.

Зарубежными образовательными трендами в сегменте онлайн-образования являются:

- 1) *Mobile Learning Solution* (m-learning) — мобильное обучение, использование смартфонов в учебных целях;

- 2) *Advanced Learning Management Systems* (ALMS в виде MOOK (массовых открытых онлайн курсов);
- 3) *Virtual Reality (VR)* — виртуальная реальность, образование вне физических границ материального мира;
- 4) *Artificial Intelligence (AI)* — искусственный интеллект, благодаря созданию передовых алгоритмов сбора данных, которые используются для обеспечения детальной и индивидуальной обратной связи с обучающимися;
- 5) *Internet of Things (IoT)* — интернет вещей, конечная сеть беспроводным способом соединенных устройств, обменивающихся данными в режиме реального времени. В секторе образования интернет вещей предполагает бесшовную связь между обучающимися и технологиями, что позволяет получать более персонализированный образовательный контент для повышения эффективности онлайн-обучения.

В передовых странах более 90% студентов вовлечены в учебный процесс посредством E-learning. Более 80% вузов предоставляют услуги по дистанционному образованию. Страны-пионеры E-Learning — Великобритания, Италия, Испания. В Германии E-Learning широко используется в медицинском образовании.

Помимо существенных преимуществ цифровой трансформации образования, таких как гибкость образовательных программ; объективность и прозрачность оценок и уровня освоения компетенций; сетевые коммуникации, обсуждения, форумы, консультации с экспертами; формирование индивидуальных траекторий обучения и студенто-центрированный подход; активное использование дистанционных форм обучения, отметим и трудности, которые следует учитывать при определении баланса онлайн- и оффлайн-форматов. К наиболее вероятным проблемам отнесем необходимость обновления онлайн-курсов, неготовность работать в новых условиях реализации процессов обучения, недостаточный уровень цифровых компетенций, сложность платформ и сервисов LMS, MOOC, работа с большим объемом данных, высокие требования к информационной безопасности, введение стандартов цифровой этики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Киясов Н. Университеты не могут и не должны справляться с современными вызовами в одиночку. URL: <https://indicator.ru/article/2019/06/24/inteviyu-kiyasov-ostrov/> (дата обращения: 29.09.2020).

Лерман-Юдова Е. Нефть в образовании. EdExpert, 2018, No. 5. URL: https://edexpert.ru/neft_v_obrazovanii (дата обращения: 05.11.2020).

Росс К. Высшее образование в цифровую эпоху. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Kvhv7Pm7opU&feature=youtu.be> (дата обращения: 29.09.2020).

Marinoni G. A severe risk of growing inequality between universities. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=2020060815405140> (дата обращения: 05.11.2020).

OECD Teachers' training and use of information and communications technology in the face of the COVID-19 crisis. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/696e0661-en.pdf?expires=1604645373&id=id&accname=guest&checksum=90B29F8266693C1B1053D8C70B50DDB3> (дата обращения 01.11.2020).

REFERENCES

Kiyasov, N. (2019). *Universitety ne mogut i ne dolzhny spravlyat'sya s sovremennymi vyzovami v odinochku* [Universities cannot and should not tackle today's challenges alone]. Available at: <https://indicator.ru/article/2019/06/24/inteviyu-kiyasov-ostrov/> (accessed 29 September 2020).

Lerman-Yudova, E. (2018). Neft' v obrazovanii [Oil in education]. *EdExpert*, no. 5. Available at: https://edexpert.ru/neft_v_obrazovanii (accessed 05 November 2020)

Ross, K. (2018). *Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epohu* [Higher education in the digital age]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Kvhv7Pm7opU&feature=youtu.be> (accessed 29 September 2020).

Marinoni, G. (2020). *A severe risk of growing inequality between universities*. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=2020060815405140> (accessed 29 November 2020).

OECD (2020). *Teachers' training and use of information and communications technology in the face of the COVID-19 crisis*. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/696e0661-en.pdf?expires=1604645373&id=id&accname=guest&checksum=90B29F8266693C1B1053D8C70B50DDB3> (accessed 29 September 2020).

УДК 316.334

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБУЧЕНИИ

Н.О. Байгабылов¹, Б.М. Байгушева², К.М. Байгушева³

¹ Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Нур-Султан, Казахстан,

² Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина,
Нур-Султан, Казахстан,

³ТОО «Digital Experts Group», Нур-Султан, Казахстан,
e-mail: n.baigabylov@mail.ru, bbm_s@mail.ru, kanagat_m@mail.ru

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-11

Технология дополненной реальности все шире применяется в образовании и прогнозируется ее дальнейшее распространение, как одной из технологических тенденций. Преимущества применения дополненной реальности способствуют все более широкому ее использованию в образовании. Целью исследования является изучение применения технологии дополненной реальности в обучении. Сделан обзор развития технологии дополненной реальности и представлены результаты анкетирования преподавателей — слушателей курса повышения квалификации. По результатам анкетирования определена готовность преподавателей к применению данной технологии и целесообразность ее применения при различных методах и формах организации обучения. Особенностью применения технологии дополненной реальности в образовании является ее доступность и простота использования готовых мобильных приложений и сервисов.

Ключевые слова: дополненная реальность, технология, социологический анализ, обучение, анкетирование, цифровые инструменты, курсы повышения квалификации

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE USE OF AUGMENTED REALITY TECHNOLOGY IN EDUCATION

N.O. Baigabylov¹, B.M. Baigusheva², K.M. Baigusheva³

¹ L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan,

² S. Seifullin Kazakh Agro Technical University, Nur-Sultan, Kazakhstan,

³ LLP “Digital Experts Group”, Nur-Sultan, Kazakhstan,
e-mail: n.baigabylov@mail.ru, bbm_s@mail.ru, kanagat_m@mail.ru

Augmented reality is increasingly used in education and its further spread is predicted as one of the technological trends. The benefits of using augmented reali-

ty are contributing to the increasing use of augmented reality in education. The purpose of the research is to study the use of augmented reality technology in teaching. The article provides the overview of the development of augmented reality and presents the results of a survey of teachers who attended the advanced training course. According to the results of the survey, the readiness of teachers to use this technology and the feasibility of its use in various methods and forms of training organization were determined. A special feature of the use of augmented reality in education is its accessibility and ease of use of ready-made mobile applications and services.

Keywords: *augmented reality, technology, sociological analysis, training, survey, digital tools, refresher courses*

Введение

Цифровой мир, в котором мы живем сегодня, меняет формат и способы работы, обучения, досуга, сотрудничества и общения. Цифровые технологии являются ведущим фактором цифровизации. Процессы цифровизации, происходящие в системе образования, имеют важное значение для учебного процесса и качества образования. Применение цифровых технологий в образовании является важной задачей, которая вызвана современными требованиями и преобразованиями в обществе. Интеграция современных цифровых технологий в образовательный процесс способствует улучшению качества знаний и повышению мотивации к обучению.

Среди трендов цифровой трансформации выделяют такие передовые технологии, как искусственный интеллект, облачные технологии, блокчейн, дополненная реальность, виртуальная реальность и смешанная реальность.

Технология дополненной реальности (Augmented Reality) сегодня применяется во многих областях, и с развитием данной технологии сфера применения все более расширяется. Прогнозируется дальнейшее распространение технологии дополненной реальности как одной из технологических тенденций (Marr, 2019).

История развития дополненной реальности начинается с 60-х гг. прошлого века — с исследований Айвэна Сазерленда, построившего в 1968 г. прототип системы для показа трехмерной графики. В системе использовались стереоочки, которые проецировали изображение на мини-дисплеи. Термин «дополненная реальность» был предложен исследователем корпорации Boeing Томом Коделом в 1990 г. Особое значение для развития дополненной реальности имеют исследования П. Милгрма, Ф. Кисино (Milgram, Kishino, 1994), Р. Азумы (Azuma, 1997). На сайтах Blippar1 (Poetker, 2019) и Learning Hub2 (Yianni, 2018) в виде инфографики представлены основные этапы истории дополненной реальности (1968–2017).

Дополненная реальность определяется как система, которая совмещает виртуальное и реальное; взаимодействует в реальном времени; располагается в 3D

¹ <https://www.blippar.com/blog/2018/06/08/history-augmented-reality>

² <https://learn.g2.com/history-of-augmented-reality>

(Azuma, 1997). Свойства дополненной реальности, определяющие ее как систему, способствуют внесению в учебный процесс интерактивности и визуализации, повышают активность обучающихся. Визуализация процессов и объектов с помощью технологии дополненной реальности способствует наглядности и доступности изучаемых объектов. Визуализация приобретает особую ценность в тех случаях, когда в реальной учебной среде реализовать процесс или объект невозможно, сложно или для этого требуется специальное оборудование.

Сегодня дополненная реальность нашла свое применение в самых различных областях: производство, образование, здравоохранение, архитектура, реклама, игровая индустрия и др. Применение технологии дополненной реальности в сфере образования открывает значительные преимущества для повышения эффективности учебного процесса и улучшения результатов обучения (Martin-Gutierrez, Fernández, 2014; Morales, García, 2018).

Использование дополненной реальности в учебном процессе повышает интерес обучающихся к обучению (Fuchsova, Korenova, 2019), способствует лучшему пониманию учебного материала (Bursali, Yilmaz, 2019; Rizov, Rizova, 2015). Вместе с тем уверенное продвижение технологии дополненной реальности в сферу образования вызывает необходимость всестороннего изучения технологии дополненной реальности. Актуальными являются исследования дидактических, социологических и психологических аспектов применения дополненной реальности.

Результаты исследования

С целью анализа применения технологии дополненной реальности в обучении были проведены социологические исследования на основе количественного метода. Один из количественных методов социологии — анкетирование — гибкий инструмент для сбора первичных количественных данных. Респондентами являлись преподаватели вузов и школ, проходивших обучение на курсах повышения квалификации «Инновационные образовательные технологии и дидактические модели». Эти двухнедельные онлайн-курсы проводились в период с апреля по август 2020 г. В связи со всеобщим переходом на дистанционный формат обучения, обусловленным пандемией, возросла потребность обучения преподавателей. На курсах рассматривались вопросы применения различных цифровых инструментов и сервисов для организации и проведения занятий в традиционном и дистанционном форматах, в синхронном и асинхронном режимах.

Первое анкетирование было проведено онлайн, во время проведения тренинга, с использованием облачного сервиса Mentimeter. В опросе приняли участие 173 респондента. Согласно опросу 61,3% преподавателей знакомы с технологией дополненной реальности, применяли данную технологию 41,5% респондентов.

При применении дополненной реальности в обучении (рисунок 1) преподаватели особо отметили такие преимущества дополненной реальности, как способность делать изучаемый учебный материал интересным (54,3%) и наглядным (50,3%).

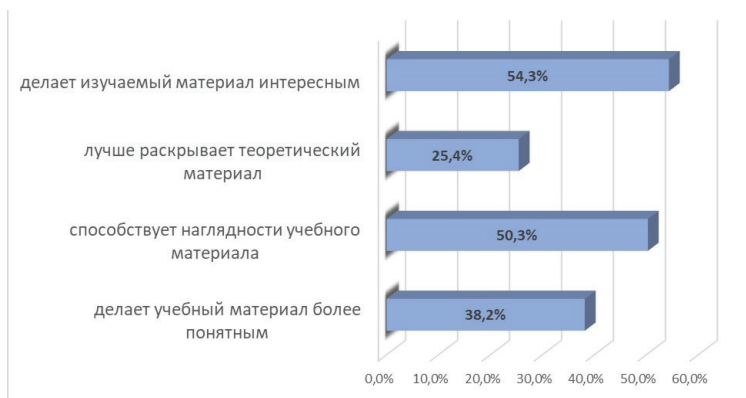

Рисунок 1 — Ответы респондентов на вопрос

«Какие преимущества применения дополненной реальности в образовании Вы можете отметить?»

Расширяющееся применение дополненной реальности в образовательной среде выдвигает требования к всестороннему изучению аспектов применения данной технологии. На первый план выдвигаются вопросы выбора и определения методов, средств и форм организации учебного процесса с использованием технологии дополненной реальности.

Во втором анкетировании приняли участие 295 преподавателей вузов и школ. Анкетирование было проведено с использованием сервиса Google Forms. Согласно результатам анкетирования 55% респондентов считают, что дополненная реальность выступает в качестве объекта изучения, 45% рассматривают технологию дополненной реальности в качестве средства обучения. Данный результат также показывает, что большинство преподавателей желают глубже изучить возможности данной технологии для применения в обучении.

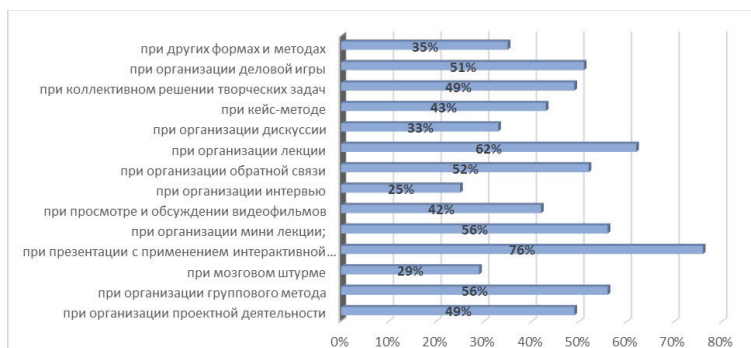

Рисунок 2 — Ответы респондентов на вопрос

«Считаете ли Вы целесообразным использование цифровых технологий, таких как дополненная и виртуальная реальности, при организации следующих методов обучения и форм занятий?»

Проведенный опрос среди преподавателей, проходивших обучение на курсах повышения квалификации «Инновационные образовательные технологии и дидактические модели», показал, что педагоги считают наиболее целесообразным использование дополненной реальности при таких методах обучения и формах организации занятий, как презентация с применением интерактивной доски; лекция; групповой метод, деловая игра, проектная деятельность (рисунок 2).

Технология дополненной реальности предоставляет возможность интерактивного взаимодействия на лекциях и при организации групповой работы, что повышает активность обучающихся и их вовлеченность в учебный процесс.

Заключение

Расширяющиеся возможности применения технологии дополненной реальности в обучении обусловлены ее доступностью, в отличие от других технологий, например технологии виртуальной реальности. Применение технологии дополненной реальности с использованием мобильных AR-приложений не требует значительных затрат и использования дополнительного оборудования. Достаточно мобильного телефона и соответствующих приложений, считывание маркера может быть организовано посредством QR-кода.

Наше исследование показало, что преподаватели знакомы с данной технологией и готовы ее применять в обучении, а также глубже изучать возможности ее применения.

Таким образом, социологический анализ применения технологии дополненной реальности в обучении показал, что преподаватели проявляют все больший интерес к данной технологии и возможностям ее применения в учебном процессе. Применение технологии дополненной реальности обогащает как содержательную сторону учебного материала, так и гармоничное сочетание различных методов обучения и организационных форм занятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Azuma Ronald T. A Survey of Augmented Reality. Presence: Teleoperators and Virtual Environments, 1997, 6 (4), 355–385. doi: 10.1162/pres.1997.6.4.355.
- Bursali H., Yilmaz R. Effect of augmented reality applications on secondary school students' reading comprehension and learning permanency, Computers in Human Behavior, 2019, No. 95, 126–135, doi: 10.1016/j.chb.2019.01.035.
- Fuchsova M., Korenova L. Visualisation in Basic Science and Engineering Education of Future Primary School Teachers in Human Biology Education Using Augmented Reality. European Journal of Contemporary Education, 2019, 8 (1), 92–102.
- Marr B. The 7 Biggest Technology Trends in 2020 Everyone Must Get Ready for Now, 2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2019/09/30/the-7-biggest-technology-trends-in-2020-everyone-must-get-ready-for-now/#7b2bbeb22261> (дата обращения: 02.02.2020)

Martin-Gutierrez J., Fernandez M. Augmented Reality Environments in Learning, Communicational and Professional Contexts in Higher Education. *Digital Education Review*, December, 2014, 61–73.

Milgram P., Kishino F. A Taxonomy of Mixed Reality Visual Displays. *IEICE Transactions on Information and Systems*, 1994, E77-D (12), 1321–1329.

Morales Toledo Purificacion, García Jose Manuel. Use of Augmented Reality in Social Sciences as Educational Resource. *Turkish Online Journal of Distance Education*, 2018, 19 (3), 38–52, doi:10.17718/tojde.444635

Poetker Bridget. A Brief History of Augmented Reality (+Future Trends & Impact), 2019, URL: <https://www.blippar.com/blog/2018/06/08/history-augmented-reality> (дата обращения: 17.08.2020).

Rizov T., Rizova E. Augmented Reality As A Teaching Tool In Higher Education. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 2015, 3 (1), 7–16.

Yianni Charlotte. Infographic: history of augmented reality, 2018, URL: <https://www.blippar.com/blog/2018/06/08/history-augmented-reality> (дата обращения: 17.08.2020).

REFERENCES

Azuma, R. (1997). A Survey of Augmented Reality. *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*, 6 (4), 355–385. doi: 10.1162/pres.1997.6.4.355

Bursali, H., & Yilmaz, R. (2019). Effect of augmented reality applications on secondary school students' reading comprehension and learning permanency. *Computers in Human Behavior*, vol. 95, 126–135, doi: 10.1016/j.chb.2019.01.035.

Fuchsova, M. & Korenova, L. (2019). Visualisation in Basic Science and Engineering Education of Future Primary School Teachers in Human Biology Education Using Augmented Reality. *European Journal of Contemporary Education*, 8 (1), 92–102.

Marr, B. (2019). *The 7 Biggest Technology Trends in 2020 Everyone Must Get Ready for Now*. Available at: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2019/09/30/the-7-biggest-technology-trends-in-2020-everyone-must-get-ready-for-now/#7b2bbeb22261> (accessed 2 February 2020)

Martin-Gutierrez, J. & Fernandez, M. (2014). Augmented Reality Environments in Learning, Communicational and Professional Contexts in Higher Education. *Digital Education Review*, December, 61–73.

Milgram, P. & Kishino, F. (1994). A Taxonomy of Mixed Reality Visual Displays. *IEICE Transactions on Information and Systems*, E77-D (12), 1321–1329.

Morales Toledo Purificacion & García Jose Manuel. (2018). Use of Augmented Reality in Social Sciences as Educational Resource. *Turkish Online Journal of Distance Education*, 19 (3), 38–52, doi:10.17718/tojde.444635.

Poetker, B. (2019). *A Brief History of Augmented Reality (+Future Trends & Impact)*. Available at: <https://www.blippar.com/blog/2018/06/08/history-augmented-reality> (accessed 17 August 2020).

Rizov, T. & Rizova, E. (2015). Augmented Reality As A Teaching Tool In Higher Education. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 3 (1), 7–16.

Yianni, Ch. (2018). Infographic: history of augmented reality, Available at: <https://www.blippar.com/blog/2018/06/08/history-augmented-reality> (accessed 17 August 2020).

УДК 37.032

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ. ВЛИЯНИЕ НА ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ШКОЛЬНИКОВ

И.Н. Разварина, О.Н. Калачикова

*Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,
e-mail: irina.razvarina@mail.ru, onk82@yandex.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)4-12

Современное общество находится на новом информационном этапе развития. Это привело к модернизации средств коммуникации и возникновению новых видов познавательной деятельности человека, в частности «клипового мышления». «Клиповое мышление» формируется в детском возрасте, поэтому помочь в решении может оценка влияния интернет-общения, пользования «гаджетами» на сформированность познавательных процессов у детей, как одной из составляющих человеческого потенциала. Целью работы стала оценка влияния использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и электронных устройств на сформированность навыков запоминания, внимания, мышления, воображения, цифровых навыков у детей школьного возраста. Определено, что постоянное использование детьми «умной» техники и интернет-ресурсов оказывает неблагоприятное влияние на формирование вышеназванных навыков, а также успеваемость и школьную мотивацию. Научная новизна заключается в возможности оценить уровень развития познавательных процессов у детей школьного возраста под влиянием ИКТ с помощью разработанных научной группой субиндекса интеллектуального развития, индекса сформированности человеческого потенциала детского населения. Полученные данные могут использоваться при формировании программ семейной политики, развития образовательных организаций, повышения профессиональной грамотности учителей, психологов, социальных педагогов, родителей. Представлены результаты изучения поведенческих факторов риска здоровья детей в Вологодской области. На основе комплексной оценки родителями, детьми, специалистами школы выявлены проблемные зоны формирования здоровья обучающихся в образовательных организациях г. Вологды и г. Череповца. Полученные результаты позволили акцентировать внимание на ряде аспектов практической и теоретической деятельности по охране здоровья детей, сформировать научно-методическую базу для обоснования развития системы охраны здоровья детей школьного возраста в Вологодской области.

***Ключевые слова:** человеческий потенциал детского населения, клиповое мышление, информационно-коммуникационные технологии*

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES. INFLUENCE ON KNOWLEDGE PROCESSES FOR SCHOOLCHILDREN

I.N. Razvarina, O.N. Kalachikova

*Vologodskiy Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia,
e-mail: irina.razvarina@mail.ru, onk82@yandex.ru*

Modern society is at a new informational stage of development. This led to the modernization of communication tools and the emergence of new types of cognitive activity of man, in particular, «clip thinking. Since «clip thinking» is formed in childhood, an assessment of the impact of Internet communication and the use of «gadgets» on the formation of cognitive processes in children, as one of the components of human potential, can help in solving this problem. The purpose of the manuscript was to assess the impact of the use of ICTs and electronic devices on the formation of memory, attention, thinking, imagination, digital skills in school children. It was determined that the constant use of «smart» technology and Internet resources by children has an adverse effect on the formation of memorization, thinking and attention skills, as well as academic performance and school motivation. Scientific novelty lies in the ability to assess the level of development of cognitive processes in schoolchildren under the influence of ICT using the sub-index of intellectual development developed by the scientific group, the index of the human potential of the child population. The obtained data can be used in the formation of family policy programs, the development of educational organizations, professional development of teachers, psychologists, social educators, parents.

Keywords: The human potential of the child population, clip thinking, information and communication technologies

Введение

По мнению исследователей, комплексное изучение потенциала детства — важнейшее условие разработки эффективной государственной политики, ориентированной на сбережение народа и социально-демографическое развитие России (Римашевская, 2004). Исследование проблем детства в нашей стране направлено на раскрытие факторов, которые оказывают наибольшее влияние на количественные и качественные аспекты человеческого потенциала в будущем (Римашевская, 2011).

Интеллектуальное развитие — это одна из значимых составляющих человеческого потенциала. Интеллект является одним из самых сложных образований человеческой психики. Его характеризует несколько систем. В нашем исследовании мы рассматриваем систему психических процессов, при помощи которой человек отражает и познает окружающий мир: внимание, память и мышление, воображение. А также практические навыки, в частности цифровые.

Важными представляются факторы, их формирующие. С точки зрения представителей западной психологии ими являются наследственность и среда, комплекс внешних факторов, влияющих на процесс развития (Мелхорн, 1989). Они условно делятся на факторы макро- и микросреды. К первым относят: особенности национальной культуры, социально-политического устройства общества, географические условия. К факторам микросреды — семью, образовательные организации, ближайшее окружение. Причем последние оказывают наибольшее воздействие на процесс развития ребенка (Савенков, 2000).

Специфическим фактором влияния на интеллектуальное развитие детей в современном обществе стало распространение электронных устройств и ИКТ. К наиболее значимым последствиям следует отнести изменения внимания, памяти, воображения, мышления, процессов принятия решений (Лысак, Белов, 2013). По данным научных исследований в России наблюдается вместе с ростом количества одаренных и способных детей увеличение числа детей из групп риска — «интеллектуально пассивных», «с трудностями обучения» (Бутенко, 2001; Клячко, Синельников-Мурылев, 2019; Белорукова, 2005).

Эти данные подтверждают актуальность изучения влияния ИКТ на интеллектуальное развитие детей. Целью исследования стала оценка влияния использования ИКТ и электронных устройств на сформированность памяти, внимания, мышления, воображения, цифровых навыков у детей школьного возраста в Вологодской области.

Ориентируясь на цель, предполагалось решить следующие задачи. 1. Представить обзор существующих исследований по данной теме. 2. Оценить влияние частоты использования ИКТ и степени зависимости детей от пользования электронными ресурсами на сформированность познавательных процессов. 3. Выявить связь между показателями субиндекса интеллектуального развития (СИР) и индекса человеческого потенциала детей (ИЧПД) и зависимостью детей от ИКТ. 4. Показать связь между постоянным проведением свободного времени и снижением показателей интеллектуального развития детей школьного возраста.

Методология исследования и информационная база. В нашем исследовании мы использовали ряд понятий, качественную характеристику которых представляем. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) — совокупность методов, программно-технических средств, интегрированных с целью сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и использования информации в интересах ее пользователей¹.

Наиболее распространенными устройствами ИКТ являются компьютер и средства телекоммуникации вместе с размещенной на них информацией. Термин «информационно-коммуникационные технологии» включает в себя «компьютерные технологии» в качестве составляющей (Петухова, 2013).

Для характеристики изменений интеллекта, происходящих под влиянием ин-

¹ Сетевые образовательные сообщества URL: <http://sandbox.openclass.ru/wiki-pages/79809>;

Информационно-коммуникационные технологии в образовании и социальной адаптации детей с нарушением слуха. URL: <http://www.academy.edu.by/sites/logoped/kommtechno.htm>.

формационных технологий, ряд современных исследователей предлагают использовать понятие «клиповое мышление» (Пронина, 2001; Загидуллина, 2012). Оно характеризуется быстрым, но поверхностным усвоением информации, в отличие от понятийного, которое по скорости обработки медленней, чем клиповое, но более углубленное. Тем не менее оно не позволяет соединить многообразие фактов в единое целое.

Термин «клиповое мышление» в научной литературе появился в конце 90-х годов XX в. и обозначал особенность человека воспринимать мир с помощью видеоклипа (Азаренок, 2012). При огромном количестве информации в современном мире оно позволяет быстрее ориентироваться в обстановке, но из-за поверхностного восприятия не способствует развитию духовных качеств.

В работах зарубежных ученых термин употребляется в более широком смысле — «клиповая культура» и понимается как составляющая общей информационной культуры, основанной на бесконечном мелькании информационных отрезков для людей соответствующего склада ума (Тоффлер, 2002).

В отечественной науке Ф.И. Гиренок¹ первым употребил термин «клиповое мышление», прогнозируя, что понятийное мышление перестало играть первостепенную роль в современном мире (Гиренок, 1995).

К.Г. Фрумкин (2010) выделил предпосылки формирования «клипового мышления»: 1) ускорение темпов жизни и увеличившийся объем информации; 2) необходимость актуальности информации и увеличения скорости ее поступления; 3) разнообразие информации; 4) возрастание видов деятельности, которыми человек занимается одновременно; 5) рост диалогичности на разных уровнях социальной системы.

Отметим, что, по мнению ученых, клиповое мышление обладает не только недостатками: рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания, — но и положительными характеристиками. Например, тренируется навык переключения внимания: дети могут слушать музыку, общаться в чате, редактировать фотографии, одновременно делая уроки (Rosen, 2007).

В настоящее время эта тема актуальна как для зарубежных, так и российских ученых. Исследователи Института будущего мышления при Оксфордском университете под руководством С. Гринфилд², а также Лаборатории коммуникации человека и интерактивных медиа Стэнфордского университета³ занимаются междисциплинарными исследованиями в области психологии, неврологии, интерактивных технологий. Ученые из Оксфордского университета (Великобритания) рассчитали

¹ Гиренок Ф. И. — доктор философских наук, профессор. Заместитель заведующего кафедрой философской антропологии МГУ. Родился на Алтае в 1948 г. В 1970 г. окончил среднюю школу в г. Алейске (Алтайский край). В 1976 г. окончил философский факультет МГУ. В 1988 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Экология как феномен самосознания цивилизации». Автор книг: «Экология. Цивилизация. Ноосфера» (1987), «Ускользящее бытие» (1994), «Метафизика папа» (1996), «Патология русского ума» (1998). URL: <http://hrono.ru/avtory/hronos/girenok.php>.

² The Institute for the Future of The Mind. URL: <http://www.futuremind.ox.ac.uk/>.

³ CHIME Lab. URL: <http://chime.stanford.edu/>.

оптимальную продолжительность пребывания перед различными экранами. Исследователи провели опрос 120 тысяч 15-летних подростков (в основном оценивалось психическое здоровье, в том числе социальные навыки) и сравнили результаты с тем временем, которое они проводили за различными гаджетами. Выяснилось, что современные электронные устройства приносят больше пользы, нежели вреда. Ученые пришли к выводу, что гаджеты могут повысить творческий потенциал. Для компьютера оптимальное время составило 257 мин. (4 ч. 17 мин.) в день; для смартфонов — 120 мин.; для видеоигр — 1 ч 40 мин. Результаты физиолого-гигиенических исследований в России позволили разработать основные требования к организации работы на компьютерах детей различных возрастных групп, к рабочему месту пользователя, к гигиеническим условиям в помещениях. Для школьников непрерывная длительность занятий с компьютером не должна превышать: в 1–5-м классах — 15 мин., в 5–7-м классах — 20 мин., 8–9-м — 25 мин., 10–11-м классах — 30 мин. на первом часу занятий и 20 мин. на втором¹. Эти нормы не согласуются с результатами научных исследований и реальной потребностью учебной программы.

В отечественной науке также изучается влияние информационных технологий на познавательные процессы людей (Тарасенко, 2017). Ученые Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, (г. Санкт-Петербург) занимаются выявлением референтов «клипового мышления» человека в условиях специально организованной познавательной деятельности (Микляева, Безгодова, 2016). При этом внимание они обращают на исследование и негативных, и позитивных изменений, например, развитие творческой деятельности (Лысак, Белов, 2013; Балдина, Зинцова, 2018). Большой вклад в решение проблемы компьютерной технологии обучения внесли российские и зарубежные ученые: С. Пейперт (1989), И.В. Роберт (2001). В.Г. Шибаниц (2009) и др.

В исследовании использованы общенаучные методы — синтез и сравнительный анализ данных, а также социологические методы исследования. Исследование проводилось в рамках проекта РФФИ № 18-011-01039 на тему «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества» в 2018 г. Объект исследования — семьи с детьми в возрасте от 3 до 17 лет, проживающие на территории Вологодской области. Предмет исследования — человеческий потенциал детского населения, условия и факторы его формирования. Данное исследование является частью работы по проекту, запланированной для реализации на его первом этапе. В рамках выполнения грантового проекта были разработаны четыре типа анкет для проведения массового социологического опроса семей с детьми в возрасте 3–6, 7–10, 11–14 и 15–17 лет. Сбор эмпирических данных осуществлялся путем проведения индивидуального раздаточного анкетирования родителей в городах Вологда, Череповец, на территориях муниципальных районов. Объем выборки составил 1500 семей, среди которых 1165 полных по составу и 332 семьи, где ребенка воспитывает один

¹ Гигиенические требования к персональным электронно-вычислительным машинам и организации работы: СанПиН 2.2.2./2/4/1340-03. URL: <https://ceut.ru/sanpin-2-2-2-4-1340-03/>.

родитель. В г. Вологде опрошены 397 семей, в г. Череповце — 405 семей, в районах области — 698 семей. Распределение семей по возрастным группам детей было следующим: 472 семьи с детьми 3–6 лет (дошкольники), 408 семей с детьми 7–10 лет (младшие школьники), 376 семей с детьми 11–14 лет (среднего школьного возраста), 244 семьи с детьми в возрасте от 15 до 17 лет (старшеклассники).

Результаты и обсуждение

Переходя к нашему исследованию, обратим внимание на следующее понятие: «человеческий потенциал детского населения» (Шабунова, 2019). Под ним понимается совокупность врожденных способностей и приобретаемых в ходе жизнедеятельности качеств (навыков), динамически изменяющихся по мере взросления, которые необходимы для успешного развития личности, ее социализации и адаптации к меняющимся условиям среды (Короленко, Гордиевская, 2018). Авторский коллектив проекта разработал индексную методику оценки сформированности человеческого потенциала детского населения (ИСЧПД), опирающуюся на данные социологического опроса.

$$I_{\text{ЧПД}} = \sqrt[3]{I_3 * I_{\text{ИР}} * I_{\text{СКР}}}, \quad (1)$$

где $I_{\text{ЧПД}}$ — интегральный индекс человеческого потенциала детского населения, I_3 — субиндекс здоровья, $I_{\text{ИР}}$ — субиндекс интеллектуального развития, $I_{\text{СКР}}$ — субиндекс социокультурного развития.

В структуре сводного индекса в соответствии с классификацией компонентов качества человеческого потенциала Н.М. Римашевской выделены три субиндекса: здоровья, социокультурного и интеллектуального (умственного) развития, или познавательных процессов (навыков запоминания, мышления, воображения, внимания, цифровых навыков).

В исследовании предпринята попытка оценить сформированность вышеназванных навыков в зависимости от:

частоты использования детьми «умной» техники и электронных ресурсов; степени интернет-зависимости.

Существуют физические и психологические признаки состояния зависимости, одним из которых является агрессия, когда родители предлагают ребенку закончить «общение» с компьютером¹. Для выявления взаимосвязи мы использовали ответ родителей: «Часто ли Ваш ребенок „выходит из себя“, если кто-то отвлекает его от компьютера, прочих гаджетов или интернета?».

В первую очередь анализ результатов показал, что с повышением возраста увеличивается и доля детей которые «постоянно, несколько раз в день» пользуются компьютерной техникой и такими ресурсами, как интернет, компьютер, мобильный телефон (табл. 1).

¹ Опасна ли детская зависимость от интернета. URL: <https://psychoday.ru/zavisimosti/internet-u-detej.html>.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Оцените, как часто Ваш ребенок
пользуется следующей „умной“ техникой и ресурсами»
по возрастным группам, %

	7–10 лет	11–14 лет	15–17 лет
Интернет			
Постоянно, несколько раз в день	24,2	40,1	59,0
Несколько раз в неделю, раз в неделю или реже	26,7	29,7	23,3
Компьютер (стационарный, ноутбук)			
Постоянно, несколько раз в день	20,3	29,8	46,5
Несколько раз в неделю, раз в неделю или реже	28,7	33,8	23,2
«Умный» мобильный телефон (смартфон)			
Постоянно, несколько раз в день	37,6	52,8	64,3
Несколько раз в неделю, раз в неделю или реже	21,0	24,3	16,8

Источник: здесь и далее данные опроса родителей по проекту РФФИ № 18-011-01039 «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества» в 2018 г.

В таблице 2 приведены данные об уровне развития навыков у ребенка в зависимости от выбора варианта ответа «очень хорошо сформирован» на вопрос: «Оцените, как часто Ваш ребенок пользуется следующей „умной“ техникой и ресурсами?». Получено, что у детей в возрасте 7–10 лет, постоянно пользующихся ИКТ и электронными ресурсами, по сравнению с теми, кто делает это реже, лучше сформированы навыки воображения и цифровые навыки. Например, при использовании интернета (45,9% против 41,5%); мобильного телефона (49,3% против 34,1%). Такая же тенденция прослеживается в среднем и старшем школьном возрасте.

Интеллектуальное развитие. У детей дошкольного возраста (3–6 лет) родители оценивали уровень интеллектуального развития.

Результаты у детей в возрасте 11–14 и 15–17 лет, постоянно пользующихся ИКТ, такие же, как и по младшим школьникам: показатели СИР и ИЧПД выше, чем у тех, кто пользуется реже, и сформированность интеллектуальных навыков, кроме цифровых, — ниже.

Поскольку интеллект — это умственная деятельность, то одним из критериев его сформированности выступает успеваемость, как предпосылка — школьная мотивация (Меньшикова, 2009). Мы попытались оценить влияние степени зависимости детей от ИКТ на названные критерии.

У детей всех возрастных групп лет получено, что чем больше зависимость от ИКТ, тем в меньшей степени ребенок справляется с учебной нагрузкой (табл. 3).

Таблица 2

Доля детей 7–10 лет с хорошо сформированными навыками в зависимости от частоты использования „умной“ техники и ресурсов

7–10 лет 100% в строке (приведены проценты только по варианту ответа «очень хорошо сформирован»)	На- выки запо- мина- ния	На- выки мыш- ления	На- выки вооб- раже- ния	На- выки вни- мания	Циф- ровые навы- ки	СИР	ИЧПД
Интернет							
Постоянно, несколько раз в день	27,8	29,9	37,8	41,2	45,9	0,815	0,806
Несколько раз в неделю, раз в неделю или реже	33,0	37,7	40,6	37,7	41,5	0,810	0,805
Компьютер (стационарный, ноутбук)							
Постоянно, несколько раз в день	23,2	29,3	36,6	36,6	39,0	0,800	0,799
Несколько раз в неделю, раз в неделю или реже	33,0	41,7	43,5	43,5	41,7	0,822	0,815
«Умный» мобильный телефон (смартфон)							
Постоянно, несколько раз в день	37,6	36,2	40,7	45,0	49,3	0,828	0,814
Несколько раз в неделю, раз в неделю или реже	28,0	35,4	40,2	35,4	34,1	0,796	0,804

Таблица 3

Успеваемость в зависимости степени интернет-зависимости

Показатели	Часто ли Ваш ребенок «выходит из себя», если кто-то отвлекает его от компьютера, прочих гаджетов или Интернета?		
	Всегда реагирует спокойно	Зависит от настроения ребенка	Практически каждый раз так реагирует
Оцените, пожалуйста, как учится Ваш ребенок			
7–10 лет			
Не справляется с учебной программой, основные оценки 2, 3	1,1	4,0	8,3
Хорошо справляется с учебной программой, основные оценки 4, 5	71,8	54,5	54,2
11–14 лет			
Не справляется с учебной программой, основные оценки 2, 3	1,8	3,0	3,2

Показатели	Часто ли Ваш ребенок «выходит из себя», если кто-то отвлекает его от компьютера, прочих гаджетов или Интернета?		
	Всегда реагирует спокойно	Зависит от настроения ребенка	Практически каждый раз так реагирует
Хорошо справляется с учебной программой, основные оценки 4, 5	70,4	40,0	35,5
15–17 лет			
Не справляется с учебной программой, основные оценки 2, 3	3,7	4,7	14,8
Хорошо справляется с учебной программой, основные оценки 4, 5	66,4	40,6	33,3

Таблица 4

Влияние степени зависимости от использования электронных ресурсов на отношение к школе, %

Показатели*	Часто ли Ваш ребенок «выходит из себя», если кто-то отвлекает его от компьютера, прочих гаджетов или Интернета?		
	Всегда реагирует спокойно	Зависит от настроения ребенка	Практически каждый раз так реагирует
Как Ваш ребенок относится к школе?			
7–10 лет			
Относится к посещению школы крайне отрицательно, периодически пропускает занятия	3,6	1,7	0,0
Позитивно относится к школе, всегда посещает ее в хорошем настроении	52,1	27,7	21,7
11–14 лет			
Относится к посещению школы крайне отрицательно, периодически пропускает занятия	1,8	3,0	6,7
Позитивно относится к школе, всегда посещает ее в хорошем настроении	47,3	20,6	10,0
15–17 лет			
Относится к посещению школы крайне отрицательно, периодически пропускает занятия	3,8	6,6	26,9
Позитивно относится к школе, всегда посещает ее в хорошем настроении	52,8	18,9	26,9

*Для интерпретации взяты только положительные и отрицательные показатели.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, значимость учебных мотивов для Вашего ребенка» (ответ «совершенно не значимо»)

Познавательные (интерес к получению знаний, любознательность, стремление к развитию познавательных способностей, получение удовольствия от интеллектуальной деятельности и др.)	Часто ли Ваш ребенок «выходит из себя», если кто-то отвлекает его от компьютера, прочих гаджетов или Интернета?		
	Всегда реагирует спокойно	Зависит от настроения ребенка	Практически каждый раз так реагирует
7–10 лет	0,0	2,0	5,6
11–14 лет	0,7	0,0	4,5
15–17 лет*	4,2	3,8	3,8

*Для возраста 15–17 лет ответ — «имеет первостепенную значимость».

Таблица 6

Влияние степени зависимости от использования ИКТ на значения СИР и ИЧПД

Показатели	Часто ли Ваш ребенок «выходит из себя», если кто-то отвлекает его от компьютера, прочих гаджетов или Интернета?		
	Всегда реагирует спокойно	Зависит от настроения ребенка	Практически каждый раз так реагирует
7–10 лет			
Субиндекс интеллектуального развития (СИР)	0,836	0,776	0,732
Индекс человеческого потенциала детского населения (ИЧПД)	0,840	0,774	0,713
11–14 лет			
СИР	0,774	0,757	0,725
ИЧПД	0,796	0,779	0,743
15–17 лет			
СИР	0,821	0,771	0,776
ИЧПД	0,827	0,781	0,769

По данным исследования получили, что степень зависимости от интернета влияет на школьную мотивацию. Чем она более выражена, тем ниже уровень положительного отношения к школе у детей 7–10, 11–14 лет. Обращает на себя внимание возраст 15–17 лет. Выявлена дифференциация стратегий поведения: равные доли детей, у которых сформирована положительная и отрицательная учебная мотивация (табл. 4).

Степень зависимости детей от использования электронных ресурсов (далее — степень зависимости) также оказывает влияние на значимость и качественную характеристику учебных мотивов детей (табл. 5). Выявлена прямая связь: чем более выражена степень зависимости, тем больше количество детей, для которых совершенно не значимы познавательные мотивы обучения.

Значения СИР и ИЧПД также меньше у детей, которые агрессивно реагируют, когда кто-то отвлекает их от компьютера, чем у их сверстников, реагирующих более спокойно, причем такая тенденция прослеживается по всем возрастам (табл. 6).

Показательны результаты оценки доли детей с хорошо сформированными навыками в зависимости от проведения свободного времени вместе с родителями в будние дни (вариант ответа «Сидим каждый за своим компьютером/ноутбуком/планшетом/телефоном») (табл. 7). У детей, которые часто и постоянно используют такой вид общения с родителями, навыки мышления, воображения развиты в меньшей степени, чем у тех, кто использует эту форму общения «никогда и редко». Исключение составляют «навыки внимания» и «цифровые навыки» школьников 15–17 лет. Показатели СИР и ИЧПД также ниже у тех детей, которые предпочитают проводить свободное время за «умной» техникой вместе со взрослыми членами семьи. У детей 15–17-летнего возраста прослеживается обратная связь показателей. Можно объяснить это подготовкой к итоговым экзаменам в 9-х и 11-х классах в образовательных целях, для них они часто используют электронные ресурсы.

Таблица 7

Доля детей с хорошо сформированными навыками в зависимости от проведения свободного времени вместе с родителями в будние дни «Сидим каждый за своим компьютером/ноутбуком/планшетом/телефоном», %

Варианты ответа	Навыки запоминания	Навыки мышления	Навыки воображения	Навыки внимания	Цифровые навыки	СИР	ИЧПД
7–10 лет							
Никогда + редко	38,2	39,2	43,0	47,3	39,2	0,814	0,814
Часто + постоянно	19,1	24,7	27,0	25,8	32,6	0,783	0,779
11–14 лет							
Никогда + редко	30,2	24,0	27,1	31,0	33,3	0,763	0,792
Часто + постоянно	27,5	24,2	19,8	25,3	31,9	0,775	0,779
15–17 лет							
Никогда + редко	37,0	38,4	37,0	41,1	26,0	0,787	0,797
Часто + постоянно	30,7	29,3	30,7	41,3	32,0	0,802	0,813

Число поведенческих факторов, влияющих на здоровье ребенка, растет по мере его взросления: так, на здоровье первоклассников влияет меньшее количество поведенческих факторов, чем у обучающихся 11-х классов. В начальных клас-

сах более выражен контроль родителей. На первое место в старшей школе выходит поведение самого ребенка, у старшеклассников (10–11-е классы) слабо сформированы навыки самоконтроля в сфере здоровьесбережения. И воспитательное воздействие родителей также по мере взросления становится более непоследовательным.

Есть расхождения между детьми и родителями в оценках проблем со здоровьем. Так ученики 11-го класса чаще, чем их родители, выбрали ответ, что имеют проблемы со зрением (44% против 34%), опорно-двигательным аппаратом, осанкой (45% против 17%). Девятиклассники по сравнению с родителями также чаще отмечали проблемы со зрением (37% против 29%), функционированием опорно-двигательного аппарата (35% против 15%).

По ответам родителей можно сделать вывод, что они переносят ответственность на школу по профилактике заболеваний опорно-двигательного аппарата.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. С повышением возраста увеличивается доля детей, которые «постоянно, несколько раз в день» пользуются ИКТ и электронными ресурсами.

У детей 7–10 и 15–17 лет, постоянно пользующихся ИКТ и электронными ресурсами, по сравнению с теми, кто делает это реже, лучше сформированы цифровые навыки и навыки воображения. В то же время показатели навыков запоминания, мышления и внимания у детей ниже, чем у тех, кто пользуется ими редко (кроме детей 11–14 лет). Тем не менее выявлено противоречие: уровень интеллектуального развития и здоровья, социальной компетенции выше у школьников, постоянно использующих интернет и мобильный телефон.

По мнению родителей, степень зависимости от интернета влияет на успеваемость, школьную мотивацию и качественную характеристику учебных мотивов детей. Выявлена прямая связь — чем больше выражена зависимость от использования электронных ресурсов:

- тем в меньшей степени ребенок справляется с учебной нагрузкой;
- ниже уровень положительного отношения к школе у детей во всех возрастах, больше количество детей, для которых совершенно не значимы познавательные мотивы обучения;
- значения СИР и ИЧПД меньше у детей, «зависимых от интернета и использования электронных ресурсов».

Таким образом, можно сделать вывод, что влияние ИКТ на формирование познавательных процессов у детей школьного возраста зависит от степени их использования. Причем у детей, постоянно использующих ИКТ, кроме негативных последствий отмечаются и позитивные: выше уровень развития цифровых навыков и воображения, интеллектуального развития и здоровья, социальной компетенции.

У детей, «зависимых от интернета», показатели успеваемости, школьной мотивации, способность справляться с учебной нагрузкой ниже.

Считаем необходимой разработку научно-обоснованных адресных рекомендаций родителям, педагогам по использованию ИКТ в учебном процессе для развития

интеллектуальных качеств детей различных возрастных групп, а также расчет оптимального норматива времени работы на компьютерах для детей разных возрастов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Азаренок Н.В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире. В кн.: Психология человека в современном мире: Материалы Всерос. юбилейной науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна. Т. 5. Личность и группа в условиях социальных изменений. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 110–112.

Балдина К.А., Зинцова А.С. Влияние современных технологий на одаренность подростков. *Инновационная наука*, 2018, No. 5. URL: https://aeterna-ufa.ru/sbornik/IN_05_2018_2.pdf (дата обращения: 1.06.2020).

Белорукова Е.М. Развитие у младших школьников интеллектуальной инициативы: результаты экспериментального исследования. *Педагог*, 2005, 1 (18), 100–106.

Бутенко И.А. Подростки: чтение и использование компьютера. *Социологические исследования*, 2001, No. 12, 84–91.

Гиренок Ф.И. *Метафизика пата (косноязычие усталого человека)*. М: Лабиринт, 1995.

Загидуллина М.В. Информационное общество в контексте Net-мышления. *Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение*, 2012, 63 (5), 48–51.

Клячко Т.Л., Синельников-Мурылев С.Г. *Стратегия для России: образование*. М.: Дело, 2018.

Короленко А.В., Гордиевская А.Н. Человеческий потенциал детского населения: понимание и оценка. *Социальное пространство*, 2018, 5 (17), 1–17.

Лысак И.В., Белов Д.П. Влияние информационно-коммуникационных технологий на особенности когнитивных процессов. *Известия ЮФУ. Технические науки*, 2013, 5 (142). URL: [https://izv-tn.tti.sfedu.ru/wp-content/uploads/PDF/2013_5\(142\).pdf](https://izv-tn.tti.sfedu.ru/wp-content/uploads/PDF/2013_5(142).pdf) (дата обращения: 1.06.2020).

Мелхорн Х.Г. *Гениями не рождаются*. М.: Просвещение. 1989.

Меньшикова Е.А. Психолого-педагогические аспекты развития познавательной активности детей. *Вестник ТГПУ*, 2009, No. 5, 112–116.

Микляева А.В., Безгодова С.А. Экспериментально-психологическое исследование «Клипового мышления»: результаты апробации программы эксперимента. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*, 2016, No. 17, 59–67.

Петухова Е.И. Информационные технологии в образовании. *Успехи современного естествознания*, 2013, No. 10, 15–22.

Пронина Е.Е. «Живой текст»: четыре стиливых признака Net-мышления. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, 2001, No. 6, 74–80.

Пейперт С. Поворот в сознании: Дети, компьютеры и плодотворные идеи. М.: Педагогика, 1989.

Римашевская Н.М. Детство как потенциал социально-демографического развития России. *Народонаселение*, 2011, No. 2, 4–11.

Римашевская Н.М. Качество человеческого потенциала в современной России. *Безопасность Евразии*, 2004, No. 1, 14–32.

Роберт И.В. Распределенное изучение информационных и коммуникационных технологий в общеобразовательных предметах. *Информатика и образование*, 2001, No. 5, 12–16.

Савенков А.И. *У колыбели гения*. М.: Педагогическое общество России, 2000.

Синельников-Мурылев С.Г. Образование и экономический рост. URL: <https://www.ganepa.ru/prepodavately/sotrudnik/> (дата обращения: 12.05.2020).

Тарасенко В.В. Человек кликающий: фрактальные метаморфозы. *Информационное общество*, 1999, No. 1, 43–46.

Тоффлер Э. *Шок будущего*. М.: АСТ, 2002.

Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста. *Ineternum*, 2010. №1. URL: http://nounivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm (дата обращения: 1.06.2020)

Шебаниц В.Г. Организационно-педагогические условия использования информационных технологий в образовательном пространстве. В кн: *Педагогическое мастерство: материалы Междунар. науч. конф.* (г. Москва, апрель 2012 г.). М. Буки-Веди, 2012. С. 357–359.

Шабунова А.А. Детство как этап формирования человеческого потенциала. В кн: *Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни : II Римашевские чтения*, г. Москва, 26 марта 2019 года. М., 2019.

Rosen L. Me, MySpace, and I: Parenting the Net Generation. N.Y., 2007.

REFERENCES

Azarenok, N.V. (2009). Klipovoe soznanie i ego vliyanie na psihologiyu cheloveka v sovremennom mire [Clip consciousness and its influence on human psychology in the modern world]. In: *Psihologiya cheloveka v sovremennom mire: Materialy Vseros. yubilejnoj nauch. konf., posvyashch. 120-letiyu so dnya rozhdeniya S.L. Rubinshtejna. T. 5. Lichnost' i gruppya v usloviyah social'nyh izmenenij* [Psychology of humans in contemporary world: Proceedings of All-Russian anniversary scientific conference dedicated to the 120th anniversary of the birth of S.L. Rubinshtein. Vol. 5. Personality and group under conditions of social changes]. Moscow: Institute of psychology of the RAS (pp.110–112).

Baldina, K.A., Zincova, A.S. (2018). Vliyanie sovremennyh tehnologij na odaryonnost' podrostkov [Influence of modern technologies on the giftedness of teenagers]. *Innovative science*, no. 5. Available at: https://aeterna-ufa.ru/sbornik/IN_05_2018_2.pdf

Belorukova, E.M. (2005). Razvitie u mladshih shkol'nikov intellektual'noj iniciativy: rezultaty eksperimental'nogo issledovaniya [Development of intellectual initiative in younger students: Results of an experimental study]. *Teacher*, 1 (18), 100–106.

- Butenko, I.A. (2001). Podrostki: chtenie i ispol'zovanie komp'yutera [Teenagers: Reading and using a computer]. *Sociological Studies*, no. 12, 84–91.
- Girenok, F.I. (1995) *Metafizika pata (kosnoyazychie ustalogo cheloveka)* [Pat's metaphysics (stammering of a tired man)]. Moscow: Labirint.
- Zagidullina, M.V. (2012). Informacionnoe obshchestvo v kontekste Net-myshleniya [Information society in the context of Net-thinking]. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences. Art Sciences*, 63(5), 48–51.
- Klyachko, T.L., Sinel'nikov-Murylev, S.G. (2018). *Strategiya dlya Rossii: obrazovanie* [Strategy for Russia: Education]. Moscow: Delo.
- Korolenko, A.V., Gordievskaya, A.N. (2018). Chelovecheskij potencial detskogo nasele-niya: ponimanie i ocenka [Human potential of children's population: Understanding and evaluation]. *Social Area*, 5 (17), 1–17.
- Lysak, I.V., Belov, D.P. (2013). Vliyanie informacionno-kommunikacionnyh tehnologij na osobennosti kognitivnyh processov [Impact of information and communication technologies on features of cognitive processes]. *Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*, 5 (142). Available at: [https://izv-tn.tti.sfedu.ru/wp-content/uploads/PDF/2013_5\(142\).pdf](https://izv-tn.tti.sfedu.ru/wp-content/uploads/PDF/2013_5(142).pdf) (accessed 1 June 2020).
- Melhorn, H.G. (1989). *Geniyami ne rozhdayutsya* [Geniuses are not born]. Moscow: Prosveshchenie.
- Men'shikova, E.A. (2009). Psihologo-pedagogicheskie aspekty razvitiya poznavatel'noj aktivnosti detej [Psychological and pedagogical aspects of children's cognitive activity development]. *y Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. No. 5, 112–116.
- Miklyaeva, A.V., Bezgodova, S.A. (2016). Eksperimental'no-psihologicheskoe issledovanie «Klipovogo myshleniya»: rezul'taty aprobacii programmy eksperimenta [Experimental psychological study of «Clip thinking»: Results of the experimental program testing]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Psychology Series*, no. 17, 59–67.
- Petuhova, E.I. (2013). Informacionnye tehnologii v obrazovanii [Information technologies in education]. *Advances in current natural sciences*, no. 10, 15–22.
- Pronina, E.E. (2001). «Zhivoj tekst»: chetyre stilevyh priznaka Net-myshleniya [«Live text»: Four style features of Net-thinking]. *Moscow University Bulletin. Episode 10. Journalism*, no. 6, 74–80.
- Pejper, S. (1989). *Povorot v soznanii: Deti, komp'yutery i plodotvornye idei* [Mindstorms. Children, Computers, and Powerful Ideas]. Moscow: Pedagogika.
- Rimashevskaya, N.M. (2011). Detstvo kak potencial social'no-demograficheskogo razvitiya Rossii [Childhood as a potential for social and demographic development in Russia]. *Population*, no. 2, 4–11.
- Rimashevskaya N.M. (2004). Kachestvo chelovecheskogo potenciala v sovremennoj Rossii [The quality of human potential in modern Russia]. *Security of Eurasia*, no. 1, 14–32.
- Robert, I.V. (2001). Raspredelennoe izuchenie informacionnyh i kommunikacionnyh tehnologij v obshcheobrazovatel'nyh predmetah [Distributed study of information and communication technologies in general education subjects]. *Informatics and Education*, no. 5, 12–16.

Savenkov, A.I. (2000). *U kolybeli geniya* [Near the cradle of genius]. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii.

Sinel'nikov-Murylev, S.G. (2019). *Obrazovanie i ekonomicheskij rost* [Education and economic growth]. Available at: <https://www.ranepa.ru/prepodavateli/sotrudnik/>

Tarasenko, V.V. (1999). Chelovek klikayushchij: fraktal'nye metamorfozy [A man who clicks: Fractal metamorphoses]. *Information Society*, no. 1, 43–46.

Toffler A. (2002) *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow: AST.

Frumkin, K.G. (2010). Klipovoe myshlenie i sud'ba linejnogo teksta [Clip thinking and the fate of linear text]. *Ineternum*, no. 1. Available at: http://nounivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm (Accessed 1 June 2020).

Shebanic, V.G. (2012). Organizacionno-pedagogicheskie usloviya ispol'zovaniya informacionnyh tehnologij v obrazovatel'nom prostranstve [Organizational and pedagogical conditions for using information technologies in the educational space]. In: *Pedagogicheskoe masterstvo: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Pedagogical mastery: Proceeding of International Scientific and Technical Conference. April 2012, Moscow]. Moscow: Buki-Vedi (pp. 357–359).

Shabunova, A.A. (2019). Detstvo kak etap formirovaniya chelovecheskogo potenciala [Childhood as a stage of human potential formation]. In: *Sberezhenie naseleniya Rossii: zdorov'e, zanyatost', uroven' i kachestvo zhizni: II Rimashevskie chteniya* [Savings of the Russian population: Health, employment, the level and quality of life: Proceedings of II Rimashevsky Readings, 26 March 2019]. Moscow.

Rosen, L. (2007). *Me, MySpace, and I: Parenting the Net-Generation*. N.Y.: Palgrave Macmillan.

УДК 372.834 (343.35)

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ СТУДЕНТАМИ ТЕМЫ «КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН» В РАМКАХ УЧЕБНОГО КУРСА «ПРАВОВЕДЕНИЕ» В ХИМИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Н.В. Плаксина, Т.Н. Акулова, Е.В. Смирнова

*Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева,
Москва, Россия,
e-mail: Nadegda.compas@rambler.ru*

DOI:10.14258/ssi(2020)4-13

Рассматриваются особенности изучения студентами технического вуза коррупции с позиции актуальности ее исследовательской составляющей. Обосновываются приобретения знаний правового характера с точки зрения важности не только с позиции гуманитарной дисциплины «Правоведение», но и значимой ситуации познания правовых аспектов в любой сфере жизнедеятельности. Особую роль в материалах статьи авторы отводят динамической составляющей в исследовании студенческой аудитории на предмет повышения интереса к гуманитарным дисциплинам, где «Правоведение» выходит на первые позиции среди дисциплин гуманитарного блока. Проблемные вопросы социального плана, в частности негативное проявление феноменальных и современных критериальных элементов коррупционных схем в текущей современности; особенности процедур судебного производства в отношении преступных деяний вообще, в частности в сфере образования, по результатам исследования вызывают у студентов живой интерес. Представлены результаты исследования активности обсуждения и анализа ситуаций коррупционной деятельности в образовательной среде. Приведены материалы исследования дисциплин гуманитарного цикла в высшей школе по рангу приоритетности среди обучающихся.

Ключевые слова: *правоведение, студенты, образовательная среда, коррупция*

FEATURES OF STUDYING THEME «CORRUPTION AS A SOCIAL PHENOMENON» IN THE FRAMEWORK OF THE TRAINING COURSE «JURISPRUDENCE» IN CHEMICAL UNIVERSITY

N.V. Plaksina, T.N. Akulova, E.V. Smirnova

*D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russia,
e-mail: Nadegda.compas@rambler.ru*

The article discusses the peculiarities of studying corruption by students of a technical university from the standpoint of the relevance of its research component. The acquisition of knowledge of a legal nature is substantiated from the point of view of importance not only from the standpoint of the humanitarian discipline «jurisprudence», but also the significant situation of knowledge of legal aspects in any sphere of life. The authors assign a special role in the materials of the article to the dynamic component in the study of the student audience with a view to increasing interest in the humanitarian disciplines, where «jurisprudence» comes to the fore among the disciplines of the humanitarian block. Problematic issues of a social plan, in particular, the negative manifestation of the phenomenal and modern criteria elements of corruption schemes in the current modernity. According to the results of the study, the peculiarities of the procedures of judicial proceedings in relation to criminal acts in general, in particular, in the field of education, arouse keen interest among students. The article presents the effective positions of the research on the subject of active discussion and analysis of situations of corruption in the educational environment. The materials of the study of the disciplines of the humanitarian cycle in higher education are given according to the priority ranking among students.

Keywords: *jurisprudence, students, educational environment, corruption*

Все более укрепляется авторитет гуманитарных дисциплин в структуре учебных программ высшей школы, и в частности в технических вузах. Рассматривая студента как социокультурный элемент в поле государственного управления (Плаксина, 2018), преподаватели не без должных на то оснований анализируют студенческую молодежь и с позиции «активного и благодарного слушателя».

Активный студент всегда и во всем проявляет свою позицию: в обсуждении вопросов учебных программ, предложениях по их совершенствованию, отстаивает свои позиции по проблемным и сложным вопросам современной действительности, ситуационных тенденций во всех сферах жизнеустройства.

В качестве благодарного слушателя студент характеризуется тем, что готов к «обратной связи» в системе студент — преподаватель, впитывает и принимает информацию разного уровня сложности, не испытывает трудностей в общении с преподавателем, устанавливая с ним доверительные отношения взаимодействия

(обучения) в рамках не только учебного курса, но и других смежных дисциплин. Доверительность отношений между студентом и преподавателем строится на возможности иногда беспелляционно отвергать или подвергать критичности определенные устойчивые позиции ученых и классиков в предлагаемом преподавательском материале, устанавливать категоричные оценки позициям и явлениям в различных сферах деятельности.

Рабочая программа дисциплины «Правоведение» в РХТУ им. Д.И. Менделеева включает в качестве проблемно-аналитической проблематики одну из тем: *коррупция как социальное и правовое явление*. До недавнего времени коррупция как социальное явление была предметом пристального внимания лишь правоведов. В настоящее время проникновение ее во все сферы общественной жизни поставило данную проблематику в ранг многоаспектности, которая требует ее осмысления, изучения и анализа.

Безусловно, при изучении темы «Коррупция» учебного курса рассматриваются базовые основы коррупционного феномена: исторические предпосылки и сущность коррупции, виды и формы ее проявления и др.

Особый интерес у студентов вызывают вопросы причин распространения коррупции, схемы коррупционных составляющих, в частности деятельности должностных лиц государственного управления в образовательной сфере.

При анализе на семинарских занятиях особенностей коррупционных преступлений в образовательной среде участниками полемики был установлен (с позиции обсуждения) следующий факт: статистические данные по данному виду преступлений не соответствуют действительности или имеют особенности.

Говоря об отсутствии значительного количества информации о коррупционных преступлениях, нельзя не уделить внимание такой практике, как «негласная» переквалификация преступления — данный термин неофициальный, в учебниках он не встречается и используется лишь в определенных кругах.

Рассмотрим сущность этого словосочетания. Представим самый простой вариант событий, который поможет его раскрыть и объяснить. На любом новостном портале можно найти информацию о случаях совершения преступления по ст. 290 УК РФ (получение взятки) (УК РФ, ст. 290)¹. Например, сотрудник ГИБДД требует взятку с провинившегося лица с целью непривлечения того к административной ответственности (езда без прав, в нетрезвом виде и пр.). Как правило, такие преступления становятся латентными. Редкий гражданин (автолюбитель) откажется от идеи избежать наказания. Однако при огласке подобных юридических инцидентов нередки случаи, когда в дело вступает ГУСБ (Главное управление собственной безопасности) МВД. И вот в прессе публикуется информация: «Бывший сотрудник ГИБДД пойман на вымогательстве взятки...», далее волшебным образом данное преступное деяние в информационном поле звучит в следующей трактовке: «Возбуждено дело по статье „Мошенничество“ (ст. 159 УК РФ)». Возникает резонный вопрос: почему первоначальная версия изменилась на другой вид преступного де-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020). СЗ РФ, 1996, № 25, ст. 2954.

яния?. А «ларчик просто открывался»: взятка — должностное преступление со всеми вытекающими последствиями. Именно по этой причине «заинтересованным лицам» желательно изменить ситуационную преступную версию на иной вид преступления с целью занизить социальную нетерпимость к подобному рода деяниям и общественную напряженность в отношении к ответственным правительственным мужам, использующим свое положение в корыстных целях.

Взяточник в любом государственном органе — личность нежелательная: она порочит честь структуры, вносит неуместную напряженность у населения, порождает недоверие. Поэтому гораздо проще обвинить лицо в мошенничестве и «уволить заранее», чтобы можно было констатировать: на момент совершения преступления сотрудник вверенного ведомства не являлся представителем органа власти, а действовал от его имени, не имея на то ни права, ни полномочий. Тут и структура почти «не при делах», и честь мундира структуры практически не задета. К сожалению, все эти закулисные игры сводятся лишь к одной цели: любыми путями оправдаться в глазах подведомственных структур и общественности; занизить значение общественной опасности своего деяния; уйти от ответственности и, как следствие, попытаться избежать реального срока.

Аналогично ситуации «разруливаются» и в образовательной сфере. Резонансным стало уголовное дело в отношении замминистра науки и высшего образования и ее соратника по цеху... Тверской районный суд Москвы арестовал замминистра науки и высшего образования Марину Лукашевич и начальника управления реализации программ в сфере науки и образования Россотрудничества Михаила Попова. Следствие вменяет фигурантам мошенничество в особо крупном размере: по результатам журналистских расследований, просочившихся в прессу, дело возбуждено 16 января 2020 г. в СУ УВД по САО ГУ МВД России по г. Москве по ч. 4 ст. 159 УК РФ (Замминистра науки Лукашевич предъявлено...).

Казалось бы, какую связь здесь имеет мошенничество и коррупция? Схема все та же: изначально было выявлено использование служебного положения и расходование финансовых средств нецелевым образом, а именно: по данным следствия, М. Лукашевич в 2016 г., будучи руководителем коммерческой организации, получила бюджетные средства и заключила договоры с индивидуальными предпринимателями (Арестованная Марина Лукашевич уволена...).

В этой оперативной информации (во всяком случае, на первоначальном этапе) налицо коррупционная составляющая, но далее плавно и латентно вдруг обнаруживаются признаки преступления по квалификации «мошенничество». И снова, по аналогии со значительным объемом подобных дел, с целью снижения общественной тревоги и социального неодобрения схема судопроизводства меняет вектор линии обвинения. Все информационные нюансы и подробности данного нашумевшего дела не лежат в поле свободного доступа, нам остается лишь строить определенные домыслы о дальнейшем развитии событий.

Тем не менее при анализе этого конкретного уголовного дела студентами было отмечено следующее: событие произошло в 2016 г., а следственные действия и мероприятия продолжаются на текущем этапе. Стоит говорить о том, что все дела

в рамках противодействия коррупции в РФ взяты на особый контроль и проводится тщательная проверка на всех уровнях и во всех сферах государственной деятельности на предмет выявления преступлений, квалифицируемых как коррупция.

Сразу хотим отметить, что все вопросы коррупционных схем в отдельных отраслях права носят обсуждаемые версии и не претендуют на фактическое утверждение — и тем не менее носят проблемно-аналитический характер. Безусловно, для четкого понимания и констатации фактов и трансформирования ситуаций исследуемой проблемы мы не располагаем возможностью досконального изучения материалов уголовных дел (тайна судопроизводства). Но, обсуждая на семинарских занятиях существующую действительность в тематике коррупции, студенты отмечают, что машинально при обнаружении фактов мошенничества из новостных порталов и СМИ начинают методом индукции возвращаться в исходную, так называемую «стартовую» позицию уголовного материала, по фиксируемым фактам с целью попытки выявления первоначальной коррупционной составляющей. Надо отдать должное, зачастую гипотезы студентов по трансформированию изначальных позиций коррупционных элементов в преступных деяниях чиновников разных уровней власти прослеживаются и подтверждаются с высокой долей вероятности. Более того, обучающиеся заметили, что уже на определенном уровне азарта выстраивают в своем сознании план внутреннего действия по поиску несоответствия или сокрытия истинного положения дел в структуре сопряженности «коррупция — мошенничество».

Обосновывая факт повышенного студенческого интереса к теме коррупции, авторы приходят к гипотезе: формы обсуждения правовых явлений на семинарских занятиях носят исследовательский характер, что является показателем формирования компетенций в структуре дисциплины «Правоведение». К основным формируемым знаниям и умениям из них относятся: расширение общекультурного кругозора, развитие интереса и мотивации к обучению, формирование критического мышления и установлению причинно-следственных связей. В связи с этим авторами было проведено исследование с целью выявления базовых позиций студентов в отношении к уровню значимости знаниевых компонентов в области права вообще, и в частности ориентации на проявление особого интереса к коррупции как феноменологическому и социальному явлению. Анкетирование проводилось на базе Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева. Опрос носил анонимный характер и состоял из открытых вопросов.

Группа респондентов включала 330 человек в возрасте от 18 лет до 21 года, из них 167 студентов второго курса и 163 — четвертого. Среди студентов второго курса девушки составили 61,76%, а юноши — 38,24%. В выборке студентов четвертого курса 57,14% составили девушки, 42,86% — юноши. В исследовании приняли участие обучающиеся только второго и четвертого курсов технологических направлений подготовки. Данная выборка обоснована особенностями построения учебных планов указанных профилей подготовки, где дисциплина «Правоведение» изучается на первом и третьем курсах. Предполагается, что по мере взросления у студентов формируется повышенная мотивация для изучения права, правовых

явлений, потребностей в умении решать социально-бытовые и профессиональные задачи в правовом поле.

Респондентам было предложено высказать мнение об обязательности или отсутствии необходимости дисциплин гуманитарного цикла в техническом вузе. Утвердительно на вопрос анкеты ответили 73,53% опрошенных студентов второго и 74,60% — четвертого курсов. В своих пояснениях обучающиеся приводили следующие формулировки: «да, для всестороннего развития личности обязательны гум. дисциплины», «гуманитарные науки помогают духовно развиваться человеку, выражать свою позицию, узнавать свои права, помогают стать культурнее», «без них невозможно гармоничное и всестороннее развитие личности, но они не должны превалировать над основными предметами», «высшее образование д.б. комплексным». Только 26,47% второкурсников и 25,40% четверокурсников высказали нежелание изучать гуманитарный блок, так как, по их мнению, данные дисциплины «отвлекают от основных предметов», «химику-технологу они не совсем нужны». При этом юридически грамотными себя считают только 22,06% второкурсников и 28,57% четверокурсников.

Обучающимся было предложено ранжировать по приоритетному для них предпочтению дисциплины гуманитарного цикла, преподаваемые в вузе. Полученные результаты представлены в таблице 1 и на рисунках 1 и 2.

Таблица 1

Ранжирование по приоритетам дисциплин гуманитарного профиля обучающимися университета, %

	1 место		2 место		3 место		4 место		5 место		6 место	
	2 курс	4 курс	2 курс	4 курс	2 курс	4 курс	2 курс	4 курс	2 курс	4 курс	2 курс	4 курс
История	11,77	12,70	10,29	11,11	16,18	15,87	22,06	14,29	20,59	17,46	19,11	28,57
Русский язык	22,06	15,87	23,53	14,29	14,71	14,29	8,81	20,63	16,18	15,87	14,71	19,05
Физическая культура	29,41	17,46	14,71	14,29	14,71	15,87	8,81	19,05	11,77	17,46	20,59	15,87
Правоведение	11,77	22,22	10,29	25,40	29,41	23,81	27,94	11,11	16,18	9,52	4,41	71,94
Психология	13,24	17,46	26,47	26,98	10,29	22,22	16,18	7,94	19,11	17,46	14,71	7,94
Философия	11,77	14,29	14,71	7,94	14,71	7,94	11,77	26,98	11,77	22,22	35,27	20,63

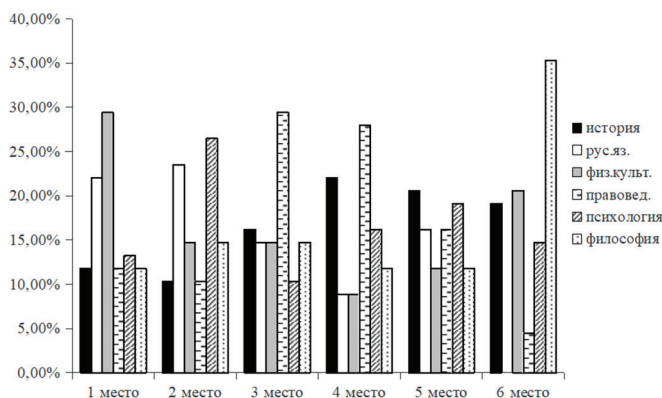

Рисунок 1 — Ранжирование по приоритетам дисциплин гуманитарного профиля студентами второго курса.

Как следует из рисунка 1, студенты второго курса отдают предпочтение занятиям физической культурой и спортом, на второе место они ставят потребность в повышении своей грамотности. В то же время интерес к дисциплине «Правоведение» занимает третью и четвертую позиции. Возрастная группа опрашиваемых — 18–19 лет.

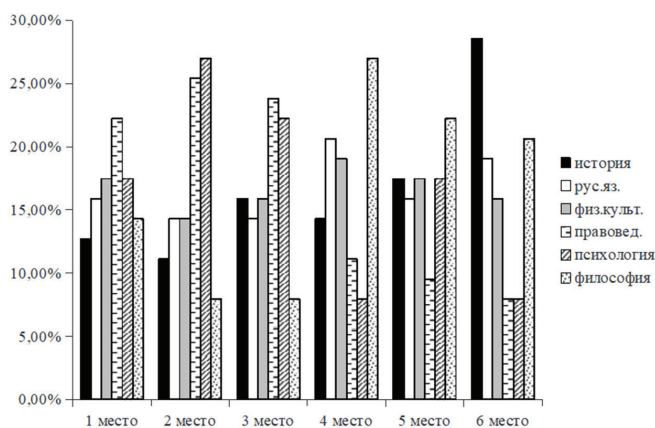

Рисунок 2 — Ранжирование по приоритетам дисциплин гуманитарного профиля студентами четвертого курса.

Иное оценивание значимости курса среди изучаемых гуманитарных дисциплин у старшекурсников (возраст референтной группы — 20–21 год). На первые позиции студенты ставят необходимость получения правовых знаний (1 и 3 место)

и знаний психологии (2 место) для саморазвития как в личной, духовной, так и профессиональных сферах.

Интерес к правовым явлениям способствует росту гражданской активности молодежи. Это предположение подтверждает и распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы для себя актуальной тему „Политика Российской Федерации в области противодействия коррупции?“», представленное на рисунке 3.

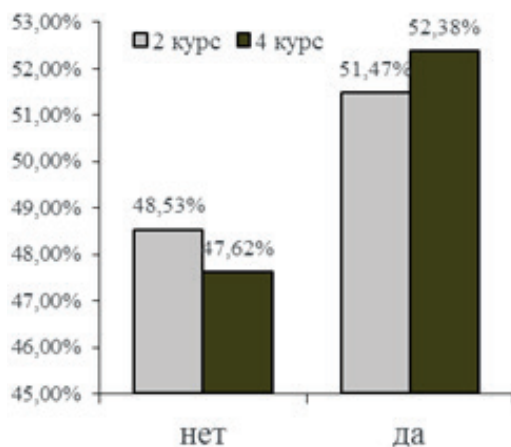

Рисунок 3 — Распределение положительных и отрицательных ответов респондентов.

В обоснование своего утвердительного ответа студенты приводили следующие доводы: «каждый гражданин должен иметь активную позицию в отношении государства», «да, коррупция — одна из важнейших проблем в современной России», «интересно услышать о современной политике в РФ в этой области», «я считаю, что для любого гражданина РФ это актуальная тема». Отсутствие интереса к данной проблематике объясняется студентами следующим образом: «нет, мне хватает Навального», «давно бросил эту тему, бессмысленно...», «я не считаю, что эта информация будет объективной», «нет, так как со своей стороны я делаю главное — не даю и не беру взятки!».

Анализируя результаты анкетирования, авторы подводят следующие итоги: ранг приоритетности дисциплины «Правоведение» в техническом вузе занимает ведущие позиции; отдельные темы курса вызывают особый интерес у студентов; особенности изучения темы «Коррупция» заключаются в формировании умений анализа различных фактов, идей и явлений; выявления ошибок и фальсификации фактов; обоснований и самостоятельных трактовок причин «частных» событий.

Наше исследование изначально было направлено на выявление особенностей и определение уровня правовой культуры обучающихся. Авторы отмечают факт положительной динамики в тенденции развития и формирования уровня правосознания обучающихся (Акулова, 2020), на что указывают: готовность к анализу событийных явлений в правовом спектре; мотивация к исследованию и поиску

проблемных ситуаций правового характера; равнодушие и живой отклик в обсуждении тематических блоков дисциплины «Правоведение». Все эти элементы правосознания составляют гражданскую позицию субъекта образовательной деятельности как активного и мотивированного на участие в строительстве общества нового типа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акулова Т.Н., Плаксина Н.В., Смирнова Е.В. Роль студенческой молодежи в построении антикоррупционного гражданского общества: иллюзия или реальность? *Society and Security Insights*, 2020, 3(1), 69–75. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)1-05](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)1-05)

Арестованная Марина Лукашевич уволена с должности замглавы Минобрнауки РФ. URL: <https://www.interfax.ru/russia/718126> (дата обращения 20.07.2020).

Замминистра науки Лукашевич предъявлено обвинение в мошенничестве. URL: <https://www.interfax.ru/russia/719105> (дата обращения 27.07.2020).

Плаксина Н.В., Акулова Т.Н., Смирнова Е.В. Студент как социокультурный элемент в структуре государственного управления национальной безопасности. В кн.: *Успехи в химии и химической технологии: сб. науч. тр. Т. XXXII, 4 (200)*. М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева, 2018. С. 193–195.

REFERENCES

Akulova, T.N., Plaksina, N.V., Smirnova, E.V. Rol' studencheskoj molodezhi v postroenii antikorrupcionnogo grazhdanskogo obshchestva: illyuziya ili real'nost'? [The role of student youth in the construction of anti-corruption civil society: illusion or reality?]. *Society and Security Insights*, 3 (1), 69–75. [https://doi.org/10.14258/ssi\(2020\)1-05](https://doi.org/10.14258/ssi(2020)1-05).

Arestovannaya Marina Lukashevich uvolena s dolzhnosti zamglavy Minobrnauki RF [Arrested Marina Lukashevich dismissed from the post of Deputy Head of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/718126> (accessed 20 July 2020).

Zamministra nauki Lukashevich pred'yavleno obvinenie v moshennichestve [Deputy Minister of Science Lukashevich charged with fraud]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/719105> (accessed 27 July 2020).

Plaksina, N.V., Akulova, T.N., Smirnova, E.V. (2018). Student kak sociokul'turnyj element v strukture gosudarstvennogo upravleniya nacional'noj bezopasnosti [Student as a socio-cultural element in the structure of public administration of national security]. In: *Uspеhi v himii i himicheskoy tehnologii: sb. nauch. tr.* [Advances in the chemistry and chemical technology], Vol. XXXII, no. 4 (200) (Pp. 193–195). Moscow: D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia.

УДК 613.79

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ И КАЧЕСТВО СНА НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: КАТЕГОРИИ РИСКА, ФАКТОРЫ НАРУШЕНИЯ И ВЛИЯНИЕ НА ЗДОРОВЬЕ¹

А.В. Короленко

*Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,
e-mail: coretra@yandex.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-14

Здоровый сон является не только важнейшим источником восстановления сил организма, но и способом преодоления травмирующих событий и стрессов, а также ресурсом эффективной работы нервной системы человека. Многие исследования подтверждают наличие взаимосвязи между продолжительностью и качеством сна и состоянием здоровья населения. При этом в современных условиях большое значение в детерминации сна приобретают социально-демографические характеристики населения. Главными нарушениями сна признаются не только сокращение его продолжительности, но и ухудшение качества (проблемы с засыпанием, ощущение невосстановленных сил). Целью статьи стало изучение количественных и качественных характеристик сна населения (в том числе в разрезе основных социально-демографических групп), распространенности факторов его нарушений и их влияния на субъективные оценки здоровья. Информационной базой выступили данные мониторинга физического здоровья населения Вологодской области 2020 г. (n = 1500). В ходе исследования были выявлены категории риска по количественным и качественным нарушениям сна; подтверждена взаимосвязь факторов стресса, шумового загрязнения и неблагоприятных жилищных условий с частотой развития нарушений сна; доказано влияние проблем со сном на самооценки здоровья.

Ключевые слова: *здоровье, сон, продолжительность и качество сна, нарушения сна, факторы, категории риска*

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0011 «Демографическое развитие территорий».

DURATION AND QUALITY OF SLEEP OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION: RISK CATEGORIES, FACTORS OF DISTURBANCE AND IMPACT ON HEALTH

A.V. Korolenko

*Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia,
e-mail: coretra@yandex.ru*

Healthy sleep is not only the most important source of restoring the body's strength, but also a way to overcome traumatic events and stress, as well as a resource for the effective functioning of the human nervous system. Many studies confirm the relationship between the duration and quality of sleep and the health status of the population. At the same time, in modern conditions, socio-demographic characteristics of the population are of great importance in determining sleep. The main sleep disorders are recognized not only as a reduction in its duration, but also as a deterioration in quality (problems with falling asleep, a feeling of unreconstructed strength). The purpose of this article is to study the quantitative and qualitative characteristics of sleep in the population (including in the context of the main socio-demographic groups), the prevalence of factors of its disorders and their impact on subjective health assessments. The information base was data from monitoring of physical health of the Vologda oblast population in 2020 (n=1500). The study identified risk categories for quantitative and qualitative sleep disorders; confirmed the relationship of stress factors, noise pollution and poor housing conditions with the frequency of sleep disorders; proved the impact of sleep problems on self-assessment of health.

Keywords: *health, sleep, duration and quality of sleep, sleep disorders, factors, risk categories*

Введение

Сон как часть здорового образа жизни играет важную роль в поддержании хорошего здоровья и высокого качества жизни (Faubel et al., 2009; Magee, Caputi, & Iverson, 2011). Его функционал не ограничивается снятием усталости и восстановлением сил организма. Сон смягчает связь между негативными событиями (например, болью, неприятными межличностными взаимодействиями) и отрицательными эмоциональными реакциями на эти события (Hamilton, Lillis, & Pressman, 2014). Также важнейшей его функцией представляется обеспечение эффективной деятельности центральной нервной системы, одной из главных форм которой служит когнитивная функция, в частности память (Полужетов, 2018: 20).

Согласно популяционным исследованиям примерно 30% всех людей имеют нарушения качества сна и хотя бы один симптом бессонницы (Diagnostic and statistical..., 2000; Morin et al., 2006; Roth, 2007; Morphy et al., 2007). А среди взрослых среднего возраста распространенность симптомов бессонницы превышает 50%

(Hamilton et al., 2007). Кроме того, как показывают исследования, у западного населения в последние десятилетия наблюдается устойчивое сокращение продолжительности сна, обусловленное современными социальными изменениями, включая повышение временной доступности товаров и услуг (круглосуточно и без выходных), рост продолжительности рабочего дня и расширение моделей сменной работы (Akerstedt, Nilsson, 2003).

Несмотря на то что оптимальная для здоровья человеческого организма продолжительность сна варьируется от исследования к исследованию, большинство данных свидетельствуют о наиболее благоприятной (в части снижения риска заболеваемости и смертности) длительности сна в течение 7–8 ч в сутки (Gallicchio, Kalesan, 2009). Коротким чаще всего признается сон менее 6 часов, тогда как длительным — 8 ч и более (Carrusio et al., 2010). Более того, во многих исследованиях подтверждается криволинейный характер взаимосвязи продолжительности сна с показателями заболеваемости и смертности, который зачастую описывается U-образной зависимостью (Allgöwer, Wardle, & Steptoe, 2001; Kripke et al., 2002; Ferrie et al., 2007; Gallicchio, Kalesan, 2009; Chien et al., 2010). Так, например, было подтверждено, что как короткий, так и слишком длительный сон тесно связан с риском развития гипертонии (в разных возрастных группах, включая людей среднего и старшего возраста) (Gottlieb et al., 2006), сахарного диабета 2-го типа (Carrusio et al., 2010; Miller, Carrusio, 2013), ожирения (Carrusio et al., 2008), сердечно-сосудистых заболеваний (Elwood et al., 2006; Логсэнд и др., 2013; Новичкова, Каллистов, Романова, 2015), депрессии (Patel et al., 2006), болезней желудочно-кишечного тракта (Keefer et al., 2006; Ranjbaran, 2007; Orr, 2007). В отдельных научных работах риск заболевания и смерти рассматривается в контексте разрыва продолжительности сна в рабочие и нерабочие дни, так называемый «социальный джет-лаг» (Бочкарёв, Коростовцева, Свиряев, 2014). Так, например, в исследовании Роннеберга и др. было доказано, что каждый час разницы в продолжительности сна в рабочие и нерабочие дни приводит к повышению на 33% риска развития избыточной массы тела и ожирения (Roenneberg et al., 2012).

В последнее время проблемы связанного со сном поведения человека привлекают внимание не только ученых-медиков, но и социологов. Эмпирические данные зарубежных и отечественных исследований подтверждают тезис о том, что длительность и качество сна зависят не только и даже не столько от физиологических, сколько от социально-демографических факторов (семейного положения, баланса между личной жизнью и работой (Chatzitheochari, Arber, 2009), уровня образования и доходов, занятости, половой принадлежности (Moore et al., 2002; Arber, Vote, & Meadow, 2009; Maume, Sebastian, & Bardo, 2009), уровня удовлетворенности жизнью и ее сторонами (Гагулин и др., 2010). Таким образом, сон является не только медицинским, но и социальным вопросом.

Субъективные жалобы на плохое качество сна часто служат наиболее выраженными проявлениями его нарушения. Нарушение сна представляет собой субъективное ощущение наличия затруднений при засыпании и поддержании сна или ощущение, что сон не восстанавливает силы (Логсэнд и др., 2013). При этом одним

из главных нарушений сна признается сокращение его продолжительности (Muzet, 2004). Но немаловажное значение имеют нарушения не только количественных характеристик сна (его длительности), но и его качества. При этом качество сна чаще всего определяется как возможность засыпания или сохранения сна (Miller, Саррусио, 2013). В этой связи актуальными представляются исследования количественных и качественных параметров сна населения, их факторов и взаимосвязи с состоянием здоровья.

Целью данной статьи выступило изучение количественных и качественных характеристик сна населения (в том числе в разрезе его основных социально-демографических групп), распространенности факторов его нарушений и их влияния на субъективные оценки здоровья.

Методология

Информационной базой исследования выступили данные очередного этапа мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, проведенного Вологодским научным центром РАН в 2020 г. В анкету исследования 2020 г. впервые был включен блок вопросов, посвященных количественным параметрам сна (его продолжительности в будние и выходные дни) и его качественным характеристикам (проблеме восстановления сил после сна и затруднениям при засыпании; табл. 1). Аналогичные формулировки вопросов о продолжительности сна и его нарушениях использовались в рамках всероссийского эпидемиологического исследования ЭССЕ-РФ (Эпидемиология сердечно-сосудистых..., 2013).

Таблица 1

Вопросы анкеты, характеризующие количество и качество сна, его нарушения и их факторы

Характеристики сна	Факторы нарушения сна
Количественные (продолжительность сна):	Стресс:
Какова в среднем продолжительность Вашего сна (включая периоды дневного сна)? - в будние дни, - в выходные дни	За последний год как часто Вы испытывали стрессовые ситуации?
Качественные (нарушения сна):	Повышенный уровень шума:
1. Сон не восстанавливает силы: Как часто после пробуждения Вы чувствуете себя невыспавшимся и неотдохнувшим?	Если экологические условия плохие, то в чем это выражается? (варианты ответа «Повышенный уровень шума», «Близость автомагистрали»).
2. Затруднения при засыпании: Насколько часто Вы испытываете ситуации, когда трудно заснуть в течение 30 минут после того, как Вы легли в постель? Насколько часто Вы испытываете ситуации, когда Вам трудно заснуть после пробуждения среди ночи или ранним утром?	Неблагоприятные жилищные условия: Оцените, пожалуйста, Ваши жилищные условия. Если условия неудовлетворительные, то в чем это выражается?

Для изучения наиболее распространенных факторов нарушения сна, таких как стресс, повышенный уровень шума и неблагоприятные жилищные условия, использовались соответствующие вопросы анкеты мониторинга. С целью выявления социально-демографических особенностей в продолжительности и нарушениях сна применялись следующие параметры респондентов: пол, возраст и территория проживания.

Для анализа влияния нарушений сна на состояние здоровья населения использовались его субъективные оценки респондентами, а именно ответы на вопрос «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья в настоящее время?».

Опрос населения проводился методом раздаточного анкетирования на территории городов Вологды, Череповца и восьми муниципальных районов Вологодской области. Объем выборочной совокупности составил 1500 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная. Ее репрезентативность обеспечивалась соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские поселения, малые и средние города) и пропорции половозрастной структуры населения региона. Ошибка выборки не превышала 5%. Техническая обработка информации производилась в программах SPSS и Excel.

Основные результаты и их обсуждение

Продолжительность сна. Согласно полученным в ходе опроса данным продолжительность сна в будние дни у 35% жителей Вологодской области укладывается в рамки рекомендуемой нормы в 7–8 ч, тогда как у 39% она меньше и составляет 6–7 ч. Спят менее 6 ч в сутки 16% опрошенных. Сон каждого десятого респондента, напротив, длится 8 и более ч. В выходные дни доля тех, кто спит на протяжении оптимальных 7–8 ч, аналогична той, что наблюдается в будние дни (35%). В отношении остальных ситуация существенно меняется: так, удельный вес респондентов, спящих по 6–7 ч, в выходные сокращается до 23%, доля недосыпающих (сон менее 6 ч) снижается до 8%, в то же время более чем в 3 раза (с 10% до 34%) увеличивается доля людей с длительным сном (8 и более ч). Данный факт свидетельствует о распространении среди населения Вологодской области практики компенсации недостатка сна в будние дни путем «досыпания» в выходные.

Интересные результаты продемонстрировало сопоставление ответов респондентов о продолжительности сна в будние и выходные дни. Так, почти половина опрошенных, чья длительность сна в будние дни составляет менее 6 ч, имеют такой же непродолжительный сон и в выходные (49%), остальные 51% компенсируют недостаток сна в выходные дни (табл. 2). Среди тех, чей сон в будни длится по 6–7 ч, у 44% его продолжительность в выходные аналогична, тогда как 56% «отсыпаются» в дни отдыха, из них в течение 7–8 ч — 33%, в течение 8 и более ч — 23%. Более половины жителей региона, спящих в обычные дни недели по 7–8 ч, имеют такую же его продолжительность в выходные дни, в то время как 43% «досыпают» на выходных 8 и более ч, и лишь у 5% сон длится менее 7 ч. Интересен пример респондентов с длительным сном в будние дни (8 и более ч): 93% из них имеют такую же продолжительность сна в выходные, и только 7% спят в дни отдыха несколько меньше —

по 7–8 ч. Примечательно, что среди данной категории респондентов чаще встречались представители старшей возрастной группы (старше 55 лет у женщин, и старше 60 лет у мужчин) — 44%, а также люди в возрасте от 30 до 55(60) лет — 40%, тогда как молодежь до 30 лет составила лишь 16%. Вероятно, длительный сон в течение всей недели обусловлен как большими временными ресурсами у людей старших возрастных групп (преимущественно пенсионеров), так возрастными особенностями их организма (выше потребность в восстановлении сил организма).

Таблица 2

Соотношение продолжительности сна в будние и выходные дни, %*

		Будние дни			
		Менее 6 ч	6–7 ч	7–8 ч	8 ч и более
Выходные дни	Менее 6 ч	48,5	0,9	0,2	0,0
	6–7 ч	27,0	43,8	4,5	0,0
	7–8 ч	17,7	32,5	52,5	7,0
	8 ч и более	6,8	22,8	42,7	93,0

*100% по столбцу.

Различий в продолжительности сна мужчин и женщин как в будние, так и в выходные дни выявлено не было, в то время как в возрастном и территориальном разрезе обнаружены заметные расхождения (табл. 3). Так, например, внутри возрастных групп больше всего респондентов с непродолжительным сном в будние дни (6 ч или 6–7 ч) оказалось среди населения 30–55(60) лет (17% и 41% соответственно), с оптимальной продолжительностью сна (7–8 ч) — среди молодежи до 30 лет, в то время как людей с длительным сном (8 ч и более) — среди 55(60)-летних (13%). Примечательно, что в выходные дни «картина» с продолжительностью сна меняется: с одной стороны, доля недосыпающих (менее 6 ч), с другой — тех, чей сон длится 6–7 или 7–8 ч, оказалась выше среди респондентов старшего возраста (11%, 28% и 37% соответственно), тогда как удельный вес спящих по 8 ч и более максимален среди молодых людей до 30 лет (50%). Вероятно, таким образом молодые люди компенсируют недостаток сна будних дней, связанный с высокими учебными и трудовыми нагрузками.

Что касается территориальных различий, то «недосыпают» в будние дни чаще всего жители областного центра — г. Вологды и сельской местности районов области (19% и 18% соответственно спят менее 6 ч). Среди этих же категорий оказалась наибольшей доля респондентов, чей сон в будни длится от 6 до 7 ч (43% и 41% соответственно). Оптимального режима сна (7–8 ч) как в будние, так и в выходные дни чаще всего придерживается население промышленного центра — г. Череповца (42% и 38% соответственно). Возможно, это обусловлено строго регламентированным характером труда, в том числе продолжительности рабочего дня, у работников производственной сферы промышленного центра. Длительный сон по 8 ч и более в большей степени характерен для жителей крупных городов — Вологды и Череповца, причем как в будни (13% и 40% соответственно), так и в выходные дни (13%

и 39% соответственно). Непродолжительный сон по выходным в течение 6 ч и менее, а также 6–7 ч чаще практикует сельское население региона (13% и 29% соответственно), что, вероятно, может объясняться ранним подъемом в связи с необходимостью ведения подсобного хозяйства (в т.ч. животноводства).

Каждый четвертый опрошенный житель региона отметил, что не испытывает проблем с засыпанием после отхода ко сну (25%). 75% респондентов сталкиваются с такой проблемой, при этом 37% — не чаще 1 раза в неделю, 30% — 1–2 раза в неделю, 8% — 3 и более раз в неделю.

Не имеют проблем с засыпанием чаще всего мужчины (33% ее не испытывали), молодые люди до 30 лет (38%), население г. Вологды и сельские жители региона (по 29% соответственно; табл. 5). В то же время ситуация, когда 1–2 раза в неделю и чаще невозможно заснуть после укладывания, в большей степени свойственна для женщин и людей 55(60) лет и старше (по 45% соответственно), а также для городского населения районов области (46%).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
 «Какова в среднем продолжительность Вашего сна
 (включая периоды дневного сна)?»
 по полу, возрасту и территории проживания, %

Кол-во часов сна	Пол		Возраст			Территория проживания			
	муж.	жен.	до 30	30–55(60)	старше 55(60)	Вологда	Череповец	Население районов	
								городское	сельское
В будние дни									
Менее 6 ч	16,8	15,8	14,0	17,1	15,8	18,9	12,5	14,4	18,4
6–7 ч	38,4	39,5	37,7	40,9	36,8	42,7	32,3	39,9	41,4
7–8 ч	35,2	34,8	38,2	34,1	34,8	25,2	42,4	36,2	36,4
8 и более ч	9,6	10,0	10,1	7,7	12,6	13,3	12,8	9,6	3,8
В выходные дни									
Менее 6 ч	9,8	7,2	5,9	7,1	11,4	5,9	7,4	5,9	13,1
6–7 ч	23,4	22,9	13,5	22,8	27,7	21,4	16,1	26,7	28,9
7–8	33,9	35,0	31,1	34,1	36,7	32,5	37,5	34,4	33,7
8 и более ч	32,9	34,9	49,6	35,9	24,3	40,2	39,0	33,0	24,1

Нарушения сна. По данным опроса 22% жителей Вологодской области за последнее время никогда не чувствовали себя невыспавшимися и неотдохнувшими после пробуждения, остальные 78% испытывали такое состояние, из них 38% — хотя бы раз в неделю, 28% — 1–2 раза в неделю, 11% — 3 раза в неделю и чаще.

Относительно большая доля людей, не испытывающих проблемы недосыпания, оказалась среди мужчин (27%), молодежи до 30 лет (30%) и жителей г. Вологды (26%; табл. 4). В свою очередь, чаще всего с ней сталкиваются женщины, представители старшей возрастной группы и городское население районов области. Среди первых двух категорий доля тех, кто 1–2 раза в неделю и чаще после сна чувствует себя невыспавшимся, составила 44%, среди третьей группы — 45%.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
 «Как часто после пробуждения
 Вы чувствуете себя невыспавшимся и неотдохнувшим?»
 по полу, возрасту и территории проживания, %

Вариант ответа	Пол		Возраст			Территория проживания			
	муж.	жен.	до 30	30–55(60)	старше 55(60)	Вологда	Череповец	Население районов	
								городское	сельское
Никогда	27,0	18,1	30,4	21,6	18,9	26,4	21,8	12,4	24,5
Не чаще 1 раза в неделю	39,1	37,7	34,8	40,4	36,9	34,8	39,2	42,9	37,9
1–2 раза в неделю	24,3	31,6	23,0	27,6	31,8	25,4	25,8	33,5	30,2
3 и более раз в неделю	9,6	12,6	11,7	10,4	12,4	13,5	13,2	11,3	7,4

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос:
 «Насколько часто Вы испытываете ситуации,
 когда трудно заснуть в течение 30 минут после того, как Вы легли в постель?»
 по полу, возрасту и территории проживания, %

Вариант ответа	Пол		Возраст			Территория проживания			
	муж.	жен.	до 30	30–55(60)	старше 55(60)	Вологда	Череповец	Население районов	
								городское	сельское
Никогда	32,9	19,3	38,3	26,7	17,8	29,4	26,0	13,8	28,8
Не чаще 1 раза в неделю	35,8	37,7	30,0	38,4	37,7	38,7	36,4	40,6	33,1
1–2 раза в неделю	23,7	34,2	27,8	28,7	31,4	23,8	28,5	36,2	31,4
3 и более раз в неделю	7,6	8,7	3,9	6,2	13,1	8,1	9,2	9,4	6,7

Никогда не испытывали проблем с засыпанием после пробуждения ночью или ранним утром 28% респондентов. Из 72% жителей региона, сталкивавшихся с данной проблемой, 36% не могли заснуть после пробуждения не чаще 1 раза в неделю, 27% — 1–2 раза в неделю, 9% — 3 раза в неделю и чаще.

Как и в предыдущих ситуациях нарушения сна, доля тех, кто не сталкивался с проблемой засыпания после ночного или утреннего пробуждения, оказалась наибольшей среди мужчин (34%), молодежи (44%), жителей г. Вологды (31%) и сельского населения (32%; табл. 6). Аналогично и в отношении категорий, чаще всего испытывающих трудности с засыпанием после пробуждения (1–2 раза в неделю и чаще): больше всего таких оказалось среди женщин (38%), респондентов старших возрастов (46%) и городского населения муниципальных районов (44%).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос:
«Насколько часто Вы испытываете ситуации,
когда Вам трудно заснуть после пробуждения среди ночи или ранним утром?»
по полу, возрасту и территории проживания, %

Вариант ответа	Пол		Возраст			Территория проживания			
	муж.	жен.	до 30	30– 55(60)	стар- ше 55(60)	Во- логда	Чере- повец	Население районов	
								город- ское	сель- ское
Никогда	34,1	23,8	43,9	30,2	18,8	31,3	29,8	15,9	32,6
Не чаще 1 раза в неделю	34,5	37,8	31,7	38,2	35,6	38,4	37,5	42,4	29,3
1–2 раза в не- делю	23,9	28,9	17,8	25,7	32,1	22,2	21,3	33,7	31,4
3 и более раз в неделю	7,5	9,4	6,5	5,8	13,5	8,1	11,4	8,0	6,7

Однако важное значение с точки зрения определения категорий риска населения имеет учет одновременно количественных и качественных нарушений сна. Выделение категорий, обладающих критическими характеристиками здоровья, позволяет выявить нуждающихся в мерах социальной защиты и в специализированной помощи (Шабунова, 2010: 116). С этой целью из общей массы респондентов были выделены две группы: 1) люди с непродолжительным сном (менее 6 ч), имеющие его нарушения в виде ощущения невосстановленных сил после сна, а также проблемы с засыпанием (после укладывания или после пробуждения ночью или утром); 2) люди с длительным сном (8 и более ч), но с его качественными нарушениями в виде ощущения усталости после сна, а также трудностей с засыпанием (после укладывания или после пробуждения ночью или утром). В первую группу попали 5% опрошенных жителей Вологодской области. Это преимущественно население среднего возраста (от 30 до 55(60) лет) — 49%, из которых 28% — мужчины. Во второй группе

оказались 3% респондентов, в большинстве своем представители старшей возрастной группы (55(60) лет и старше) — 62%, из них 36% — женщины.

Факторы нарушения сна. Рассмотрим самые распространенные факторы нарушения сна: стресс, шумовое загрязнение и неблагоприятные жилищные условия.

Таблица 7

Нарушения сна в зависимости от частоты стрессовых ситуаций, %

Нарушения сна	Частота стрессовых ситуаций					
	Практически ежедневно	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год	Только однажды	Не испытывал никогда
После пробуждения чувствуют себя невыспавшимися и неотдохнувшими						
Никогда	25,0	10,0	15,1	15,0	31,8	42,5
Не чаще 1 раза в неделю	30,6	48,4	35,9	37,2	37,4	37,9
1–2 раза в неделю	12,5	24,7	36,2	37,9	22,3	15,0
3 и более раз в неделю	31,9	16,8	12,8	9,9	8,4	4,6
Трудно заснуть в течение 30 минут после того, как легли в постель						
Никогда	24,7	17,8	19,2	19,8	29,6	44,3
Не чаще 1 раза в неделю	32,9	39,3	35,6	32,5	47,5	37,5
1–2 раза в неделю	21,9	31,4	35,6	38,7	19,0	15,4
3 и более раз в неделю	20,5	11,5	9,6	9,0	3,9	2,9
Трудно заснуть после пробуждения среди ночи или ранним утром						
Никогда	38,9	17,8	18,6	23,1	36,9	47,1
Не чаще 1 раза в неделю	22,2	48,2	34,3	34,1	40,2	35,0
1–2 раза в неделю	23,6	25,7	36,2	32,5	17,9	13,9
3 и более раз в неделю	15,3	8,4	10,9	10,3	5,0	3,9

Стресс признается одной из самых частых причин расстройства сна и бессонницы (Billiard, 2004). Как показали данные опроса, среди респондентов, ежедневно испытывающих стрессовые ситуации, по сравнению с теми, кто не подвергался им в течение года, значительно чаще встречались имеющие регулярные нарушения качества сна (3 и более раз в неделю): чувствуют себя невыспавшимися и неотдохнувшими после пробуждения (32% против 5%), не могут заснуть в течение 30 и более минут после отхода ко сну (21% против 3%), имеют проблемы с засыпанием после

пробуждения ночью или утром (15% против 4%; табл. 7). Напротив, среди опрошенных, не подвергавшихся стрессу за последний год, по сравнению с теми, кто испытывал его регулярно, оказалась заметно выше доля не сталкивавшихся с проблемой восстановления сил после пробуждения (43% против 25%), трудностями с засыпанием после отхода ко сну (44% против 25%) и после пробуждений по утрам и ночам (47% против 39%). По мере возрастания частоты стрессовых ситуаций увеличивается и вероятность возникновения нарушений сна.

Отдельный вид нарушений сна представляет экологическое расстройство сна, вызванное так называемым тревожным фактором окружающей среды, который выражается в жалобах либо на бессонницу, либо на чрезмерную сонливость. Проживание рядом с оживленным аэропортом или шоссе, плохо отапливаемое в холодное время года или недостаточно кондиционируемое в теплое время года жилое помещение — все это предрасполагающие факторы для экологического расстройства сна (Billiard, 2004). Однако самыми часто встречающимися его предикторами выступают шум и неблагоприятные климатические характеристики жилого помещения (температурный режим, влажность).

Таблица 8

Нарушения сна в зависимости от влияния шумового загрязнения, %

Нарушения сна	Влияние шумового загрязнения	
	не беспокоит	беспокоит
После пробуждения чувствуют себя невыспавшимися и неотдохнувшими		
Никогда	23,4	14,5
Не чаще 1 раза в неделю	38,6	37,0
1–2 раза в неделю	28,5	27,8
3 и более раз в неделю	9,6	20,7
Трудно заснуть в течение 30 минут после того, как легли в постель		
Никогда	26,7	18,1
Не чаще 1 раза в неделю	36,8	37,0
1–2 раза в неделю	28,9	32,6
3 и более раз в неделю	7,5	12,3
Трудно заснуть после пробуждения среди ночи или ранним утром		
Никогда	30,1	18,9
Не чаще 1 раза в неделю	35,8	39,0
1–2 раза в неделю	26,5	27,6
3 и более раз в неделю	7,5	14,5

Влияние шумового загрязнения. Согласно данным опроса, респонденты, называвшие повышенный уровень шума одним из факторов неблагоприятных экологических условий, почти в 2 раза чаще по сравнению с теми, кто не выбирал данную

причину, имели регулярные проблемы с качеством сна (3 и более раза в неделю): чувствовали себя невыспавшимися и неотдохнувшими (21% против 10%), не могли заснуть как после отхода ко сну (12% против 8%), так и после пробуждения ночью или утром (15% против 8%; табл. 8). Напротив, среди тех, кого проблема шумового загрязнения не беспокоила, оказался больше удельный вес не страдающих такими нарушениями сна, как невозможность восстановить силы после сна (23% против 15%), невозможность заснуть после укладывания (27% против 18%), а также после ночного или утреннего пробуждения (30% против 19%).

Близость автомагистрали. Одним из проявлений шумового загрязнения является близость к месту жительства дорог и автомагистралей. Так, например, жители региона, пожаловавшиеся на близость автомагистрали, по сравнению с теми, кто не обозначил данный фактор в числе беспокоящих, были чаще подвержены проблемам восстановления сил после сна (50% против 39% 1–2 раза в неделю и чаще сталкивались с ней), а также засыпания после пробуждения ночью или ранним утром (38% против 35%; табл. 9).

Таблица 9

Нарушения сна в зависимости от влияния шумового загрязнения, %

Нарушения сна	Влияние близости автомагистрали	
	не беспокоит	беспокоит
После пробуждения чувствуют себя невыспавшимися и неотдохнувшими		
Никогда	23,0	10,9
Не чаще 1 раза в неделю	38,2	39,5
1–2 раза в неделю	27,7	36,1
3 и более раз в неделю	11,1	13,4
Трудно заснуть в течение 30 минут после того, как легли в постель		
Никогда	25,9	19,5
Не чаще 1 раза в неделю	36,6	39,8
1–2 раза в неделю	29,3	31,4
3 и более раз в неделю	8,1	9,3
Трудно заснуть после пробуждения среди ночи или ранним утром		
Никогда	28,7	25,0
Не чаще 1 раза в неделю	36,3	36,7
1–2 раза в неделю	26,3	30,8
3 и более раз в неделю	8,7	7,5

Жилищные условия. Самооценки жилищных условий также оказались тесно связаны с частотой нарушений сна: респонденты, негативно характеризующие свои жилищные условия (как «плохие, очень плохие»), чаще по сравнению с теми,

кто оценивал их наиболее положительно (как «очень хорошие, хорошие»), заявляли о наличии частых проблем с качеством сна: о чувстве усталости после подъема (50% против 36%), о проблемах с засыпанием после отхода ко сну (48% против 34%), ночного или утреннего пробуждения (40% против 33%; табл. 10).

Таблица 10

Нарушения сна в зависимости от оценки жилищных условий, %

Нарушения сна	Оценка жилищных условий		
	очень хорошие, довольно хорошие	удовлетворительные	плохие, очень плохие
После пробуждения чувствуют себя невыспавшимися и неотдохнувшими			
Никогда	25,2	20,1	15,5
Не чаще 1 раза в неделю	38,6	39,1	35,0
1–2 раза в неделю	27,2	27,9	32,0
3 и более раз в неделю	8,9	12,9	17,5
Трудно заснуть в течение 30 минут после того, как легли в постель			
Никогда	27,9	24,3	20,4
Не чаще 1 раза в неделю	37,7	36,9	32,0
1–2 раза в неделю	27,5	29,8	34,0
3 и более раз в неделю	6,8	9,0	13,6
Трудно заснуть после пробуждения среди ночи или ранним утром			
Никогда	31,3	26,8	25,2
Не чаще 1 раза в неделю	36,2	34,9	35,0
1–2 раза в неделю	25,3	28,1	29,1
3 и более раз в неделю	7,2	10,1	10,7

При этом наиболее заметное влияние на развитие нарушений сна оказывает неблагоприятный температурный режим в жилом помещении, высокая влажность и его неудовлетворительное санитарное состояние. Так, среди респондентов, проживающих в холодном жилье, по сравнению с теми, кого не беспокоит данная проблема, оказалось значительно больше тех, кто несколько раз в неделю (1–2 раза и чаще) испытывает ощущение утомления после подъема (61% против 39%), трудности с засыпанием после укладывания (48% против 37%) и после пробуждения утром или ночью (48% против 35%). Те люди, чье жилье имеет повышенную влажность, также заметно чаще заявляли о том, что часто после сна чувствовали себя невыспавшимися и не-

отдохнувшими (47% против 39%), долго не могли заснуть либо после того, как легли в постель (55% против 37%) либо после утреннего или ночного пробуждения (44% против 35%). Аналогичная ситуация наблюдалась у респондентов, пожаловавшихся на неудовлетворительное санитарное состояние жилья: половина из них несколько раз в неделю испытывают чувство усталости после сна или не могут заснуть после укладывания (против 39% и 37% соответственно у тех, кто не выбрал данный фактор).

Влияние продолжительности сна и его нарушений на самооценки здоровья. Наиболее позитивные оценки состоянию собственного здоровья (ответы «очень хорошее, хорошее») давали те респонденты, чья продолжительность сна в будние дни составляет оптимальные 7–8 ч (48%; рис. 1), а в выходные дни — 8 и более ч (55%; рис. 2). В то же время доля негативных самооценок здоровья («плохое, очень плохое») оказалась самой высокой среди жителей региона, «недосыпающих» как в будние, так и в выходные дни (15 и 21% соответственно).

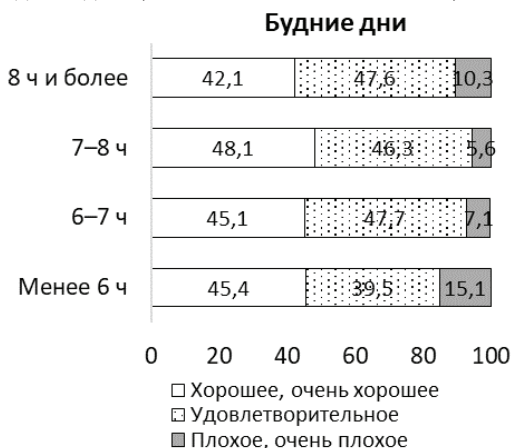

Рисунок 1 – Самооценки здоровья в зависимости от продолжительности сна в будние дни, %

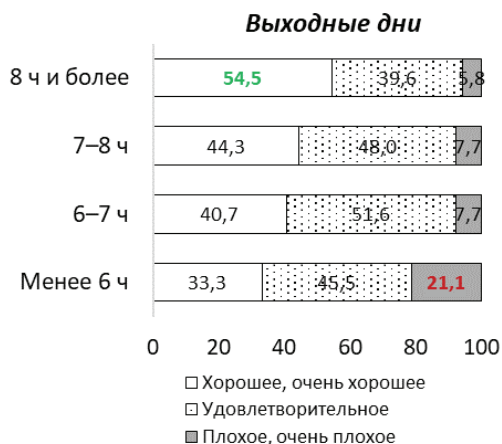

Рисунок 2 – Самооценки здоровья в зависимости от продолжительности сна в выходные дни, %

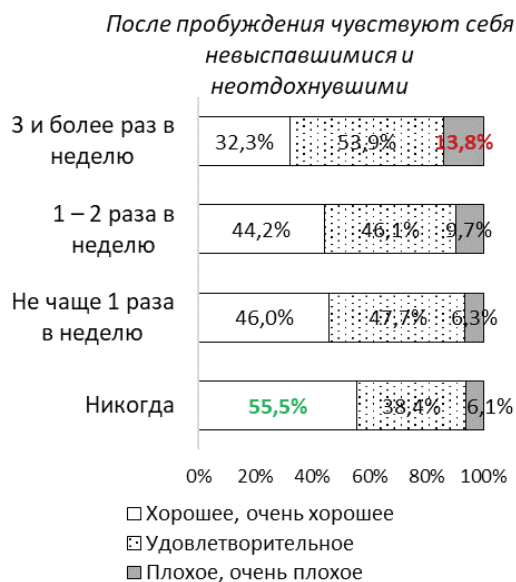

Рисунок 3 – Самооценки состояния здоровья в зависимости от нарушения качества сна (после пробуждения чувствуют себя невыспавшимися и неотдохнувшими), %

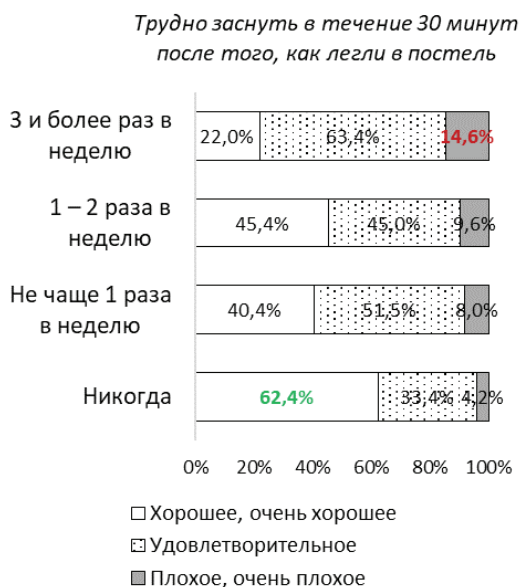

Рисунок 4 – Самооценки состояния здоровья в зависимости от нарушения качества сна (трудно заснуть в течение 30 минут после того, как легли в постель), %

Кроме того, высокие самооценки здоровья встречались в разы чаще среди респондентов, никогда не сталкивавшихся с нарушениями сна, по сравнению с теми, кто испытывает их регулярно: с чувством утомления после сна (56% против 32%; рис. 3), с проблемой засыпания после отхода ко сну (62% против 22%; рис. 4) и после пробуждения утром или ночью (59% против 31%; рис. 5). В свою очередь, доля негативных характеристик здоровья оказалась максимальной у тех, кто регулярно испытывает проблемы со сном, и минимальной — у тех, кто их никогда не имел: в частности, не высыпаются после подъема (14% против 6%), не могут заснуть после того, как легли (16% против 4%), после ночного или утреннего пробуждения (17% против 4%). По мере нарастания частоты нарушений сна ухудшаются и самооценки состояния здоровья респондентами.

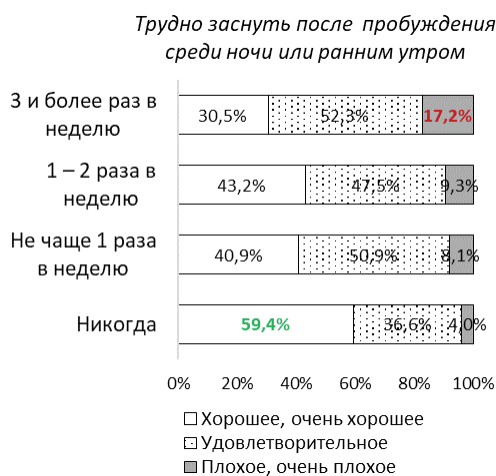

Рисунок 5 – Самооценки состояния здоровья в зависимости от нарушения качества сна (трудно заснуть после пробуждения среди ночи или ранним утром), %

Примечательно, что доля негативных самооценок здоровья оказалась выше среди респондентов с непродолжительным сном и его плохим качеством (26% ответов «плохое, очень плохое»). В свою очередь, те респонденты, чей продолжительный сон сопровождается проблемами с восстановлением сил после сна и трудностями с засыпанием, чаще характеризовали состояние своего здоровья как удовлетворительное (56%).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило получить ряд важных выводов о количественных и качественных параметрах сна населения Вологодской области, его нарушениях и их факторах, влиянии проблем со сном на самооценки здоровья:

1. Среди населения региона широко распространена практика компенсации недостатка сна в будние дни за счет увеличения его продолжительности в выходные.

Так, среди тех, кто в будние дни спит менее 6 ч, «отсыпаются» на выходных 51%, среди спящих по 6–7 ч — 56%. Более половины респондентов, чей сон в будни длится оптимальные 7–8 ч, имеют такой же сон и в выходные дни, что косвенно свидетельствует о наиболее благоприятном влиянии такой продолжительности сна на состояние организма. Примечательно, что подавляющее большинство респондентов, чей сон в будни длится 8 и более ч, имеют такую же его продолжительность в выходные дни.

2. Выявлены категории населения, в большей степени подверженные «недосыпу» (т.е. сну продолжительностью менее 6 ч) в будние дни: представители средней возрастной категории (30–55(60) лет), жители г. Вологды и сельской местности районов области. В выходные дни наименьшая продолжительность сна чаще свойственна для людей среднего возраста и сельских жителей. Вместе с тем к категориям риска качественных нарушений сна относятся женщины, представительницы старшей возрастной группы (55(60) лет и старше) и население районных городов области. Однако наиболее уязвимой представляется та часть населения, для которой свойственно сочетание количественных и качественных нарушений сна: это люди либо с непродолжительным сном и его плохим качеством (чувство усталости после сна, трудности с засыпанием), либо с длительным (в течение 8 и более ч), но некачественным сном. В первой группе преобладают мужчины среднего возраста (от 30 до 60 лет), во второй — женщины в возрасте 55 лет и старше.
3. В ходе анализа была подтверждена существование прямо пропорциональной взаимосвязи частоты стрессовых ситуаций, шумового загрязнения, неблагоприятных жилищных условий (некомфортного температурного режима, повышенной влажности, плохого санитарного состояния) с вероятностью развития нарушений сна у респондентов.
4. Доказано влияние нарушений сна на самооценки здоровья: чем чаще наблюдаются проблемы с качеством сна, тем хуже субъективные оценки состояния здоровья.
5. Полученные результаты представляют интерес не только в области эпидемиологии нарушений сна, но и в сфере качества жизни населения, его поведенческих и средовых факторов. Выявленные категории риска населения по характеру количественных и качественных нарушений сна представляют собой целевые группы для профилактической работы. В свою очередь, подтвержденная тесная взаимосвязь нарушений сна и их факторов с субъективными оценками здоровья свидетельствует о важности продолжительного и качественного сна не только для психологического самочувствия, но и в целом для поддержания здоровья и благополучия индивида.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бочкарёв М.В., Коростовцева Л.С., Свиричев Ю.В. Продолжительность и качество сна – есть ли связь с сердечно-сосудистыми заболеваниями? Артериальная гипертензия, 2014, 20 (5), 450–461.

Гагулин И.В., Гафарова А.В., Гафаров В.В., Пак В.А. Нарушения сна и их связь с психосоциальными факторами и ИБС. *Мир науки, культуры, образования*, 2010, 3 (22), 180–182.

Логсэнд Л.Е., Стрэнд Л.Б., Платоу К., Ваттен Л.Дж., Жански И. Нарушение сна и риск развития сердечной недостаточности: популяционное исследование. *Поликлиника*, 2013, 5–2, 71–74.

Новичкова Н.И., Каллистов Д.Ю., Романова Е.А. Нарушения сна и хронический стресс как факторы риска сердечно-сосудистой патологии. *Российский кардиологический журнал*, 2015, 6 (122), 20–24.

Полужтков М.Г. Сон и когнитивные функции. *Эффективная фармакотерапия*, 2018, No. 20, 20–27.

Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010.

Эпидемиология сердечно-сосудистых заболеваний в различных регионах России (ЭССЕ-РФ). Обоснование и дизайн исследования. *Профилактическая медицина*, 2013, No. 6, 25–34.

Akerstedt T., Nilsson P.M. Sleep as restitution: an introduction. *Journal of Internal Medicine*, 2003, 254, 6–12.

Allgöwer A., Wardle J., Steptoe A. Depressive symptoms, social support, and personal health behaviors in young men and women. *Health Psychology*, 2001, 20, 223–227. doi: 10.1037/0278-6133.20.3.223

Arber S., Bote M., Meadow R. Gender and socio-economic patterning of self-reported sleep problem in Britain. *Social Science and Medicine*, 2009, 68, 281–289. doi: 10.1016/j.socscimed.2008.10.016

Billiard M. Sleep disorders in adults; biological mechanisms through which sleep disorders affect the health of adults. Identification of environmental factors leading to clinical sleep disorders. *WHO technical meeting on sleep and health*, World Health Organization, 2004, pp. 62–81.

Cappuccio F.P., D'Elia L., Strazzullo P., Miller M.A. Quantity and quality of sleep and incidence of type 2 diabetes: a systematic review and meta-analysis. *Diabetes Care*, 2010, 33, 414–420.

Cappuccio F.P., Taggart F.M., Kandala N.-B. et al. Metaanalysis of short sleep duration and obesity in children, adolescents and adults. *Sleep*, 2008, 31 (5), 619–626.

Chatzitheochari S., Arber S. Lack of sleep, work and the long hours culture: evidence from the UK Time Use Survey. *Work, Employment and Society*. 2009, 23 (1), 30–48. doi: 10.1177/0950017008099776

Chien K.-L., Chen P.-C., Hsu H.-C., Su T.-C., Sung F.-C., Chen M.-F., et al. Habitual sleep duration and insomnia and the risk of cardiovascular events and all-cause death: Report from a community-based cohort. *Sleep*, 2010, 33, 177–184.

Diagnostic and statistical manual of mental disorders (4th ed., text revision). Washington, DC: American Psychiatric Association, 2000. 943 p.

- Elwood P., Hack M., Pickering J., Hughes J., Gallacher J. Sleep disturbance, stroke, and heart disease events: evidence from the Caerphilly cohort. *Journal of Epidemiology & Community Health*, 2006, 60 (1), 69–73. doi: 10.1136/jech.2005.039057
- Faubel R., Lopez-Garcia E., Guallar-Castillon P., Balboa-Castillo T., Gutierrez-Fisac J.L., Banegas J.R., et al. Sleep duration and health-related quality of life among older adults: a population-based cohort in Spain. *Sleep*, 2009, 32 (8), 1059–1068.
- Ferrie J.E., Shipley M.J., Cappuccio F.P., Brunner E., Miller M.A., Kumari M., et al. A prospective study of change in sleep duration: Associations with mortality in the Whitehall II cohort. *Sleep*, 2007, 30 (12), 1659–1666.
- Gallicchio L., Kalesan B. Sleep duration and mortality: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Sleep Research*, 2009, No. 18, 148–158. doi: 10.1111/j.1365-2869.2008.00732.x
- Gottlieb D.J., Redline S., Nieto F.J., Baldwin C.M., Newman A.B., Resnick H.E., et al. Association of usual sleep duration with hypertension: the sleep heart health study. *Sleep*, 2006, 29 (8), 1009–1014.
- Hamilton N.A., Gallagher M.W., Preacher K.J., Stevens N., Nelson C.A., Karlson C., et al. Insomnia and well-being. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 2007, No. 75, 939–946. doi: 10.1037/0022-006X.75.6.939
- Hamilton N.A., Lillis T., Pressman M. Sleep and Well-Being. In: Michalos A.C. (eds). *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer, Dordrecht, 2014, 311 p. doi: 10.1007/978-94-007-0753-5_3743
- Keefer L., Stepanski E.J., Ranjbaran Z., Benson L.M., Keshavarzian A. An initial report of sleep disturbance in inactive inflammatory bowel disease. *Journal of Clinical Sleep Medicine*, 2006, 2 (4), 409–416.
- Kripke D.F., Garfinkel L., Wingard D.L., Klauber M.R., Marler M.R. Mortality associated with sleep duration and insomnia. *Archives of General Psychiatry*, 2002, 59 (2), 131–136. doi: 10.1001/archpsyc.59.2.131
- Magee C.A., Caputi P., Iverson D.C. Relationships between self-rated health, quality of life and sleep duration in middle aged and elderly Australians. *Sleep Medicine*, 2011, 12 (4), 346–350. doi: 10.1016/j.sleep.2010.09.013
- Maume D., Sebastian R.A., Bardo A.R. Gender difference in sleep disruption among retail food workers. *American Sociological Review*, 2009, 74 (6), 98–1007. doi: 10.1177/000312240907400607
- Miller M.A., Cappuccio F.P. Sleep quantity and quality and the risk of type-2 diabetes. In: Preedy V.R., Patel V.B., Le L.A. (eds). *Handbook of nutrition, diet and sleep*. Human Health Handbooks, vol. 3. Wageningen Academic Publishers, Wageningen, 2013, pp. 270–277. doi: 10.3920/978-90-8686-763-9_18
- Moore P., Adler N.E., Williams D.R., Jackson J.S. Socioeconomic status and health: The role of sleep. *Psychosomatic Medicine*, 2002, No. 64, 337–344.
- Morin M.A., LeBlanc M., Daley M., Gregoire J.P., Mérette C. Epidemiology of insomnia: Prevalence, self-help treatments, consultations, and determinants of help-seeking behaviors. *Sleep Medicine*, 2006, No. 7, 123–130.

- Morphy H., Dunn K.M., Lewis M., Boardman H.F., Croft P.R. Epidemiology of insomnia: A longitudinal study in a UK population. *Sleep*, 2007, 30 (3), 274–280.
- Muzet A. Adult's sleep physiology, sleep quality and indicators of disturbed sleep. Short-term effects on health of disturbed sleep in adults. *WHO technical meeting on sleep and health*, World Health Organization, 2004, pp. 24–37.
- Orr W.C. Esophageal function during sleep: Another danger in the night. *Sleep Medicine*, 2007, 8 (1), 105–106.
- Patel S.R., Malhotra A., Gottlieb D.J., White D.P., Hu F.B. Correlates of long sleep duration. *Sleep*, 2006, 29 (7), 881–889.
- Ranjbaran Z., Keefer L., Stepanski E., Farhadi A., Keshavarzian A. The relevance of sleep abnormalities to chronic inflammatory conditions. *Inflammation Research*, 2007, 56 (2), 51–57.
- Roenneberg T., Allebrandt K.V., Mellow M., Vetter S. Social jetlag and obesity. *Current Biology*, 2012, 22 (10), 939–943.
- Roth T. Insomnia: Definition, prevalence, etiology, and consequences. *Journal of Clinical Sleep Medicine*, 2007, 3 (Suppl), 7–10.

REFERENCES

- Bochkarev, M.V., Korostovceva, L.S., Sviryaev, Yu.V. (2014). Prodolzhitel'nost' i kachestvo sna — est' li svyaz' s serdechno-sosudistymi zabolevaniyami? [Sleep quality and duration and cardiovascular diseases: is there an association?]. *Arterial Hypertension*, 20 (5), 450–461.
- Gagulin, I.V., Gafarova, A.V., Gafarov, V.V., Pak, V.A. (2010). Narusheniya sna i ih svyaz' s psihosotsial'nymi faktorami i IBS [Sleep disorders and their relation to psychosocial factors and CHD]. *The world of science, culture and education*, 3 (22), 180–182.
- Logsend, L.E., Strend, L.B., Platou, K., Vatten, L.Dzh., Zhanski, I. (2013). Narushenie sna i risk razvitiya serdechnoj nedostatochnosti: populyacionnoe issledovanie [Sleep disturbance and risk of heart failure: a population-based study]. *Poliklinika*, 5–2, 71–74.
- Novichkova, N.I., Kallistov, D.Yu., Romanova, E.A. (2015). Narusheniya sna i hronicheskij stress kak faktory riska serdechno-sosudistoj patologii [Sleep disorders and chronic stress as cardiovascular risk factors]. *Russian Journal of Cardiology*, 6 (122), 20–24.
- Poluektov, M.G. (2018). Son i kognitivnye funktsii [Sleep and cognitive functions]. *Effektivnaya farmakoterapiya*, no. 20, 20–27.
- Shabunova, A.A. *Zdorov'e naseleniya v Rossii: sostoyanie i dinamika* [Health of the population in Russia: status and dynamics]: monografiya. Vologda: ISJeRT RAN, 2010.
- Epidemiologiya serdechno-sosudistyh zabolevanij v razlichnyh regionah Rossii (ESSE-RF) Obosnovanie i dizajn issledovaniya (2013). [Epidemiology of cardiovascular diseases in different regions of Russia (ESSE-RF). The rationale for and design of the study]. *Russian Journal of Preventive Medicine and Public Health*, no. 6, 25–34.
- Akerstedt, T., Nilsson, P.M. (2003). Sleep as restitution: an introduction. *Journal of Internal Medicine*, no. 254, 6–12.

- Allgöwer, A., Wardle, J., Steptoe, A. (2001). Depressive symptoms, social support, and personal health behaviors in young men and women. *Health Psychology*, no. 20, 223–227. doi: 10.1037/0278-6133.20.3.223
- Arber, S., Bote, M., Meadow, R. (2009). Gender and socio-economic patterning of self-reported sleep problem in Britain. *Social Science and Medicine*, no. 68, 281–289. doi: 10.1016/j.socscimed.2008.10.016
- Billiard, M. (2004). Sleep disorders in adults; biological mechanisms through which sleep disorders affect the health of adults. Identification of environmental factors leading to clinical sleep disorders (pp. 62–81). *WHO technical meeting on sleep and health*, World Health Organization.
- Cappuccio, F.P., D’Elia, L., Strazzullo, P., Miller, M.A. (2010). Quantity and quality of sleep and incidence of type 2 diabetes: a systematic review and meta-analysis. *Diabetes Care*, no. 33, 414–420.
- Cappuccio, F.P., Taggart, F.M., Kandala, N.-B. et al. (2008). Metaanalysis of short sleep duration and obesity in children, adolescents and adults. *Sleep*, 31 (5), 619–626.
- Chatzitheochari, S., Arber, S. (2009). Lack of sleep, work and the long hours culture: evidence from the UK Time Use Survey. *Work, Employment and Society*, 23 (1), 30–48. doi: 10.1177/0950017008099776
- Chien, K.-L., Chen, P.-C., Hsu, H.-C., Su, T.-C., Sung, F.-C., Chen, M.-F., et al. (2010). Habitual sleep duration and insomnia and the risk of cardiovascular events and all-cause death: Report from a community-based cohort. *Sleep*, no. 33, 177–184.
- Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (4th ed., text revision) (2000). Washington, DC: American Psychiatric Association, 943 p.
- Elwood, P., Hack, M., Pickering, J., Hughes, J., Gallacher, J. (2006). Sleep disturbance, stroke, and heart disease events: evidence from the Caerphilly cohort. *Journal of Epidemiology & Community Health*, 60 (1), 69–73. doi: 10.1136/jech.2005.039057
- Faubel, R., Lopez-Garcia, E., Guallar-Castillon, P., Balboa-Castillo, T., Gutierrez-Fisac, J.L., Banegas, J.R., et al. (2009). Sleep duration and health-related quality of life among older adults: a population-based cohort in Spain. *Sleep*, 32 (8), 1059–1068.
- Ferrie, J.E., Shipley, M.J., Cappuccio, F.P., Brunner, E., Miller, M.A., Kumari, M., et al. (2007). A prospective study of change in sleep duration: Associations with mortality in the Whitehall II cohort. *Sleep*, 30 (12), 1659–1666.
- Gallicchio, L., Kalesan, B. (2009). Sleep duration and mortality: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Sleep Research*, no. 18, 148–158. doi: 10.1111/j.1365-2869.2008.00732.x
- Gottlieb, D.J., Redline, S., Nieto, F.J., Baldwin, C.M., Newman, A.B., Resnick, H.E., et al. (2006). Association of usual sleep duration with hypertension: the sleep heart health study. *Sleep*, 29 (8), 1009–1014.
- Hamilton, N.A., Gallagher, M.W., Preacher, K.J., Stevens, N., Nelson, C.A., Karlson, C., et al. (2007). Insomnia and well-being. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, no. 75, 939–946. doi: 10.1037/0022-006X.75.6.939

- Hamilton, N.A., Lillis, T., Pressman, M. Sleep and Well-Being (2014). In: Michalos, A.C. (eds). *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Springer, Dordrecht, 311 p. doi: 10.1007/978-94-007-0753-5_3743
- Keefer, L., Stepanski, E.J., Ranjbaran, Z., Benson, L.M., Keshavarzian, A. (2006). An initial report of sleep disturbance in inactive inflammatory bowel disease. *Journal of Clinical Sleep Medicine*, 2 (4), 409–416.
- Kripke, D.F., Garfinkel, L., Wingard, D.L., Klauber, M.R., Marler, M.R. (2002). Mortality associated with sleep duration and insomnia. *Archives of General Psychiatry*, 59 (2), 131–136. doi: 10.1001/archpsyc.59.2.131
- Magee, C.A., Caputi, P., Iverson, D.C. (2011). Relationships between self-rated health, quality of life and sleep duration in middle aged and elderly Australians. *Sleep Medicine*, 12 (4), 346–350. doi: 10.1016/j.sleep.2010.09.013
- Maume, D., Sebastian, R.A., Bardo, A.R. (2009). Gender difference in sleep disruption among retail food workers. *American Sociological Review*, 74 (6), 98–1007. doi: 10.1177/000312240907400607
- Miller, M.A., Cappuccio, F.P. (2013). Sleep quantity and quality and the risk of type-2 diabetes. In: Preedy, V.R., Patel, V.B., Le, L.A. (eds). *Handbook of nutrition, diet and sleep*. Human Health Handbooks (pp. 270–277). vol. 3. Wageningen Academic Publishers, Wageningen. doi: 10.3920/978-90-8686-763-9_18
- Moore, P., Adler, N.E., Williams, D.R., Jackson, J.S. (2002). Socioeconomic status and health: The role of sleep. *Psychosomatic Medicine*, no. 64, 337–344.
- Morin, M.A., LeBlanc, M., Daley, M., Gregoire, J.P., Mérette, C. (2006). Epidemiology of insomnia: Prevalence, self-help treatments, consultations, and determinants of help-seeking behaviors. *Sleep Medicine*, no. 7, 123–130.
- Morphy, H., Dunn, K.M., Lewis, M., Boardman, H.F., Croft, P.R. (2007). Epidemiology of insomnia: A longitudinal study in a UK population. *Sleep*, 30 (3), 274–280.
- Muzet, A. (2004). Adult's sleep physiology, sleep quality and indicators of disturbed sleep. Short-term effects on health of disturbed sleep in adults. *WHO technical meeting on sleep and health* (pp. 24–37). World Health Organization.
- Orr, W.C. (2007). Esophageal function during sleep: Another danger in the night. *Sleep Medicine*, 8 (1), 105–106.
- Patel, S.R., Malhotra, A., Gottlieb, D.J., White, D.P., Hu, F.B. (2006). Correlates of long sleep duration. *Sleep*, 29 (7), 881–889.
- Ranjbaran, Z., Keefer, L., Stepanski, E., Farhadi, A., Keshavarzian, A. (2007). The relevance of sleep abnormalities to chronic inflammatory conditions. *Inflammation Research*, 56 (2), 51–57.
- Roenneberg, T., Allebrandt, K.V., Mellow, M., Vetter, S. (2012). Social jetlag and obesity. *Current Biology*, 22 (10), 939–943.
- Roth, T. (2007). Insomnia: Definition, prevalence, etiology, and consequences. *Journal of Clinical Sleep Medicine*, 3 (Suppl), 7–10.

УДК 796.011.7 (37.012.85)

СНИЖЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА: ПУТИ РЕШЕНИЯ

Т.Н. Акулова, Н.В. Плаксина, Е.В. Смирнова

*Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева,
Москва, Россия,
e-mail: akulova_tn@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-15

В статье затронута одна из самых важных проблем современного мира — проблема низкой двигательной активности людей. Данные статистики дают возможность реально оценить масштабы проблемы, которая может перерасти в катастрофу. Сравнение показателей двигательной активности населения различных стран мира наглядно характеризует картину текущего состояния проблематики исследования. Обоснованы причины низкого рейтинга привлекательности физической активности студенческой молодежи; в качестве решения данной проблемы актуализируется необходимость реализации эффективной программы увеличения положительной динамики активности среди занимающихся путем формирования механизмов устойчивых структур в мотивационном поле личности. Авторами обозначены положительные аспекты регулярного функционирования активности человеческого организма, которые могут лечь в основу режимной составляющей каждого потенциального спортивного субъекта деятельности.

Ключевые слова: физическая активность, уровни физической активности, физическая культура и спорт, мотивация, население, причины снижения активности занятий спортом, гиподинамия, меры повышения привлекательности физической деятельности и спорта

REDUCING THE PHYSICAL ACTIVITY OF THE POPULATION AS A COMPLEX PROBLEM: WAYS OF SOLUTION

T.N. Akulova, N.V. Plaksina, E.V. Smirnova

*D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia, Moscow, Russia,
e-mail: akulova_tn@mail.ru*

The presented article touches upon one of the most important problems of the modern world, which is low physical activity of people. These statistics make it possible to realistically assess the scale of the problem, which may develop into a disaster. Comparison of indices of physical activity of the population of different

countries of the world clearly characterizes the picture of the current state of the research problem. The reasons for the low rating of attractiveness of physical activity of student youth have been substantiated, and as a solution to this problem, the need to implement an effective program to increase the positive dynamics of activity among students by the formation of mechanisms of stable structures in the motivational field of the individual is actualized. The authors indicate the positive aspects of the regular functioning of the activity of the human body, which can form the basis of the regime component of each potential sports subject of activity.

Keywords: *physical activity, levels of physical activity, physical culture and sports, motivation, population, reasons for decreased activity in sports, physical inactivity, measures to increase the attractiveness of physical activity and sports*

Ускорение динамики темпа жизни, возросшие психофизические нагрузки, малоподвижный образ жизни наравне с вредными привычками стали причинами роста заболеваемости, сокращения длительности жизни населения стран мира. Предпринимаются многочисленные попытки решения ставшей глобальной проблемы путем кардинальных изменений ситуации. На государственных уровнях проводятся масштабные разработки основных направлений по стабилизации и развитию физической культуры в странах мирового сообщества. Ведется массовая пропаганда здорового образа жизни. Реализуются программы, ориентированные на повышение уровня привлекательности и мотивационного подхода к двигательной активности населения. К сожалению, пока статистические показатели не внушают оптимизма. Гиподинамические процессы, связанные со снижением активности физической деятельности человека, уже представляют потенциальную угрозу развитию здорового общества людей в мировом масштабе.

Безусловная польза физической активности для общего здоровья человека подтверждена бесчисленными исследовательскими работами. Несмотря на это, в современном мире люди резко снизили физическую активность. Согласно мнению ученых, незаинтересованность людей в здоровом образе жизни заключена в неразвитости культурно-исторических традиций и недостаточной мотивации. Если предположить, что создать реальные условия для повышения мотивационных структур, направленных на осознание важности использования в своей деятельности активности на психофизическом уровне, эмоциональной привлекательности и четких убеждений о пользе физической культуры, повлиять на традиционные процессы культурно-исторических связей и обычаев, на практическом уровне в ближайшей перспективе не представляется возможным — тогда необходимо сделать основной упор на механизмах формирования устойчивых структур в мотивационном поле личности.

Авторами была предпринята попытка выяснить причины низкой активности людей и, возможно, предложить пути и направления для нового конструкта мотивации в использовании в своей жизнедеятельности на прочной и постоянной основе физической активности. Авторы предполагают, что эта основа должна стать лич-

ностной необходимостью, т.е. перейти во внутренней план и приобрести критерий необходимости, стать жизненно важной потребностью, которая безапелляционно может реализовываться на уровне бессознательного отношения к физической активности. В данной авторской прогнозируемой модели эта активная позиция займет свое достойное место во внутреннем плане действий личности. И пусть эта модель, с точки зрения авторов, рассматривается пока на уровне фантазий, но вектор может быть задан уже сейчас.

Авторами проанализированы и обобщены некоторые источники с целью выявления особенностей уровня физической активности в странах. Представим наглядно эти результаты (см. табл.). Считаем уместным привести базовые данные ВОЗ: для лиц старше 18 лет недельная физическая активность умеренной интенсивности должна составлять не меньше 150 минут.

Особенности уровня физической активности в некоторых странах
(Пащенко, 2017)

Страна	Уровень физической активности населения от общего числа жителей страны	Причины
Нидерланды, Германия	Более 40%	Гос. политика в приоритетности ФКиС
Испания, Бельгия, Франция, Швеция	Менее 25%	Урбанизация, плотность застройки; сокращение плотности парков; естественную двигательную активность заменяют прогрессивные технологии — пользование автомобилем, посудомоечными и стиральными машинами
Соединенные Штаты Америки (белокожие американцы)	54,8%	Мотивированы на приобретение красивого физического облика; недостаточный объем недельной двигательной активности
Афроамериканцы	Менее 40%	Отсутствие свободного времени и комфортных условий проживания
Латиноамериканцы	Около 50%	Этнические поведенческие особенности
Страны Африки	Менее 30%	Материальные условия
Государства Азии	7%	Темпы развития экономики привели к урбанизации, автомобилизация и в итоге — к изменению образа жизни населения
Китай	6%	Нехватка спортивных сооружений, отсутствие времени, низкий уровень мотивированности
Монголия	24%	Гиподинамия

Основной причиной снижения активности и мотивации к занятиям спортом опрошиваемые отмечали отсутствие времени. Это была, на их взгляд, самая объективная причина.

В России с начала 1990-х по 2000 г. наблюдался кризис развития сферы физической культуры. Эта тенденция привела к резкому снижению популярности занятий спортом среди населения. Поиск решений этой проблемы на поле российской действительности привел к возрождению Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО 1.

Его внедрение было призвано увеличить число россиян, систематически занимающихся физической культурой и спортом, особое внимание из их числа отводилось молодежи. С возобновлением деятельности комплекса ГТО возникли и положительные перспективы в области активизации физической подготовки и спорта.

Многие вузы стали засчитывать выполнение тестов ВФСК ГТО на золотой знак — это дополнительные баллы от 1 до 5 (!), чем не стимул?

Старшее поколение, вспоминая молодость, пробует свои силы в выполнении норм — это 10-я (60–69 лет) и 11-я (70 лет и старше) ступени.

В рамках государственных программ в области физкультуры и спорта запущена программа «Московское долголетие»², федеральные программы «Старшее поколение», нацпроект «Демография»³.

Этот цикл мероприятий получил широкую популярность среди значительной части старшего поколения и изменил цифровые показатели в сторону положительной динамики.

По итогам статистики центра медицинской профилактики физическая активность населения за последнее десятилетие повысилась: фиксируется увеличение числа людей, регулярно занимающихся физкультурой (Бальсевич, 1988). В 2016 г. среди опрошенных около 24% людей не занимались каким-либо видом спорта. При этом 17,7% отметили регулярность посещений фитнес-центров, тренажерных залов, бассейнов. Наметилась некоторая положительная динамика в росте мотивированных к спорту людей. Более того, среди данной категории появились увлеченные физической активностью и отмечавшие у себя появившееся удовольствие от процесса движений. Многие отметили в качестве положительного приобретения высокую значимость человеческого общения, которое сопровождает их включенность в физическую активность.

Есть и негативные тенденции в определении значимости и мотивации к занятиям спортом.

¹ О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО): Указ Президента РФ от 24.03.2014 № 172. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.03.2020).

² О реализации в городе Москве проекта «Московское долголетие» (вместе с «Порядком реализации проекта «Московское долголетие»): Постановление Правительства Москвы от 18.12.2018 № 1578-ПП (ред. от 26.12.2019). Вестник Мэра и Правительства Москвы, 2019, 72 (1).

³ Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). URL: <https://www.minsport.gov.ru> (дата обращения: 02.09.2020).

На основе этих исследований мы можем выделить ряд причин, которые влияют на нежелание людей заниматься физической культурой.

1. Стереотипы (вся ценность занятий спортом заключается только в их физическом воздействии на состояние человека).
2. Переоценка общего состояния здоровья и физической подготовки (искажение объективной реальности ситуации).
1. Наличие иных средств влияния на здоровье, кроме спорта (медицинские препараты, кофе, алкогольные напитки, энергетики и т.д.).
2. Отсутствие желания продолжительного участия в активном образе жизни (например, для достижения определенных результатов в каком-либо виде спорта необходимо длительно и регулярно заниматься).
3. Отсутствие моральных и материальных стимулов.

Бесспорными положительными аспектами регулярного функционирования активности человеческого организма являются занятия физической культурой, которые оказывают воздействие на многие спектры и зоны нормы благополучия:

4. Нормализация сна.
5. Благоприятное влияние на общее психоэмоциональное состояние.
6. Снижение риска развития различных заболеваний (например, сахарный диабет, атеросклероз, болезни суставов и позвоночника, сахарный диабет, болезни сердца и сосудов).
7. Повышение выносливости.
8. Увеличение силы.
9. Увеличение гибкости.
10. Увеличение ловкости.
11. Мотивация к занятиям физической культурой и спортом в студенческой среде имеет свои особенности. Проблема привлечения обучающихся к физической активности имеет продолжительную историю. Разрабатываются и внедряются в программы обучения различные методы и способы повышения привлекательности физических занятий, стимулируется активная включенность в массовые виды спорта в вузе. Но динамика увеличения роста численности вовлеченности на регулярной основе пока не информативна. Остается лишь призывать студентов к послушанию, игнорировать негативные позиции по отношению к роли спорта или заниматься морализаторством? Все эти методы неэффективны. Желание и мотивация к здоровому образу жизни когда-то должны закрепиться в сознании студентов на прочной основе.

Проводя беседы со студентами о причинах негативного отношения к спорту, а именно нарушений дисциплины посещения занятий физической культурой (ФКиС) в вузе, авторы выделяют стереотипные оправдания студенческой молодежи:

- лень;
- неприоритетность дисциплины при наличии прочих специальных курсов учебного плана;
- информационная загруженность;
- эмоциональная усталость;

- возможность досдать «хвосты» по дисциплине, откладывая на потом в силу (с их точки зрения) необязательности посещения этих занятий;
- сформировавшийся стереотип оправдания «...вуз не спортивный и часы, отведенные на ФКиС, завышены...» и др.

Более того, не вызывает положительной популярности и позиция руководства многих вузов по «реорганизации» учебной нагрузки по дисциплинам «Физическая культура и спорт», «Элективные дисциплины по физической культуре и спорту». Многие вузы переходят на так называемый «экономный и ресурсный режим»: идет снижение значимости физкультурной деятельности и элективных дисциплин по ФКиС. Данные мероприятия приобретают негативное значение, которое выражается в сомнительной «оптимизации»: убирают часы с третьего курса и переводят их в самостоятельную работу на младшие курсы. С одной стороны, минус две дисциплины у старшекурсников, с другой — снижение физической активности у молодежи. По мнению авторов, данная перетасовка учебных часов не прибавит эффективности и, тем более, не решит задачу, обозначенную на высшем государственном уровне, которая в приоритете своем устанавливает важность совершенствования физических способностей и развития физической активности молодежи.

На регулярной основе в нашем вузе проводятся исследования с целью выявления физического уровня активности обучающихся и причин ее недостаточных показателей. Вопросы опросников традиционно сводятся к отношению студентов, вообще и в частности, к наличию или отсутствию потребности активного образа жизни посредством занятий физической культурой и спортом. Последнее исследование (в режиме дистанта) было проведено авторами в период самоизоляции, что позволяло получить наиболее информативные результаты уровня исследуемой проблемы в сравнении с ситуацией обычного режимного (очного) обучения студентов. В основе исследования обозначилась гипотеза об изменении ситуационных показателей физической активности в период перехода формы обучения с традиционной на «изолированную» форму взаимодействия субъектов в структуре обычного образовательного процесса. Положительным моментом опроса являлся тот факт, что выборка испытуемых составляла практически весь контингент обучающихся, так как учебную дисциплину посещения занятий даже в режиме дистанционного обучения никто не отменял.

Результаты исследования свелись к установлению следующих позиций:

- более 60% обучающихся в той или иной степени прибегли к включению в свой ежедневный режим комплекса физических упражнений;
- относительно значимое число студентов (40%) вынужденно использовали физические телесные манипуляции восстановительного характера для снижения или профилактики мышечной боли при длительном пребывании за монитором компьютера;
- более 25% обучающейся молодежи отметили облегчение или снятие вообще болевых ощущений в области костно-мышечного аппарата;
- более 50% студентов отметили, что практически уже на бессознательном уровне активно двигались и релаксировали для приобретения комфортного состояния.

Комментируя интерпретируемые результаты, авторы приходят к очевидному выводу: ситуация дискомфорта (постоянные физические нагрузки, неудобное и статическое положение тела в «застывшей» позе и т.д.) повлекла за собой необходимость увеличения физической активности с целью нивелирования ситуационного проблемного физического состояния и попытки довести его до уровня нормы (благополучия).

Конечно, очень не хотелось бы признавать, что цель достижения и использование физической активности выстраивалась бы по принципу «не было бы счастья, да несчастье помогло...». Но есть результаты, наметился опыт, и пусть пока хотя бы на таком уровне закладывается положительный вектор мотивации к физической активности.

Есть ли шансы у преподавателей изменить сознание студентов в пользу приоритетности занятий физической культурой и спортом (ФКиС)? Будем осторожны с высказываниями позитивного характера. Все действия по воспитанию, развитию и обучению, методологические основы, программы направлены на формирование компетенций; другое дело, что мотивация — вещь упрямая, тут нет возможности применять меры превентивного плана. Грустно осознавать, что необходимость действенных мер укрепления здоровья путем физических нагрузок может возникнуть у человека внезапно и категорично, когда шансы на успех могут быть не гарантированы в силу категории «поздно».

«Дорогу осилит идущий» — в этой фразе заложен не просто философский смысл. Идущий — значит, активный. Активность — это движение. Делайте выводы!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бальсевич В.К. Физическая культура для всех и для каждого. М.: ФиС, 1988.

Пашченко Л.Г. Физическая активность и мотивы занятий физической культурой и спортом взрослого населения в России и за рубежом. Вестник НВГУ, 2017, No. 3, 110–116.

REFERENCES

Bal'sevich, V.K. (1988). *Fizicheskaya kul'tura dlya vseh i dlya kazhdogo* [Physical culture for everybody and for every person]. Moscow: FiS.

Pashchenko, L.G. (2017). *Fizicheskaya aktivnost' i motivy zanyatij fizicheskoy kul'turoj i sportom vzroslogo naseleniya v Rossii i za rubezhom* [Physical activity and motives for physical culture and sports of the adult population in Russia and abroad]. *NVGU Bulletin*, no. 3, 110–116.

УДК 314.4

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 2005–2018 гг.

Ю.Е. Шматова

*Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Россия,
e-mail: ueshmatova@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2020)4-16

Психическое здоровье выступает основой благополучия человека и эффективного функционирования общества, его интеллектуальным и нравственным потенциалом. Его разрушение влечет огромные социально-экономические потери, в том числе трудовые, создает условия для снижения качества жизни и социальной нестабильности. В данном контексте актуальным становится изучение динамики основных показателей психического благополучия в обществе. В результате проведенного автором исследования эпидемиологических показателей общественного психического здоровья в России в 2005–2018 гг. выявлены благоприятные и негативные тенденции. К первым можно отнести снижение смертности от убийств, самоубийств, случайных алкогольных отравлений, заболеваемости психическими расстройствами и алкоголизмом. Тревожные изменения заключаются в четырехкратном росте смертности от психических расстройств (с 2012 г.). Наблюдается также увеличение детской заболеваемости психопатологиями в Южном и Центральном федеральных округах. Отмечается рост среди детей до 18 лет заболеваемости психозами и состояниями слабоумия, а среди подростков 15–17 лет — еще и шизофрении. В группу повышенного риска смертности от психических расстройств попадают сельские женщины, а от убийств, суицидов и причин, вызванных вредным употреблением алкоголя, — сельские мужчины.

***Ключевые слова:** заболеваемость психическими расстройствами, алкоголизм, смертность от самоубийств, случайных отравлений алкоголем, психических расстройств, психозы и состояния слабоумия, социально-демографические группы*

POSITIVE AND NEGATIVE TRENDS IN THE SPHERE OF PUBLIC MENTAL HEALTH OF THE POPULATION OF RUSSIA IN THE YEARS 2005–2018

Yu.E. Shmatova

*Vologda research center of Russian academy of sciences, Vologda, Russia,
e-mail: ueshmatova@mail.ru*

Mental health is the basis of human well-being and effective functioning of society, its intellectual and moral potential. Its destruction causes huge socio-economic losses, including labor losses, and creates conditions for reducing the quality of life and social instability. In this context, it becomes relevant to study the dynamics of the main indicators of mental well-being in society. As a result of the author's study of epidemiological indicators of public mental health in Russia in 2005-2018. positive and negative trends were identified. The former includes a reduction in deaths from homicides, suicides, accidental alcohol poisoning, and the incidence of mental disorders and alcoholism. Alarming changes include a four-fold increase in deaths from mental disorders (since 2012). there is also an increase in child morbidity with psychopathologies in the southern and Central Federal districts. There is an increase in the incidence of psychosis and dementia among children under 18 years of age, and schizophrenia among adolescents aged 15-17 years. Rural women are at higher risk of death from mental disorders, while rural men are at higher risk of death from homicides, suicides, and causes caused by harmful alcohol use.

Keywords: *incidence of mental disorders, alcoholism, mortality from suicide, accidental alcohol poisoning, mental disorders, psychosis and dementia, socio-demographic groups*

Введение

Главное богатство любой общественной системы — человеческий потенциал, определяющий могущество страны и общества. Этот демографический ресурс определяется среди прочего состоянием психического здоровья общества, которое выступает интеллектуальным и нравственным потенциалом общества, важнейшей предпосылкой его стабильности, благополучия и прогресса (Дмитриева, Положий, 2002).

Психическое здоровье — это «состояние благополучия, в котором человек реализует свои способности, может противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно работать и вносить вклад в свое сообщество»¹. Общественное психическое здоровье определяется как уровень психического здоровья популяции, связанный с распространенностью в ней психических заболеваний, аддикций, различных форм деструктивного поведения (Дмитриева, Положий, 2003: 30).

¹ Психическое здоровье Информационный бюллетень ВОЗ, 30 марта 2018 г. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения: 23.09.2020).

На данный момент 20–25% населения планеты страдает психическими и поведенческими расстройствами (Ginn, Horder, 2012), а каждый третий испытывал его в течение жизни. Депрессии, слабоумие и деменция становятся эпидемией в развитых странах. Психика современного человека испытывает огромную интеллектуально-эмоциональную нагрузку, к которой он не готов (Андреев, Назарова, 2013: 81–82). В мире от депрессии страдает более 300 миллионов человек, а от тревожных расстройств — еще 264 миллиона (преимущественно женщин)¹, в Российской Федерации — 26% и 46% населения соответственно (Шальнова и др., 2014). Данные недуги могут приводить к значительным страданиям человека, в том числе физическим, к потере трудоспособности, конфликтам в школе и в семье. В самом тяжелом случае депрессия может спровоцировать самоубийство. Ежегодно около 800 тысяч человек становятся его жертвой. Суицид является второй по значимости причиной смерти среди молодежи², что наносит значительный демографический урон обществу (Рязанцев и др., 2019; Савенков, Жуков, 2018; Морев, Шматова, Любов, 2014). Наличие психического расстройства становится предиктором самоубийства (Войцех, 2007; Положий, Руженкова, 2016; Сергеева и др., 2015). Поэтому пациенты психотерапевтов и психиатров несут повышенную опасность не только для общества, но и «для себя» и требуют постоянной оценки на предмет степени актуальности риска самоубийства (Кудрявцев, 2016).

На состояние душевного здоровья в целом воздействует множество тесно взаимосвязанных макросоциальных и макроэкономических факторов, находящихся за пределами сектора здравоохранения. Его разрушение связано, по мнению ВОЗ, с быстрыми социальными изменениями, стрессовыми условиями на работе, гендерной дискриминацией, социальным отчуждением, нездоровым образом жизни, физическим нездоровьем, а также с нарушениями прав человека³.

Актуальность исследований психического здоровья вызвана также социально-экономическими последствиями его разрушения. Глобальное бремя психических заболеваний составляет треть «потерянных лет трудоспособной жизни» вследствие болезней, опережая таковые от сердечно-сосудистых заболеваний, сахарного диабета, хронических респираторных заболеваний и рака (Vigo, Thornicroft G. & Atun R. 2016). По данным Министерства здравоохранения, в России две трети психически больных находятся в трудоспособном возрасте. При этом только каждый третий из них работает, а каждый четвертый является инвалидом (Крот и др., 2016). Значительная доля бремени ложится на плечи семей (эмоциональная нагрузка, снижение качества жизни и др.), также «выключая» их из полноценной жизни общества.

¹ Depression and Other Common Mental Disorders: Global Health Estimates. Geneva: World Health Organization; 2017. 24 p.

² Депрессия. Информационный бюллетень ВОЗ, 22 марта 2018 г. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression> (дата обращения: 23.09.2020).

³ Психические расстройства. Информационный бюллетень ВОЗ от 30 марта 2018 г. URL: <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения: 23.09.2020).

В данной работе мы дадим оценку основных тенденций в сфере общественного психического здоровья в России в период с середины 2000-х гг. до 2018 г. посредством ряда эпидемиологических показателей (заболеваемости, болезненности, смертности), полученных на сайте Росстата (www.gks.ru), а также опубликованных в Демографическом ежегоднике России и статистическом сборнике «Здравоохранение в России» за 2019 г.

Основные результаты. Смертность. В динамике показателей смертности от различных причин, имеющих отношение к общественному психическому здоровью, наблюдаются благоприятные изменения. Так, поступательно снижается смертность от убийств, случайных отравлений алкоголем и самоубийств (рис. 1). В 2018 г. в РФ их жертвой стали соответственно 8, 11 и 18 тысяч человек.

Рисунок 1 — Динамика смертности в России от некоторых причин в период 2005–2018 гг., на 100 тыс. населения.

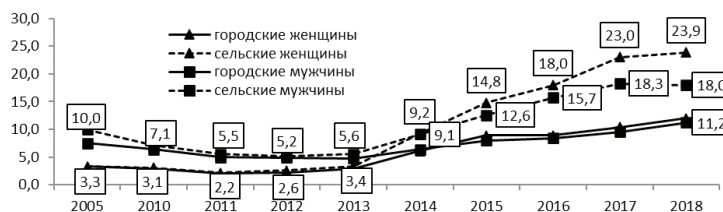

Рисунок 2 — Смертность от психических расстройств в различных социально-демографических группах в России в период 2005–2018 гг., на 100 тыс. населения.

Тем не менее с 2013 г. увеличивается смертность от повреждений с неопределенными намерениями (ПНН), которые, по мнению специалистов, «маскируют» статистику суицидов (рис. 1). В 2018 г. данная причина смерти была указана в 42,6 тыс. случаев.

Также с 2012 г. отмечается четырехкратный рост смертности населения от психических и поведенческих расстройств (рис. 1). За 2018 г. от них погибли более 20,5 тыс. россиян.

Причем после 2014 г. гибель по причине психических расстройств сельских жителей (особенно женщин) существенно опережает таковую среди городского населения (рис. 2). В 2018 г. данный показатель среди женщин села на треть выше, чем среди сельских мужчин, и более чем вдвое выше горожан.

Проанализировав данные смертности, можно сделать следующие выводы относительно групп повышенного риска. Мужчины, проживающие в сельской местности, чаще остальных становятся жертвой суицида (в 2018 г. — 34,8 случаев на 100 тыс. населения; табл. 1), случайных отравлений алкоголем (14,6), убийства (10,0), а также психических расстройств, вызванных вредным употреблением алкоголя.

Среди мужчин (особенно городских) наблюдаются самые высокие показатели смертности от «повреждений с неопределенными намерениями» и психических расстройств вследствие наркомании (табл. 1).

Сельские женщины «лидируют» в печальной статистике гибели от психических расстройств (23,9 случая на 100 тыс. населения).

Таблица 1

Группы риска смертности от некоторых причин в 2018 г., на 100 тыс. населения

Причина смерти	Мужчины	Женщины	Город	Село	Город/ мужчины	Город/ женщины	Село/ мужчины	Село/ женщины
Случайное отравление алкоголем	12,9	2,9	7,0	9,0	12,3	2,6	14,6	3,8
Самоубийство	22,1	4,0	9,9	19,8	17,6	3,4	34,8	5,7
Убийство	8,7	2,6	4,9	7,0	8,0	2,3	10,9	3,3
ПНН	47,8	12,9	29,4	28,0	48,6	13,3	45,5	11,6
Психическое расстройство и расстройство поведения, в т.ч.:	13,0	14,9	11,6	21,0	11,2	12,0	18,0	23,9
Вызванные употреблением алкоголя	6,0	1,5	3,4	4,1	5,8	1,3	6,4	1,9
вызванные употреблением наркотических средств и других психоактивных веществ	0,2	0,05	0,1	0,03	0,2	0,06	0,04	0,02
Источник: рассчитано автором на основе данных Смертность. Демографический ежегодник России. 2019: Стат.сб. М., 2019.								

Заболеваемость психическими расстройствами. Численность взятых под наблюдение в России взрослых пациентов с диагнозом психического или поведенческого расстройства, поставленным впервые в жизни, с 2005 г. снизилась на 40% (табл. 2), а обращаемость среди таковых за консультативно-лечебной помощью — на 20%.

Таблица 2

Заболеваемость взрослого населения психическими расстройствами и расстройствами поведения в России в 2005–2018 гг., на 100 тыс. взрослого населения

Показатель	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Взято под наблюдение пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни	67,3	52,0	42,9	41,0	40,4	40,3
Обратилось пациентов за консультативно-лечебной помощью	320,9	297,2	257,7	255,2	250,2	258,8

Источник: Заболеваемость населения психическими расстройствами и расстройствами поведения. Здравоохранение в России 2019: Стат. сб. М., 2019. С. 44.

Численность пациентов с психическими расстройствами и расстройствами поведения, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях, также сократилась за указанный период на 22% (рис. 3). Доля пациентов, которые получают помощь специалистов, в 2018 г. остается выше показателя 2005 г. и практически неизменна с 2015 г.

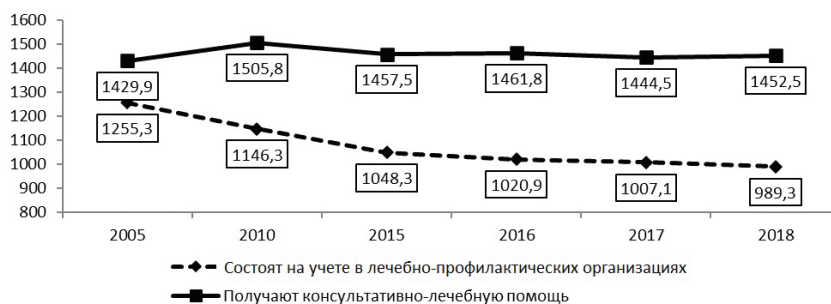

Рисунок 3 — Численность взрослых пациентов с психическими расстройствами и расстройствами поведения, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях и получающих консультативно-лечебную помощь, на 100 тыс. населения, на конец года.

Источник: Заболеваемость населения психическими расстройствами и расстройствами поведения. Здравоохранение в России 2019: Стат. сб. М., 2019. С. 45.

Благоприятные тенденции снижения заболеваемости и болезненности психическими расстройствами и расстройствами поведения распространяются и на детское население (табл. 3).

Положительная динамика зафиксирована в большинстве федеральных округов. Лишь в Южном и Центральном ФО отмечается тенденция роста душевных заболеваний среди детей до 14 лет (на 40% и 14% соответственно; рис. 4). В Южном округе наблюдается также неблагоприятный тренд увеличения заболеваемости и среди подростков 15–17 лет.

Таблица 3

Динамика заболеваемости и болезненности детей психическими расстройствами, на 100 тыс. детей соответствующего возраста

Показатель	Возраст, лет	2005	2010	2015	2016	2017	2018	Динамика
Заболеваемость								
Взято под наблюдение	0–14	153,8	110,6	85,1	82,7	79,2	77,9	–49,3%
	15–17	113	89,7	73,9	74,4	74,7	77,5	–31,4%
Обратились за помощью впервые	0–14	524,6	493,3	444	428	432	429	–18,2%
	15–17	424	424	388	388	401	431	+1,7%
Болезненность								
Состоит на учете	0–14	1082	887,9	745,8	724	720	709	–34,5%
	15–17	1757	1747	1589	1515	1484	1491	–15,1%
Получают консультативно-лечебную помощь	0–14	1876	1874	1784	1752	1729	1710	–8,8%
	15–17	1926	2435	2441	2469	2508	2589	+34,4

Снижение заболеваемости и болезненности среди взрослых психическими расстройствами в период с середины 2000-х гг. по настоящее время отмечается в отношении всех диагнозов (рис. 5). Всего душевными расстройствами впервые заболело в 2018 г. 59 тысяч человек, половине из которых был поставлен диагноз «психоз» и «состояние слабоумия», еще 17 тысячам — «психическое расстройство непсихотического характера». В 2017 г. наблюдался скачок заболеваемости шизофренией на 50%.

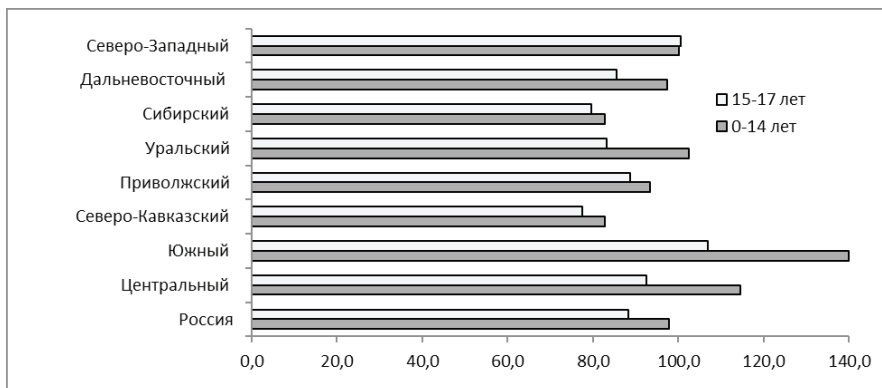
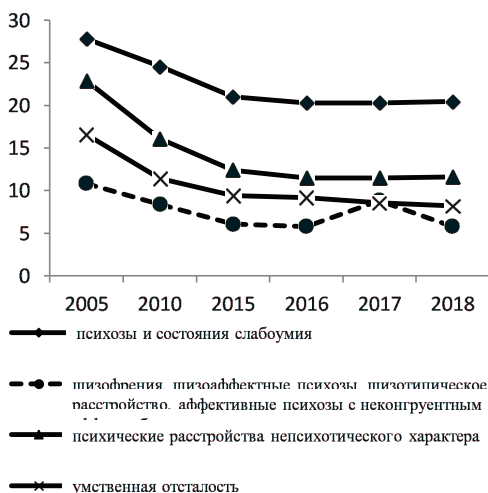

Рисунок 4 — Динамика заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения детей и подростков в федеральных округах России в период 2011–2019 гг. (данные 2019 г. в процентах к данным 2011 г.)

Положительная динамика при показателях выше 100%, отрицательная — менее 100%.

Источник: 3.10. Заболеваемость детей психическими расстройствами и расстройствами поведения. <https://resursor.ru/content/statistika-po-detskoj-zabolevaemosti-v-rossii-otchet-2019-goda/>

Взято под наблюдение пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом

Численность пациентов, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях

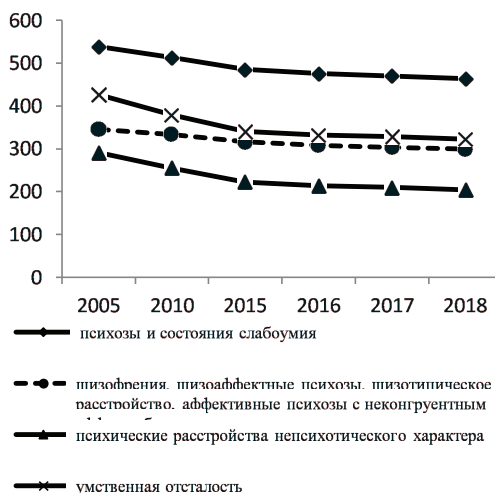

Рисунок 5 –Динамика заболеваемости и болезненности некоторыми психическими расстройствами и расстройствами поведения в России в период 2005-2018 гг., на 100 тыс. населения.

Источник: Заболеваемость населения психическими расстройствами и расстройствами поведения. Здравоохранение в России 2019: Стат. сб. М., 2019. С. 44–45.

Однако среди детей и подростков с 2010 г. отмечается тревожная тенденция роста численности тех, кому впервые был поставлен диагноз «психоз и состояние слабоумия» и состоящих на учете в связи с ним (рис. 6). Настораживает рост количества находящихся на диспансерном учете девушек и юношей 15–17 лет с диагнозом «шизофрения» (на четверть с 2010 г.).

Численность пациентов, страдающих наркоманией, алкоголизмом и алкогольными психозами, в России с 2005 г. также поступательно снижается (рис. 7), как и численность впервые поставленных на учет.

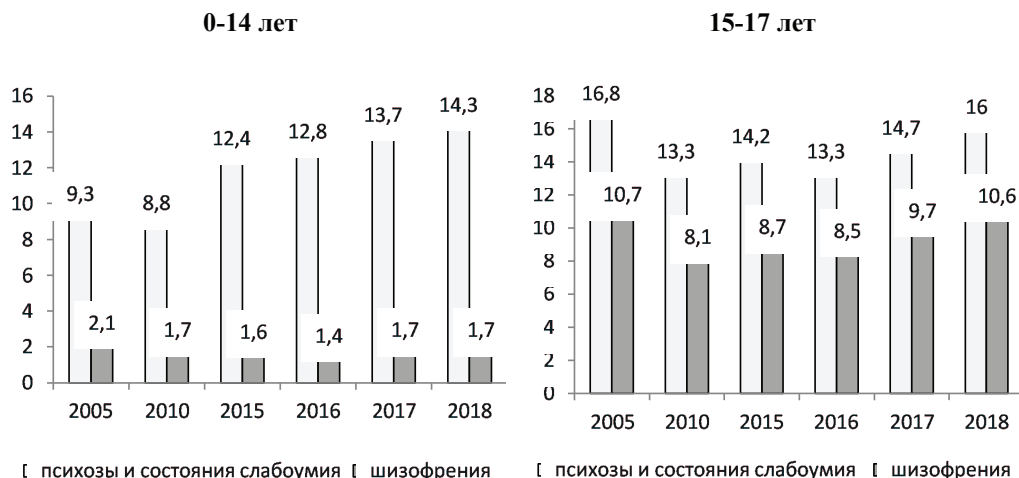

Рисунок 6 — Динамика заболеваемости детей и подростков психозами и состояниями слабоумия, а также шизофренией, на 100 тыс. детей соответствующего возраста.

Источник: Статистика по детской заболеваемости в России, отчет 2019 года. Здравоохранение в России 2019: Стат. сб. М., 2019.

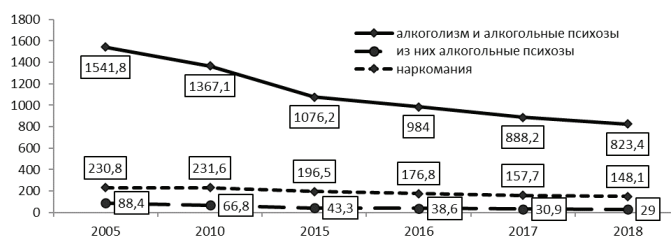

Рисунок 7 — Численность пациентов, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях с диагнозом «наркомания», «алкоголизм» и «алкогольный психоз», на 100 тыс. населения.

Источник: Заболеваемость населения психическими расстройствами и расстройствами поведения. Здравоохранение в России 2019: Стат. сб. М., 2019. С. 46.

Выводы и обсуждение

Проведенный анализ статистических данных относительно общественного психического здоровья за последние 15 лет позволил выделить следующие благоприятные тренды в данной сфере:

1. С каждым годом все меньше россиян погибают от убийств, самоубийств, случайных отравлений алкоголем.
2. Снижается заболеваемость и болезненность психическими расстройствами, в т.ч. вызванными вредным употреблением алкоголя и наркотиков среди взрослых и детей.

Тем не менее нами отмечены следующие тревожные тенденции:

1. С 2012 г. в 4 раза увеличилась смертность населения от психических и поведенческих расстройств.
2. С 2013 г. наблюдается рост смертности от повреждений с неопределенными намерениями, которые могут скрывать часть суицидальной активности.
3. Отмечен рост заболеваемости детей психическими и поведенческими расстройствами в Южном и Центральном федеральных округах.
4. С 2010 г. наблюдается рост показателей заболеваемости и болезненности детей и подростков психозами и состояниями слабоумия, а юношей и девушек 15–17 лет — шизофренией.
5. К наиболее уязвимой группе риска гибели от убийства, самоубийства и случайных алкогольных отравлений относятся сельские мужчины, от наркомании — горожане, а от психических расстройств — сельские женщины.

Таким образом, несмотря на позитивные тренды в сфере психического здоровья, остаются тревожные моменты, которые требуют дополнительного изучения. Официально зарегистрированный эпидемиологический уровень распространения психопатологий не отражает реальной картины. Это вызвано проблемой стигматизации, страхом наклеивания ярлыка «психически больного» в случае обращения за помощью. Как правило, в поле зрения врача попадают пациенты с тяжелыми формами заболевания, а также с суицидальными действиями. Выявление скрытых от официальной статистики данных о распространении пограничных психопатологических расстройств среди населения возможно посредством социологических методов с применением психодиагностических методик. Полученные результаты позволили бы усовершенствовать систему помощи группам повышенного риска (особенно актуально в сельской местности) и сохранить общественное психическое здоровье.

Особенно актуально его укрепление на фоне вспышки новой коронавирусной инфекции в 2020 г., которая делает многих людей уязвимыми к психическим расстройствам и суицидальному поведению. Наибольшему риску развития проблем с психическим здоровьем в период борьбы с COVID-19 подвержены переболевшие вирусом и их родственники, медицинские работники, жертвы домашнего насилия, пожилые и одинокие люди, а также лица, уже живущие с психическими расстройствами (Шматова, 2020). Согласно заключениям экспертов до 70% населения земного шара потенциально может нуждаться в психологической помощи в период рас-

пространения COVID-19. Причем последствия для психического здоровья будут проявляться дольше и достигнут своего пика позже, чем сама пандемия.

Национальная политика в области охраны психического здоровья должна быть ориентирована не только на раннюю диагностику и лечение психических расстройств, но и профилактику их распространения с учетом более широких аспектов. Помимо здравоохранения к решению этих вопросов необходимо привлекать специалистов из секторов социального обеспечения, образования, трудоустройства, правосудия, транспорта, жилищного строительства и других.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андреев И.Л., Назарова Л.Н. Психическое здоровье населения России: что день грядущий нам готовит? Психическое здоровье, 2013, No. 9, 75–83.

Войцех В.Ф. Суицидология, М.: Миклош, 2007.

Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Этнокультуральная психиатрия. М.: Медицина, 2003.

Дмитриева Т.Б., Положий Б.С. Психическое здоровье россиян. Человек, 2002, No. 6.

Крот К.В., Мешалкина С.Ю., Слободенюк Е.В. Социально-экономическая значимость психических расстройств: региональные аспекты. Дальневост. мед. журн., 2016, No. 1, 91–96.

Кудрявцев И.А. Психодиагностика суицидального риска как критерий недобровольной госпитализации психически больных в системе профилактики их общественно опасного поведения. Суицидология, 2016, 4 (25), 11–22.

Морев М.В., Шматова Ю.Е., Любов Е.Б. Динамика суицидальной смертности населения России: региональный аспект. Суицидология, 2014, 1 (14), 3–11.

Положий Б.С., Руженкова В.В. Стигматизация и самостигматизация суицидентов с психическими расстройствами. Суицидология, 2016, 3 (24), 12–20.

Рязанцев С.В., Семенова В.Г., Иванова А.И., Сабгайда Т.П., Евдокушкина Г.Н. Демографические последствия социальных девиаций российской молодежи. Вестник РАН, 2019, No. 3, 221–231.

Савенков В.Н., Жуков В.И. Социология правовых и социальных аддикций: монография. М.: Институт государства и права РАН, 2018.

Сергеева Е.А., Васильев В.В., Пакриев С.Г., Ковалев Ю.В. Современные исследования суицидального поведения психически больных. Суицидология. 2015, 4 (21), 32–40.

Шальнова С.А. Евстифеева С.Е., Деев А.Д. [и др.]. Распространенность тревоги и депрессии в различных регионах Российской Федерации и ее ассоциации с социально-демографическими факторами (по данным исследования ЭССЕ-РФ). Терапевтический архив, 2014, 86 (12), 53–60.

¹ Axelrod J. Coronavirus may infect up to 70% of world's population, expert warns. March 2, 2020. Retrieved from <https://www.cbsnews.com/news/coronavirus-infection-outbreakworldwide-virus-expert-warning-today-2020-03-02/>.

Шматова Ю.Е. Влияние COVID-19 на психическое здоровье населения (как показатель человеческого потенциала): опыт зарубежных исследований. Проблемы развития территории, 2020, 4 (108), 88–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.6

Ginn S., Horder J. «One in four» with a mental health problem: the anatomy of a statistic. British Medical Journal, 2012, Vol. 344, e1302.

Vigo D., Thornicroft G., Atun R. Estimating the true global burden of mental illness. Lancet Psychiatry, 2016, No. 3, 171–178.

REFERENCES

Andreev, I.L., Nazarova, L.N. (2013). Psichicheskoe zdorov'e naseleniya Rossii: chto den' gryadushchij nam gotovit? [Mental health of the Russian population: what is the coming day preparing for us?]. *Mental health*, no. 9, 75–83.

Wojciekh, V. F. (2007). *Suicidologiya* [Suicidology]. Moscow: Miklosh.

Dmitrieva, T.B., Polozhiy, B.S. (2003). *Etnokul'tural'naya psihiatriya* [Ethno-Cultural psychiatry]. Moscow: Meditsina.

Dmitrieva, T.B., Polozhiy, B.S. (2002). *Psichicheskoe zdorov'e rossiyan* [Mental health of Russians]. Man, no. 6.

Krot, K.V., Meshalkina, S.Yu., Slobodenyuk, E.V. (2016). *Social'no-ekonomicheskaya znachimost' psichicheskikh rasstrojstv: regional'nye aspekty* [Socio-economic significance of mental disorders: regional aspects]. Far Eastern medical journal, 1, 91–96.

Kudryavcev, I.A. (2016). Psihodiagnostika suicidal'nogo riska kak kriterij nedobrovol'noj gospitalizacii psichicheskimi bol'nyh v sisteme profilaktiki ih obshchestvenno opasnogo povedeniya [Psychodiagnostics of suicidal risk as a criterion for involuntary hospitalization of mentally ill people in the system of prevention of their socially dangerous behavior]. *Suicidology*, 4 (25), 11–22.

Morev, M.V., Shmatova, Yu.E., Lyubov, E.B. (2014). Dinamika suicidal'noj smertnosti naseleniya Rossii: regional'nyj aspekt [Dynamics of suicidal mortality in Russia: regional aspect]. *Suicidology*, 1 (14), 3–11.

Polozhyj, B.S., Rozenkova, V.V. (2016). Stigmatizaciya i samostigmatizaciya suidentov s psichicheskimi rasstrojstvami [Stigma and self-stigmatization of suicides with mental disorders]. *Suicidology*, 3 (24), 12–20.

Ryazancev, S.V., Semenova, V.G., Ivanova, A. I., Sabgajda, T.P., Evdokushkina, G.N. (2019). Demograficheskie posledstviya social'nyh deviacij rossijskoj molodezhi [Demographic consequences of social deviations of Russian youth]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 3, 221–231.

Savenkov, V.N., Zhukov, V.I. (2018). *Sociologiya pravovyh i social'nyh addicij: monografiya* [Sociology of legal and social addictions: monograph]. Moscow: Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences.

Sergeeva, E.A., Vasil'ev, V.V., Pakriev, S.G., Kovalev, Yu.V. (2015). Sovremennye issledovaniya suicidal'nogo povedeniya psichicheskimi bol'nyh [Modern research of suicidal behavior of mentally ill people]. *Suicidology*, 4 (21), 32–40.

Shal'nova, S.A. Evstifeeva, S.E., Deev, A.D. [et al.] (2014). Rasprostranennost' trevogi i depressii v razlichnyh regionah Rossijskoj Federacii i ee asociacii s social'no-demograficheskimi faktorami (po dannym issledovaniya ESSE-RF) [Prevalence of anxiety and depression in various regions of the Russian Federation and its Association with socio-demographic factors (according to the ESSAY-RF study)]. *Therapeutic archive*, № 86(12), Pp. 53–60.

Shmatova, Yu.E. (2020). Vliyanie COVID-19 na psihicheskoe zdorov'e naseleniya (kak pokazatel' chelovecheskogo potenciala): opyt zarubezhnyh issledovanij [The impact of COVID-19 on the mental health of the population (as an indicator of human potential): the experience of foreign studies]. *Problems of territory development*, 4 (108), 88–108. DOI: 10.15838/ptd. 2020. 4. 108. 6

Ginn, S., Horder, J. (2012). «One in four» with a mental health problem: the anatomy of a statistic. *British Medical Journal*, Vol. 344, e1302.

Vigo, D., Thornicroft, G., Atun, R. (2016). Estimating the true global burden of mental illness. *Lancet Psychiatry*, no. 3, 171–178.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акулова Татьяна Николаевна** — доцент кафедры физического воспитания, Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева (Москва, Россия), e-mail: Akulova_tn@mail.ru
- Байгабылов Нурлан Оралбаевич** — PhD социологии, заведующий кафедрой социологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан), e-mail: n.baigabylov@mail.ru
- Байгушева Баян Мубараковна** — старший преподаватель, Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина (Нур-Султан, Казахстан), e-mail: bbm_s@mail.ru
- Байгушева Канагат Мубараконна** — кандидат педагогических наук, технический директор ТОО «Digital Experts Group» (Нур-Султан, Казахстан), e-mail: kanagat_m@mail.ru
- Власова Анна Игоревна** — старший преподаватель кафедры востоковедения, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: for.ann.annie@yandex.ru
- Жанбосинова Альбина Советовна** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан), e-mail: sovetuk@rambler.ru
- Жармаханова Жансауле** — докторант кафедры международных отношений, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан), e-mail: zhansaule94@bk.ru
- Калачикова Ольга Николаевна** — кандидат экономических наук, зав. отделом уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр РАН (Вологда, Россия), e-mail: onk82@yandex.ru (<https://orcid.org/0000-0003-4681-4344>)
- Калиниченко Яна Николаевна** — научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, Сибирский юридический институт МВД Российской Федерации (Красноярск, Россия); e-mail: ya_kalinichenko@mail.ru
- Кожевина Ольга Владимировна** — доктор экономических наук, профессор, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Москва, Россия), e-mail: ol.kozhevina@gmail.com (<https://orcid.org/0000-0001-5347-2253>)
- Короленко Александра Владимировна** — научный сотрудник, Лаборатория исследования проблем управления в социальной сфере, Вологодский научный центр РАН (Вологда, Россия), e-mail: coretra@yandex.ru
- Куликов Егор Алексеевич** — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Юридический институт, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: kulikoveg@yandex.ru
- Лысенко Юлия Александровна** — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: iulia_199674@mail.ru
- Максимова Светлана Геннадьевна** — доктор социологических наук, профессор, проректор по научному и инновационному развитию, зав. кафедрой психологии

коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: svet-maximova@yandex.ru (<https://orcid.org/0000-0002-4613-4966>)

Матренин Сергей Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник ОС НИОКР, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: matrenins@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0002-2188-8120>)

Мурашева Светлана Валерьевна — кандидат педагогических наук, доцент, кафедры социального управления и конфликтологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел, Россия), e-mail: murashova.svet@yandex.ru

Нурдаuletova Сания Морьяковна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан), e-mail: saniyanm83@mail.ru

Омельченко Дарья Алексеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: daria.omelchenko@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0002-2839-5070>)

Плаксина Надежда Викторовна — старший преподаватель кафедры социологии, Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева (Москва, Россия), e-mail: Nadegda.compas@rambler.ru

Разварина Ирина Николаевна — младший научный сотрудник лаборатории исследования проблем управления в социальной сфере отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр РАН (Вологда, Россия), e-mail: irina.razvarina@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0002-9377-1829>)

Серегин Николай Николаевич — доктор исторических наук, заместитель проректора по научному и инновационному развитию Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: nikolay-seregin@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>)

Смирнова Елена Валерьевна, кандидат технических наук, начальник Службы безопасности, Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева (Москва, Россия), e-mail: Smir.szao@mail.ru

Суртаева Ольга Валерьевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры психологии коммуникаций и психотехнологий, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: bubuka_s@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0002-6535-2838>)

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет (Уфа, Россия), e-mail: rafaelbadretdinovich@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0001-8404-1405>)

Шарапов Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: marin-sharapov@yandex.ru

Шинкевич Владимир Ефимович — доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск, Россия), e-mail: vlshink@yandex.ru

Шматова Юлия Евгеньевна — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (Вологда, Россия), e-mail: ueshmatova@mail.ru

ABOUT AUTHORS

- Akulova Tatiana N.**, Associate professor at the Department of Physical Education, D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (Moscow, Russia), e-mail: Akulova_tn@mail.ru
- Baigabylov Nurlan O.** — PhD (Sociology), Head of the Department of Sociology, L.N. Gumilev Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan), e-mail: n.baigabylov@mail.ru
- Baigusheva Bayan M.** — Senior Lecturer, Kazakh Agrotechnical University named after S. Seyfulin (Nur-Sultan, Kazakhstan), e-mail: bbm_s@mail.ru
- Baigusheva Kanagat M.** — Cand. Sci. (Pedagogy), Technical Director, LLP «Digital Experts Group» (Nur-Sultan, Kazakhstan), e-mail: kanagat_m@mail.ru
- Kalachikova Olga N.** — Cand. Sci. (Economics), Deputy Director for Scientific Work, Head of the Department for the Studies of Lifestyles and Standards of Living, Vologda research center of the Russian academy of sciences (Vologda, Russia), e-mail: onk82@yandex.ru (<https://orcid.org/0000-0003-4681-4344>)
- Kalinichenko Yana N.** — Research Associate, Scientific-Research and Editorial-Publishing Department, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ya_kalinichenko@mail.ru
- Korolenko Aleksandra V.** — Research Fellow, Laboratory for Researching Administration Issues in the Social Sphere, Vologda research center of the Russian academy of sciences (Vologda, Russia), e-mail: coretra@yandex.ru
- Kozhevina Olga V.** — Dr. Sci. (Economics), professor, Bauman Moscow State Technical University (Moscow, Russia), e-mail: ol.kozhevina@gmail.com (<https://orcid.org/0000-0001-5347-2253>)
- Kulikov Egor A.** — Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Law, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: kulikoveg@yandex.ru
- Lysenko Yulia A.** — Dr. Sci. (History), Professor at the Department of Oriental Studies, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: iulia_199674@mail.ru
- Matrenin Sergey S.** — Cand. Sci. (History), Research fellow at the Department of R&D, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: matrenins@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0002-2188-8120>)
- Maximova Svetlana G.** — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Vice-Rector for Scientific and Innovative Development, Head of the Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: svet-maximova@yandex.ru
- Murasheva Svetlana V.** — Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Social Management and Conflictology, Orel State University named after I.S. Turgenev (Orel, Russia), e-mail: murashova.svet@yandex.ru
- Nurdavletova Sanya M.** — Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of International Relations, L. N. Gumilev Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan), e-mail: saniyanm83@mail.ru

- Omelchenko Daria A.** — Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies, Altai State University, (Barnaul, Russia), e-mail: daria.omelchenko@mail.ru
- Plaksina Nadezhda** — Senior Lecturer at the Department of Sociology, D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (Moscow, Russia), e-mail: Nadegda.compas@rambler.ru
- Razvarina Irina N.** — Junior Research Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies, Vologda research center of the Russian academy of sciences (Vologda, Russia), e-mail: irina.razvarina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9377-1829>
- Seregin Nikolai N.** — Dr. Sci. (History), Deputy Vice-Rector for Scientific and Innovative Development, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: nikolay-seregin@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>)
- Shaikhislamov Rafael B.** — Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology and Youth Work, Bashkir State University (Ufa, Russia), e-mail: rafaelbadretdinovich@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0001-8404-1405>)
- Sharapov Alexey V.** — Cand. Sci. (History), Associate Professor at the Department of Political History, National and State-Confessional Relations, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: marin-sharapov@yandex.ru
- Shinkevich Vladimir E.** — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of humanitarian and socio-economic disciplines, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk, Russia), e-mail: vlashink@yandex.ru (<https://orcid.org/0000-0002-9175-7492>)
- Shmatova Yuliya E.** — Cand. Sci. (Economics), Research Fellow, Vologda research center of Russian academy of sciences (Vologda, Russia), e-mail: ueshmatova@mail.ru
- Smirnova Elena**, Cand. Sci. (Technical), Head of Security, D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia (Moscow, Russia), e-mail: Smir.szao@mail.ru
- Surtaeva Olga V.** — Cand. Sci. (Sociology), Senior Lecturer, the Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies, Altai State University, (Barnaul, Russia), e-mail: bubuka_s@mail.ru
- Vlasova Anna I.** — Senior Lecturer at the Department of Oriental Studies, Altai State University (Barnaul, Russia) e-mail: for.ann.annie@yandex.ru
- Zhanbosinova Albina S.** — Dr. Sci. (History), Professor at the Department of the History of Kazakhstan, Sarsen Amanzholov East-Kazakhstan State University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan), e-mail: sovetuk@rambler.ru
- Zharmakhanova Zhansaule I.** — postdoctoral researcher, the Department of International Relations, L.N. Gumilev Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan), e-mail: zhansaule94@bk.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал Society and Security Insights является научным периодическим изданием, публикующим результаты оригинальных исследований, аналитические обзоры, ранее не опубликованные переводы научных работ зарубежных ученых, рецензии и короткие сообщения по проблемам фундаментальных и прикладных исследований в социальных науках, связанных с тематикой риска и безопасности, особенностей их социального конструирования, восприятия и интерпретации, воздействия на общественное сознание, социальные институты и процессы.

К рассмотрению для публикации в журнале принимаются статьи докторов и кандидатов наук, преподавателей, аспирантов и докторантов, специалистов-практиков в области государственного и муниципального управления, социологии, философии, психологии, экономики, менеджмента и других отраслей знаний. Публикации магистрантов принимаются только в соавторстве с научным руководителем.

К публикации принимаются статьи, соответствующие тематике журнала и ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Публикация бесплатная.

Журнал выходит четыре раза в год как в печатном варианте, так и в режиме непрерывной публикации (continuous publication). Это означает, что статьи публикуются сразу после прохождения рецензирования и утверждения редакционной коллегией, что значительно сокращает сроки публикации и повышает уровень цитируемости статьи. Статьи размещаются в режиме открытого доступа, каждой статье присваивается индекс DOI.

Редакция журнала принимает исследовательские статьи и аналитические обзоры объемом до 1,0 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами), краткие научные сообщения – до 0,4 авторского листа (16 тыс. знаков с пробелами), другие материалы – до 0,15 авторского листа (6 тыс. знаков с пробелами), включая сведения об авторах, иллюстрации и список литературы. К рассмотрению принимаются материалы, подготовленные на русском и английском языках.

При наличии рисунков, диаграмм, графиков в статье они сохраняются в формате *.jpg в отдельной папке и передаются вместе с текстом статьи.

После независимой научной и технической экспертизы статья либо возвращается на доработку, либо принимается к публикации, о чём сообщается автору по электронной почте.

Для отправки статей необходимо зарегистрироваться на сайте <http://journal.asu.ru>. При регистрации обязательно указать в последнем пункте, что Вы являетесь автором и/или рецензентом. При регистрации нужно использовать английский вариант фамилии и имени.

Далее войти со своей учетной записью, на Странице пользователя, выбрать пункт Новая статья и начать процесс отправки, состоящий из пяти последовательных шагов.

Требования к оформлению статей, описание процедуры рецензирования и дополнительную информацию о журнале можно найти на официальном сайте <http://journal.asu.ru/index.php/ssi>.

Тематика журнала

1. Международная, национальная и региональная безопасность.
2. Безопасность в странах Азиатского региона.
3. Теоретические и методологические вопросы исследования общества и безопасности.
4. Риск, угрозы и безопасность: социальные и психологические аспекты.
5. Социология безопасности.
6. Социальные исследования и мониторинг безопасности.
7. Демография, миграция и безопасность общества.
8. Безопасность информационного пространства.
9. Образовательное пространство безопасности.
10. Информация и образовательное пространство безопасности.
11. Исторические аспекты безопасности.
12. Национальная политика, межнациональные отношения.
13. Государство, гражданское общество и стабильность.
14. Рецензии.

RULES FOR AUTHORS

«Society and Security Insights» is a scientific periodical journal, publishing results of original researches, analytical surveys, unpublished translations of works of foreign researches, reviews, and case studies on problems of fundamental and applied researches in social sciences, related to risk and security, aspects social constructing, perception and interpretation, influence for public consciousness, social institutes and processes.

Journal welcomes papers by doctors and candidates of sciences, lecturers, post-graduates and doctoral students, specialists and practitioners in the field of state and municipal administration, sociology, philosophy, psychology, economy, management and other fields of sciences. Masters publish their articles only with co-authorship.

Journal accept unpublished papers, related to relevant issues.

The publications is free.

The journal is quarterly printed journal and provides immediate open access to its content on the principle that making research freely available to the public supports a greater global exchange of knowledge (continuous publication). This means publishing open access articles soon after double-blind peer review and accepting by editorial staff, promotes to distribution and citing of articles. All articles are open-accessed and have DOI index.

Editorial board accept research papers and reviews no longer than 1.0 author's sheet (40 000 characters, spaces included), brief reviews no longer than 0.4 author's sheet (16 000 characters, spaces included), other materials no longer than 0.15 author's sheet (6 000 characters, spaces included), including information about authors, pictures and references. Papers in Russian and English are welcomed.

If the article contains figures, they should be provided as individual files in *.jpg format together with the manuscript. After independent scientific and technical expertise the article is rejected, returned for revision or accepted for publication, then authors are informed by e-mail.

To submit a paper authors should register the online author submissions system <http://journal.asu.ru>. Registration as an author and / or reviewer is strongly required. While registering, please indicate the English version of last and first name. Authors should login the User Page and choose "New paper" to submit an article.

Paper requirements, templates, reviewing process, and guide on paper selection and reviewing process are available of journal web-site <http://journal.asu.ru/index.php/ssi>.

This journal provides a forum for researchers and academics to debate internationally relevant issues that fall within the scope of social sciences, including but not limited to:

1. International, national and regional security.
2. Security in Asian region.

3. Theoretical and methodology questions of research about society and security.
4. Risk, threats and security: social and psychological aspects.
5. Sociology of security.
6. Social researches and monitoring of security.
7. Demography, migration and security of society.
8. Security of information area.
9. Educational area of security
10. Information and educational area of security.
11. Historical aspects of security.
12. National policy, international relations.
13. State, civil society and stability.
14. Reviews.

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

2020. № 4. Том 3

Литературный редактор

Н.Ю. Ляшко

Подготовка оригинал-макета, дизайн обложки

Ю.В. Плетнева

Подписано в печать 29.12.2020.

Дата выхода в свет 30.12.2020.

Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 18,06

Тираж 300 экз. Заказ 397

*Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС 77-74389.

Дата регистрации 23.11.2018

Журнал распространяется по подписке АО «Почта России»

Подписной индекс ПО198

Цена свободная

Адрес редакции и издателя:

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография ФГБОУ ВО Алтайского государственного университета

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66